Н. Д. Виноградовъ.

Педагогическая психологія.

Лекціи, читанныя въ 1911-12г. на Высшихъ Женскихъ курсахъ.

Часть III.

ВОЛЯ и ИНТЕЛЛЕКТЪ.

МОСКВА,
Типо-литографія С. М. Мухарскаго Больш. Никитская, 20.
1912 г.

ПРОГРАММА

ПО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГІИ

въ связи съ общей педагогикой.

1915—1916 уч. года.

1. Понятіе о воспитаніи. Возможность и предѣлы воспитанія (вліяніе наслѣдственности и среды).

2. Цѣль воспитанія. Педагогика, какъ наука и какъ искусство.

3. Основные методы психологическаго изслѣдованія. Примѣненіе этихъ методовъ къ изученію дѣтской души. Краткая характеристика современнаго педагогическаго движенія.

4. Характеристика основныхъ душевныхъ проявленій. Связь между различными типами душевныхъ состояній и значеніе этого факта въ глазахъ воспитателя. Анализъ дѣятельности вниманія. Основные законы вниманія. Ростъ и развитіе вниманія. Недостатки въ дѣятельности вниманія.

5. Ощущеніе, какъ основной процессъ познавательной дѣятельности. Характеристика основныхъ типовъ ощущеній. Различные педагогическіе выводы, основанные на фактѣ первоначальности ощущеній и воспріятій въ сферѣ интеллектуальной жизни.

6. Анализъ процесса воспроизведенія. Различные типы ассоціацій. Память въ ея различныхъ проявленіяхъ. Ростъ и развитіе памяти. Педагогическіе выводы изъ анализа дѣятельности памяти.

7. Воображеніе. Основные типы и пріемы дѣятельности

воображенія. Значеніе этой дѣятельности въ общей суммѣ душевной жизни. Дѣятельность воображенія у дѣтей. Отношеніе къ дѣятельности воображенія со стороны воспитателя и учителя.

8. Анализъ высшихъ формъ познавательной дѣятельности. Понятія и ихъ образованіе. Положительныя и отрицательныя свойства понятія. Педагогическіе выводы.

9. Анализъ дѣятельности сужденія и разсужденія. Развитіе этихъ формъ интеллектуальной жизни. Вмѣшательство воспитателя въ этотъ процессъ естественнаго роста. Вопросъ о цѣляхъ и средствахъ образованія въ связи съ анализомъ интеллектуальной дѣятельности.

10. Чувствованія или эмоціи. Природа чувствованій (анализъ теоріи эмоцій Джемса-Ланге). Особенности дѣтскихъ чувствованій.

11. Анализъ чувства страха: общая природа этой эмоціи; различныя формы страха; страхъ у дѣтей. Отношеніе воспитателя къ эмоціи страха. Замѣчанія по поводу системы наказаній.

12. Анализъ чувства гнѣва и произвольныхъ эмоцій (мести, злобы, жестокости и т. п.). Отношеніе къ этимъ эмоціямъ со стороны воспитателя. Другія формы чувствованій, связанныхъ съ сознаніемъ собственной силы (соревнованіе и соперничество, чувство собственнаго достоинства, честолюбіе и т. п.) и ихъ значеніе въ процессѣ воспитанія и обученія. Замѣчанія по поводу системы наградъ. Чувства застѣнчивости и стыда и ихъ педагогическое значеніе.

13. Общая природа соціальныхъ чувствованій. Симпатія и ея основныя формы. Ростъ и воспитаніе симпатическихъ эмоцій.

14. Эстетическое чувство. Общая природа, ростъ и воспитаніе эстетической эмоціи.

15. Интеллектуальное чувство. Различныя формы интеллектуальной эмоціи. Ростъ и воспитаніе интеллектуальнаго чувства (вопросъ объ удовлетвореніи дѣтской любознатель-

ности). Патологическія формы интеллектуальной эмоціи.

16. Нравственное чувство. Общая природа, ростъ и воспитаніе нравственнаго чувства. Замѣчанія по поводу дисциплины естественныхъ послѣдствій.

17. Религіозныя чувствованія. Различные виды религіозныхъ чувствованій. Отношеніе воспитателя къ религіозной эмоціи.

18. Основныя проявленія воли. Произвольныя и непроизвольныя формы нашей дѣятельности. Психологическій анализъ подражанія. Привычка и ея громадная роль въ дѣлѣ воспитанія.

19. Произвольная дѣятельность. Понятіе о характерѣ. Основные элементы въ образованіи характера. Воспитаніе характера.

20. Формы активности, наиболѣе цѣнныя съ педагогической точки зрѣнія: игра и работа; психологическій и педагогическій анализъ этихъ видовъ дѣятельности.

Н. Д. Виноградовъ.

Педагогическая психологія.

Лекціи, читанныя въ 1911-12 г на Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Х. КАВЫКИНА, Москва, Ст. Басманная д. № 16.
1912 г.

Прав. 1908

(2)

„Прав 38"

пр.

BF
54

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВЕННОЙ
АКАДЕМИИ

201725

ПОНЯТІЕ О ВОЛЕВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. ЭЛЕМЕНТАРНЫЯ ФОРМЫ ВОЛЕВОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ: РЕФЛЕКСЪ, ИМПУЛЬСИВНЫЯ ДВИЖЕНІЯ И ИНСТИНКТЫ. ПОДРАЖАНІЕ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ВОСПИТАНІИ. ПРИВЫЧКА И ЕЯ ОЦѢНКА СЪ ПЕДАГОІИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Я долженъ теперь перейти къ характеристикѣ слѣдующей формы нашей психической дѣятельности, именно, воли или активности по преимуществу. Я не буду имѣть возможности дать исчерпывающую характеристику этой существенной стороны нашей психики, и мнѣ придется только въ общихъ чертахъ охарактеризовать наиболѣе существенныя проявленія нашей активности. Что касается самаго существа этой дѣятельности, то эта дѣятельность въ извѣстной формѣ, въ извѣстномъ объемѣ встрѣчалась намъ уже раньше при анализѣ другихъ сторонъ нашей жизни, именно - интеллектуальной и эмоціональной. Если имѣть въ виду даже болѣе элементарные процессы интеллектуальной дѣятельности, въ видѣ процессовъ воспріятія, или ощущеній, то и здѣсь элементъ активности уже имѣетъ мѣсто въ видѣ своеобразнаго вниманія, совершенно необходимаго для осуществленія самаго процесса воспріятія. Затѣмъ, при анализѣ эмоціональной жизни мнѣ не разъ приходилось указывать на то, что и здѣсь элементу активности принадлежитъ большая роль, поскольку эмоція является состояніемъ сложнымъ, въ которомъ на-ряду со спеціально эмоціональными переживаніями имѣетъ мѣсто и интеллектуальный элементъ, и элементъ активности, такъ какъ эмоціональныя переживанія въ сво-

емъ конкретномъ проявленіи связаны съ цѣлымъ рядомъ различнаго рода движеній, которыя являются типичными для активности. Но несмотря на все это, конечно, тѣ замѣчанія относительно элементовъ активности въ сферѣ интеллекта и эмоціи, которыя намъ приходилось сдѣлать раньше, являются недостаточными для характеристики этой своеобразной формы нашей психики. Дѣло въ томъ, что эта сфера духовной дѣятельности является, несмотря на то, что она тѣсно связана съ другими душевными проявленіями, безспорно самостоятельной, можетъ быть, даже болѣе первичной, чѣмъ наша интеллектуальная дѣятельность или наша эмоціональная жизнь. Конечно, если мы будемъ разсматривать тѣ формы нашей дѣятельности, которыя характеризуются, какъ активныя по преимуществу, то мы всегда можемъ констатировать присутствіе интеллекта, будетъ ли это наиболѣе сложная форма нашей активной, сознательной волевой дѣятельности, будетъ ли это нѣкоторое элементарное проявленіе активности,- во всѣхъ этихъ актахъ можно констатировать наличность интеллектуальнаго элемента, наличность чувства, когда чувство нерѣдко является главнымъ стимуломъ нашей волевой дѣятельности, особенно въ ея высшемъ проявленіи. Такимъ образомъ, присутствіе въ нѣкоторыхъ волевыхъ проявленіяхъ интеллекта и эмоціи является безспорнымъ. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство не можетъ говорить противъ самостоятельности волевой дѣятельности. Правда, въ исторіи психологіи мы нерѣдко встрѣчаемъ такія направленія, которыя пытаются свести все своеобразіе волевыхъ процессовъ къ элементамъ интеллектуальному или эмоціональному. Но такія попытки едва ли мо-

гутъ считаться вполнѣ удовлетворяющими, и позднѣйшіе психологи приходятъ къ такому убѣжденію, что активность является болѣе изначальной сферой нашей дѣятельности, чѣмъ интеллектъ и эмоція; поэтому современная психологія носитъ ярко выраженный волюнтаристическій характеръ. Правда, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ тенденціяхъ волюнтаризма мы видимъ одностороннее толкованіе душевной жизни, но во всякомъ случаѣ здѣсь является безспорнымъ тотъ фактъ, что этотъ элементъ активности является существеннымъ для всѣхъ нашихъ душевныхъ проявленій, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ выступаетъ менѣе ярко, именно тамъ, гдѣ его заслоняютъ другіе элементы - интеллектуальные или эмоціональные. Все это приводитъ къ тому общему выводу, что наша волевая дѣятельность является изначальной сферой нашей психики, въ особенности, когда она обнаруживается въ такихъ актахъ, которые свидѣтельствуютъ о своеобразной задержкѣ нашихъ чувствованій, нашихъ мыслей, когда здѣсь есть то своеобразное чувство усилія, напряженія, которое является типичнымъ для волевой дѣятельности и которое не исчерпывается тѣми элементами, какіе наблюдаются въ области интеллектуальной или эмоціональной жизни. Въ виду всего этого, намъ придется остановиться спеціально на анализѣ волевой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что этотъ анализъ долженъ имѣть извѣстное практическое значеніе съ точки зрѣнія своего отношенія къ вопросамъ воспитанія, къ вопросамъ практической педагогики.

Для насъ, конечно, является наиболѣе важною одна изъ высшихъ формъ волевой дѣятельности, гдѣ имѣетъ мѣсто, и въ очень

значительной степени, интеллектуальный элементъ, но съ другой стороны, намъ придется остановиться и на разсмотрѣніи болѣе элементарныхъ проявленій нашей активности, которыя также оказываются очень цѣнными въ глазахъ воспитателя. Понятіе воли, какъ извѣстно, въ приложеніи къ человѣку или ко всѣмъ высшимъ животнымъ, берется въ очень широкомъ смыслѣ. Съ другой стороны, названіемъ „воля" часто обозначаются наиболѣе сложныя формы волевой дѣятельности, которыя характеризуются, какъ уже болѣе устойчивый комплексъ, какъ нѣчто такое, что сформировалось постепенно, на почвѣ очень длительнаго процесса индивидуальнаго развитія. Эти формы, конечно, заслуживаютъ особаго вниманія въ виду ихъ исключительнаго значенія въ сферѣ сознательной жизни человѣка, но намъ, преже всего, придется остановиться на болѣе элементарныхъ проявленіяхъ, которыя встрѣчаются какъ у человѣка, такъ и у животныхъ, которыя сводятся въ своей первоначальной и біологической формѣ къ такимъ актамъ, какъ рефлексъ, и которыя, однако же являются очень цѣнными въ виду ихъ огромнаго значенія въ общей экономіи человѣческой жизни. Я прежде всего и задержу ваше вниманіе на короткое время на анализѣ этихъ наиболѣе элементарныхъ формъ нашей активности, какъ эта активность выражается въ цѣломъ рядѣ движеній. Дѣло въ томъ, что элементъ движенія, поскольку въ этомъ движеніи внѣшнимъ образомъ обнаруживается извѣстное душевное состояніе, является типичнымъ для волевой дѣятельности, и этотъ элементъ можетъ наблюдаться не только въ самыхъ элементарныхъ формахъ, но и въ болѣе сложныхъ проявленіяхъ волевой дѣятельности, въ

различнаго рода актахъ, дѣйствіяхъ, поступкахъ, гдѣ всегда имѣютъ мѣсто эти внѣшнія обнаруженія нашихъ отношеній къ окружающимъ насъ людямъ, средѣ, природѣ и т.д. Эти низшія формы нашей активности или этотъ двигательный элементъ наблюдаются въ очень ярко выраженной формѣ, поскольку здѣсь можно видѣть тѣсную связь этихъ движеній съ нашимъ организмомъ или съ опредѣленными частями этого организма. Въ этомъ отношеніи я долженъ назвать наиболѣе элементарныя формы нашей активности, какъ рефлексы, т.е. такого рода движенія въ нашемъ организмѣ, которые или связаны съ цѣлымъ рядомъ органическихъ процессовъ или которые могутъ предполагать для себя извѣстныя внѣшнія возбужденія или раздраженія. И въ этого рода движеніяхъ, въ ихъ элементарной формѣ не принадлежитъ никакой роли тому, что называется нашей сознательной волей, такъ какъ многіе рефлексы являются совершенно неподчиненными нашей волѣ и возникаютъ совершенно самостоятельно, какъ это можно говорить о цѣломъ рядѣ чисто органическихъ движеній, въ связи съ дѣятельностью разныхъ системъ внутри нашего организма, отчасти въ связи съ обнаруженіями нѣкоторыхъ изъ этихъ системъ вовнѣ, путемъ непроизвольныхъ мускульныхъ движеній. Такого рода движенія, хотя и доходятъ до нашего сознанія или могутъ быть нами замѣчены, въ самой начальной стадіи совершенно оказываются неподчиненными нашей волѣ. Къ такому роду движеній нужно отнести, какъ наиболѣе типичныя, такія, какъ суженіе или расширеніе зрачка, въ связи съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ свѣта, явленіе миганія и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ актовъ, которые совершаются въ свя-

зи съ воздѣйствіемъ на организмъ тѣхъ или другихъ раздраженій и которые происходятъ въ этомъ смыслѣ совершенно автоматически, благодаря своеобразному біологическому механизму, который является цѣннымъ для самосохраненія нашего организма, для устраненія разнообразныхъ вредныхъ разрушительныхъ вліяній, которыя онъ можетъ испытывать извнѣ. Но эти рефлексы постоянно осложняются психическимъ элементомъ, поскольку здѣсь уже вмѣшивается наша воля въ процессѣ ихъ совершенія, когда здѣсь можетъ быть не только извѣстная задержка или ослабленіе этихъ рефлексовъ, но иногда и сознательное усиленіе ихъ. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся уже съ явленіями полурефлекса, такими явленіями, какъ кашель, чиханіе и т.д, которыя возникаютъ въ связи съ извѣстными органическими процессами, независимо отъ нашего сознанія, но которыя находятся въ извѣстной власти или подчиненіи этому сознанію - въ извѣстныхъ условіяхъ, въ извѣстномъ объемѣ или при извѣстной интенсивности, когда возможно усиленіе этихъ явленій, или ослабленіе ихъ, или искусственное вызываніе, не вполнѣ, можетъ быть, соотвѣтствующее нормальному теченію этихъ процессовъ. Но затѣмъ, кромѣ этого ряда движеній, которыя возникаютъ въ связи съ извѣстными процессами въ нашемъ организмѣ, мы можемъ указать еще своеобразныя движенія, которыя также обязаны своимъ происхожденіемъ чисто органическимъ процессамъ, но самое возникновеніе которыхъ кажется для насъ еще болѣе неяснымъ и спутаннымъ, въ виду того, что источникъ этихъ движеній лежитъ въ самой глубинѣ нашего организма, нашей органической дѣятельности. Я разумѣю такъ называемыя импульсивныя дви-

женія, которыя называются иногда автоматическими въ собственномъ смыслѣ слова и къ которымъ приложимъ болѣе первый терминъ - импульсивныя движенія. Здѣсь предполагаются такого рода движенія, которыя возникаютъ въ связи съ накопленіемъ энергіи въ нашемъ организмѣ, когда это накопленіе ищетъ выхода и когда выходъ этотъ является какъ бы рефлекторно, въ цѣломъ рядѣ движеній, наблюдающихся у взрослыхъ людей и у дѣтей. Это явленіе бѣганія, вскакиванія, прыганія, въ связи съ чисто органическими явленіями, когда для этого нѣтъ никакого основанія и во внѣшнихъ раздраженіяхъ и въ самыхъ чувствахъ, на которыя направлены эти внѣшнія раздраженія. Такимъ образомъ, здѣсь, въ связи съ процессами чисто органическими, главнымъ образомъ, въ связи съ процессомъ питанія, мы можемъ испытывать необходимость проявить извѣстную энергію, совершить извѣстныя движенія, только благодаря чисто органической дѣятельности. Такого рода движенія довольно разнообразны, въ особенности въ эпоху ранняго дѣтства и отрочества, и они являются иногда основою для различныхъ своеобразныхъ проявленій дѣтской психики, для объясненія такой особенности дѣтскаго возраста, какъ непосѣдливость, когда здѣсь имѣется въ виду своеобразная органическая дѣятельность, иногда ярко отличающая одного ребенка отъ другого, съ точки зрѣнія чисто органической основы, съ точки зрѣнія того, что мы называемъ темпераментомъ. Эти движенія, конечно, въ извѣстной степени подчиняются нашей волѣ въ смыслѣ задержки или подавленія ихъ въ болѣе поздній періодъ развитія, но по своему происхожденію они носятъ органическій характеръ, и

здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сознательной волѣ въ собственномъ смыслѣ слова. Кромѣ этихъ движеній, мы должны указать еще цѣлый рядъ движеній, которыя называются инстинктивными и выражаются въ болѣе сложныхъ формахъ дѣятельности, а не только въ элементарныхъ актахъ рефлекторнаго типа. Такого рода инстинктивныя движенія являются типичными, какъ и рефлексы, не только для человѣка, но и для животныхъ, поскольку здѣсь мы наблюдаемъ движенія очень сложныя, даже замысловатыя, такія, которыя, повидимому, даже предполагаютъ присутствіе сознательной энергіи, но, которыя, при болѣе глубокомъ анализѣ, оказываются безсознательными въ томъ смыслѣ, что здѣсь нѣтъ яснаго представленія о той цѣли, которая предполагается въ результатѣ этой дѣятельности, однако же эта цѣль осуществляется и является очень благодѣтельной для самого живого существа, будетъ ли это животное, или человѣкъ. Различіе инстинкта отъ рефлекса заключается въ томъ, что въ инстинктѣ мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе сложнымъ механизмомъ, самое дѣйствіе или приведеніе въ дѣйствіе этого механизма связано съ извѣстными внѣшними впечатлѣніями и раздраженіями органовъ внѣшнихъ чувствъ человѣка или животныхъ, и въ результатѣ этихъ раздраженій и впечатлѣній и начинаетъ дѣйствовать этотъ механизмъ, когда совершается такимъ образомъ цѣлый рядъ дѣйствій, направленныхъ на благо живого существа, но яснаго и отчетливаго представленія этого блага, этой конечной цѣли мы здѣсь не имѣемъ. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что эти инстинкты являются достояніемъ вообще животной природы,- въ особенности много ихъ мы видимъ у высшихъ живот-

ныхъ, но они встрѣчаются и у низшихъ животныхъ, существуютъ въ достаточномъ количествѣ и у человѣка. Что же касается происхожденія этого рода актовъ, то объ этомъ происхожденіи могутъ быть высказаны только извѣстныя предположенія, которыя не должны стоять въ противорѣчіи съ данными научнаго анализа. И изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются въ настоящее время, мы можемъ заключить, что инстинкты обязаны своимъ происхожденіемъ рефлексамъ, что они возникали на почвѣ рефлекторной дѣятельности, т.е. на почвѣ приспособленія животнаго къ окружающей его обстановкѣ, и на почвѣ тѣхъ важнѣйшихъ факторовъ, которые обуславливаютъ эволюцію животнаго міра, это - борьба за существованіе и естественный подборъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя разсматривать инстинктивную дѣятельность, какъ такую, которая носитъ извѣстный сознательный характеръ, требуя затраты опредѣленныхъ намѣренныхъ усилій, и которая уже впослѣдствіи обращается въ автоматическую. Несомнѣнно такое объясненіе не соотвѣтствуетъ основнымъ научнымъ принципамъ, которые являются господствующими теперь. И эту дѣятельность, прежде сознательную, а теперь безсознательную, нужно называть иначе - привычной, а не инстинктивной дѣятельностью, причемъ привычная дѣятельность наблюдается, главнымъ образомъ, у человѣка. Что же касается инстинктивной дѣятельности въ ея наиболѣе типичномъ пониманіи, то здѣсь, безспорно, основаніемъ или источникомъ ея является рефлексъ или комбинированіе различныхъ рефлексовъ въ процессѣ указаннаго мною приспособленія. Но, охарактеризовавъ эту форму активности, мы должны указать, что сложность ея заключается не

только въ комбинированіи этихъ рефлексовъ, но и въ томъ, что въ этой инстинктивной дѣятельности, какъ она наблюдается у животныхъ, можетъ проявляться и эмоціональный элементъ, послѣдній выражается, напримѣръ, въ явленіи ухода за дѣденышами, или въ явленіи строенія гнѣздъ и т.д, гдѣ мы можемъ несомнѣнно, предположить этотъ эмоціональный элементъ, который играетъ большую роль въ процессѣ осуществленія этихъ дѣйствій, хотя цѣль этихъ дѣйствій, конечно, не сознается. Что касается значенія инстинкта въ жизни живыхъ существъ вообще, то огромное значеніе его, конечно, безспорно и для всѣхъ вполнѣ очевидно, поскольку здѣсь мы встрѣчаемся съ огромною ролью такого рода дѣятельности въ процессѣ борьбы за существованіе, выживанія наиболѣе годныхъ и т.д. Но объ этомъ нѣтъ нужды распространяться. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о значеніи инстинктивной дѣятельности въ жизни человѣка. Безспорно, человѣкъ въ значительной части своей жизни является существомъ сознательнымъ и умѣющимъ вполнѣ сознательно управлять своими дѣйствіями, однако роль инстинктивной дѣятельности очень велика, хотя не можетъ быть уравнена съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ мірѣ животныхъ. Что касается основныхъ инстинктовъ у человѣка, то здѣсь мы можемъ назвать два главныхъ инстинкта, тѣсно связанныхъ между собою: инстинктъ самосохраненія и инстинктъ продолженія или сохраненія рода. Эти инстинкты имѣютъ, несомнѣнно, біологическій характеръ и являются у человѣка общими съ животными, играютъ огромную роль въ развитіи и жизни отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества, а потому имѣютъ большое значеніе въ глазахъ воспитателя. Объ этомъ здѣсь нѣтъ

нужды распространяться, тѣмъ болѣе, что къ этому придется возвращаться позднѣе. Но во всякомъ случаѣ здѣсь нужно замѣтить, что эти инстинкты не имѣютъ того рефлекторнаго характера, какъ у животныхъ, поскольку у человѣка мы имѣемъ дѣло съ такого рода явленіями, какъ задержка инстинкта, ослабленіе, а иногда и почти полное подавленіе. Послѣднее можно говорить объ инстинктѣ самосохраненія въ связи съ прекращеніемъ собственной жизни, хотя въ этомъ случаѣ можно предполагать своеобразное проявленіе принципа самосохраненія, можетъ быть въ видѣ допущенія болѣе цѣлесообразнаго существованія, или даже новой формы бытія, неизвѣстной или, можетъ быть, противоположной теперешнему существованію. Во всякомъ случаѣ здѣсь мы все-таки встрѣчаемся съ проявленіемъ инстинкта въ такой формѣ, въ какой мы его не наблюдаемъ въ мірѣ животныхъ вообще. То же самое можно сказать и объ инстинктѣ продолженія рода, поскольку наблюдается у человѣка ослабленіе и задержаніе этого инстинкта и поскольку на высшихъ стадіяхъ развитія сознательности принадлежитъ огромное значеніе; въ этомъ заключается существенное отличіе инстинктивной дѣятельности человѣка отъ роли инстинкта въ жизни животныхъ. Но инстинктивная дѣятельность человѣка не исчерпывается этими двумя указанными инстинктами. Къ этимъ двумъ основнымъ видамъ или типамъ инстинкта могутъ быть теперь присоединены и многія другія формы инстинктивной дѣятельности, которыя встрѣчаются у ребенка въ ранній періодъ его развитія, въ связи съ процессомъ самосохраненія, и которыя наблюдаются и на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія. Дѣло въ томъ, что если стать на біоло-

гическую точку зрѣнія, то и наиболѣе сложныя формы психической дѣятельности могутъ быть сведены въ своемъ происхожденіи къ инстинкту, и, съ этой точки зрѣнія, даже такая, повидимому, типичная для человѣка форма психической дѣятельности, какъ интеллектъ, можетъ разсматриваться, какъ инстинктивная дѣятельность. Интеллектъ постепенно вырабатывался, укрѣплялся и усложнялся въ процессѣ борьбы за существованіе и съ этой точки зрѣнія обнаруживаетъ именно инстинктивное происхожденіе, настоящіе слѣды инстинкта, поскольку мы наблюдаемъ у людей или у ребенка именно инстинктивное стремленіе къ знанію, сначала въ видѣ любопытства, затѣмъ въ видѣ любознательности и т.д. Поэтому нѣкоторые психологи, напр., Джемсъ, прямо называютъ любознательность и любопытство инстинктомъ, который является прирожденнымъ каждому современному ребенку, но который проявляется постепенно подъ вліяніемъ воздѣйствій среды и окружающей обстановки. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ эмоціяхъ, какъ объ эмоціи соревнованія, соперничества, о чувствѣ сознанія собственнаго достоинства или эмоціи силы въ широкомъ смыслѣ. Опять таки такого рода явленія можно назвать инстинктивными въ широкомъ смыслѣ, потому что они тѣсно связаны съ процессомъ самосохраненія, поскольку здѣсь является необходимымъ обостреніе психическихъ силъ, доведеніе ихъ до болѣе высокой ступени, когда такое доведеніе являлось не только желательнымъ, но иногда и неизбѣжнымъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому, если расширять это понятіе инстинкта, то можно увидѣть, что существуетъ много довольно сложныхъ проявленій человѣческой психики, кото-

рия въ своемъ генезисѣ и своей основѣ сводятся къ инстинкту. Съ этой точки зрѣнія, самыя разнообразныя проявленія интеллекта, самыя разнообразныя формы эмоціональной жизни въ своемъ происхожденіи и въ условіяхъ теперешняго существованія являются инстинктивными, потому что оказываются прирожденными у современнаго человѣка, но только въ видѣ задатковъ, которые потомъ развиваются, благодаря различнымъ вліяніямъ, неизбѣжно испытываемымъ ребенкомъ послѣ своего рожденія. Все это указываетъ на то, что инстинктивная дѣятельность въ такомъ расширенномъ пониманіи играетъ огромную роль въ жизни человѣка. Но въ этомъ случаѣ она необходимо осложняется сознательными интеллектуальными элементами, и дальнѣйшее развитіе этихъ инстинктивныхъ задатковъ идетъ, конечно, уже независимо отъ естественныхъ предрасположеній. Вѣдь если будемъ говорить о любознательности и будемъ ее разсматривать какъ естественное стремленіе человѣческаго духа, выросшее на почвѣ борьбы за существованіе, то позднѣе мы можемъ наблюдать и такія формы этого чувства, которыя носятъ совершенно бескорыстный характеръ, которыя никакимъ образомъ уже не связаны съ этимъ процессомъ борьбы, но являются цѣнными съ точки зрѣнія наиболѣе высокихъ интересовъ, существующихъ у современнаго культурнаго человѣка. То же самое можно сказать и о чувствѣ соревнованія, которое можетъ обостряться, развиваться или ослабляться въ связи съ вмѣшательствомъ сознанія, а не только благодаря тому, что здѣсь имѣетъ мѣсто процессъ борьбы въ той грубой біологической формѣ, какая наблюдается на низшей стадіи человѣческой жизни или въ мірѣ животныхъ. Слѣдова-

тельно, признавая огромное значеніе инстинктивной дѣятельности въ жизни человѣка, мы все-таки должны указать на то, что эта инстинктивная дѣятельность входитъ здѣсь въ своеобразное столкновеніе съ болѣе высокими факторами интеллектуальной жизни, и на почвѣ этого мы наблюдаемъ такія комбинаціи, которыя совершенно отсутствуютъ въ мірѣ животныхъ. Но объ этихъ болѣе высокихъ формахъ волевой дѣятельности мнѣ придется говорить позднѣе, теперь же я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ формахъ активности, въ основѣ которыхъ лежатъ ранѣе охарактеризованныя мною непроизвольныя движенія, но которыя постепенно осложняются болѣе высокими элементами и въ этихъ своихъ болѣе сложныхъ проявленіяхъ имѣютъ большое значеніе и въ педагогическомъ отношеніи. Я именно имѣю въ виду ту форму нашей дѣятельности, которая извѣстна подъ именемъ подражанія и которая проявляется въ различныхъ конкретныхъ обнаруженіяхъ.

Подъ именемъ подражанія обычно разумѣется воспроизведеніе того, что наблюдается у другихъ людей со стороны внѣшняго проявленія, а очень часто и со стороны внутренняго переживанія. Здѣсь прежде всего, имѣются въ виду чисто рефлекторные акты, которые воспроизводятъ, иногда совершенно безсознательно, тѣ движенія, которыя наблюдаются у другихъ людей, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. Я имѣю въ виду такого рода явленія, какъ явленія рефлекторной улыбки или смѣха, явленія жестикуляціи, когда здѣсь нѣтъ на самомъ дѣлѣ настоящихъ симпатическихъ переживаній, когда здѣсь есть просто отраженіе движеній и отсутствуетъ проникновеніе въ самое существо психическихъ процес-

совъ. Такого рода явленіе наблюдается у дѣтей очень рано, когда для нихъ еще нѣтъ возможности понять душевное состояніе другого человѣка, когда, слѣдовательно, нѣтъ чувства симпатіи - въ болѣетѣсномъ смыслѣ слова. Затѣмъ здѣсь мы можемъ видѣть цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій, когда послѣднія уже сопровождаются сознаніемъ, хотя, можетъ быть, въ незначительной степени, не предполагая полнаго пониманія соотвѣтствующихъ психическихъ переживаній. Я разумѣю здѣсь подражательныя движенія, которыя носятъ коллективный характеръ и которыя наблюдаются не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, когда здѣсь имѣются въ виду различныя формы этихъ процессовъ, будетъ ли это страхъ, въ видѣ паники, будутъ ли это коллективныя проявленія въ дѣйствіяхъ толпы, когда передъ нами заразительность извѣстнымъ чувствомъ, возбужденіе сразу большого количества людей и т.п. Эта подражательность носитъ конечно, нѣсколько болѣе сложный характеръ, такъ какъ она вызывается не только воспріятіемъ этихъ внѣшнихъ движеній, наблюдаемыхъ у другихъ людей или у дѣтей, но здѣсь есть, несомнѣнно, и возбужденіе чувства, на почвѣ воспріятія этихъ внѣшнихъ обнаруженій, когда здѣсь возникаетъ чувство страха, гнѣва, злобы и т.д., когда, благодаря такому коллективному проявленію, эта эмоція получаетъ наиболѣе яркій, иногда ужасающій, и часто совершенно стихійный характеръ. Все это указываетъ на то, что на самомъ дѣ-

лѣ здѣсь нѣтъ того нормальнаго теченія индивидуальнаго переживанія извѣстной эмоціи, когда это переживаніе не осложняется тѣми невольными въ данномъ случаѣ впечатлѣніями, какія получаются отъ наблюденія внѣшняго выраженія душевнаго состоянія другихъ лицъ. Затѣмъ мы можемъ наблюдать постепенное осложненіе эмоціональными и интеллектуальными элементами этого чувства у дѣтей, когда это чувство проявляется въ формѣ симпатіи - уже не въ смыслѣ синергіи, простого воспроизведенія дѣйствій, но и въ смыслѣ синестезіи, т.е. раздѣленія самого чувства. Такого рода симпатіи, какъ и ранѣе мнѣ приходилось упоминать, можно наблюдать у дѣтей очень рано, хотя въ этихъ случаяхъ, на ряду съ присутствіемъ извѣстнаго чувства, иногда очень глубокаго, всегда есть различіе этихъ эмоціональныхъ переживаній отъ того, что на самомъ дѣлѣ происходитъ въ душѣ взрослаго человѣка. Но какъ бы то ни было, здѣсь уже есть привхожденіе психическаго, именно эмоціональнаго элемента, осложняющаго этотъ процессъ подражательныхъ дѣйствій. Затѣмъ можно наблюдать еще большее осложненіе этого процесса, когда здѣсь, на ряду съ симпатическими эмоціями, имѣютъ большое значеніе и эмоціи эгоистическаго типа, когда здѣсь предполагается, главнымъ образомъ, подражаніе взрослымъ или лицамъ, превосходящимъ насъ какими-нибудь качествами и когда здѣсь эти подражательныя дѣйствія тѣсно связаны съ чувствомъ соревнованія, стремленія быть равнымъ, уподобиться из-

вѣстному человѣку, не отстать отъ него. Во всякомъ случаѣ, здѣсь наблюдается тотъ постепенный ростъ этого состоянія, которое встрѣчается въ эпоху отроческаго, а тѣмъ болѣе, юношескаго возраста, при чемъ здѣсь мы видимъ осложненіе этой эмоціи въ значительной степени интеллектуальнымъ элементомъ, который предполагаетъ извѣстное критическое отношеніе, хотя, повидимому, это критическое отношеніе находится въ полномъ противорѣчіи съ самымъ принципомъ подражательности. На самомъ дѣлѣ, такого противорѣчія нѣтъ, потому что здѣсь возможно предварительное критическое отношеніе въ томъ смыслѣ, что извѣстный объектъ подражанія становится для насъ образцомъ, идеаломъ уже въ результатѣ извѣстной оцѣнки, когда мы дѣйствительно считаемъэто внѣшнее обнаруженіе совокупностью извѣстныхъ качествъ внѣшнихъ или внутреннихъ, наиболѣе цѣнныхъ для насъ, и когда они въ такомъ живомъ конкретномъ проявленіи оказываются для насъ особенно важнымъ стимуломъ дѣятельности. Такимъ образомъ, здѣсь есть предварительная оцѣнка; и это подражаніе есть уподобленіе извѣстнымъ людямъ или лицамъ на почвѣ сознанія превосходства этихъ лицъ, на почвѣ констатированія въ нихъ такихъ цѣнныхъ свойствъ, какихъ мы не наблюдаемъ въ самихъ себѣ. Все это вскрываетъ передъ нами всю сложность этого процесса подражанія, которое естественно не можетъ ограничиться тѣми наиболѣе элементарными формами волевой дѣятельно-

сти, на которыхъ намъ приходится теперь останавливаться. Но тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ говорить о подражаніи именно здѣсь, въ виду того, что самое подражаніе безспорно связано съ тѣми элементарными рефлекторными процессами, о которыхъ именно приходилось говорить ранѣе.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о самомъ существѣ этой дѣятельности и ея сложномъ характерѣ, мнѣ необходимо сказать, какое значеніе этого рода дѣятельность имѣетъ для воспитателя или учителя, и каково должно быть отношеніе къ этой дѣятельности- положительное или отрицательное. Безспорно, значеніе этой дѣятельности очень велико, и это значеніе можетъ быть какъ положительнымъ, такъ и отрицательнымъ, въ зависимости отъ формы подражанія и въ зависимости отъ того, насколько въ такого рода дѣятельности участвуетъ сознательный элементъ. Здѣсь, прежде всего, нужно сказать, что, несомнѣнно, многія явленія въ жизни ребенка объясняются именно подражаніемъ: они складываются, развиваются и укрѣпляются на почвѣ подражательной дѣятельности, на почвѣ участія рефлекторныхъ процессовъ, которые являются отраженіемъ того, что наблюдаетъ обыкновенно ребенокъ у взрослыхъ или у другихъ дѣтей. Въ этомъ случаѣ многія явленія ранняго дѣтства, явленія, связанныя съ развитіемъ интеллекта въ эту раннюю эпоху предполагаютъ огромное положительное значеніе этой дѣятельности, поскольку здѣсь

ми видимъ развитіе естественныхъ задатковъ въ связи именно съ ролью подражанія. Въ частности, можемъ здѣсь отмѣтить огромное значеніе этой дѣятельности въ процессѣ развитія рѣчи, и если этотъ процессъ предполагаетъ уже извѣстный анатомо-физіологическій механизмъ, который является свойствомъ только человѣческаго организма, то самое дѣйствіе этого механизма, самое его обнаруженіе предполагаетъ цѣлый рядъ внѣшнихъ воздѣйствій, именно въ видѣ человѣческой членораздѣльной рѣчи, которую слышитъ ребенокъ у другихъ людей. Значитъ, этому внѣшнему фактору въ процессѣ выработки рѣчи принадлежитъ большое значеніе. Причемъ, здѣсь можетъ быть и извѣстный отрицательный результатъ, въ связи съ тѣмъ несовершенствомъ образцовъ, которыми являются въ данномъ случаѣ взрослые, если здѣсь предполагаются извѣстные недостатки, которые естественно могутъ быть усвоены ребенкомъ, хотя самая природа механизма является здѣсь безупречной. Затѣмъ, эта роль подражанія наблюдается въ тѣхъ разнообразныхъ формахъ симпатіи, о которыхъ я говорилъ ранѣе и которыя проявляются въ связи съ извѣстными взаимоотношеніями въ мірѣ дѣтей, въ связи съ различнаго рода ихъ играми и развлеченіями, гдѣ, несомнѣнно, этому подражательному элементу принадлежитъ огромная роль. Въ частности, что касается самого существа этихъ игръ, самого существа этихъ занятій, то, безспорно, эти игры являются часто воспроизведеніемъ

жизни уже взрослыхъ людей, но такимъ воспроизведеніемъ, которое является здѣсь преломленнымъ черезъ ту своеобразную духовную призму, которая представляется въ данномъ случаѣ въ видѣ души ребенка. Значитъ, здѣсь мы можемъ видѣть огромное значеніе для этого процесса дѣтскаго творчества всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя получаются у дѣтей въ связи съ этимъ общеніемъ съ взрослыми. Здѣсь же нужно указать на то, что подражательность является типичной чертой дѣтскаго возраста вообще, поскольку эта подражательность связана съ извѣстнымъ механизмомъ дѣтскаго существа и поскольку здѣсь это подражательное усвоеніе, несомнѣнно, является дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ болѣе самостоятельная, активная, творческая работа. Здѣсь важно указать на то, что многое, конечно, какъ объектъ подражанія, усваивается поверхностно, случайно воспринимается и запоминается съ чисто внѣшней стороны, но затѣмъ, далѣе, это все-таки можетъ оставить извѣстный отпечатокъ въ психикѣ ребенка и можетъ явиться такимъ прочнымъ слѣдомъ, на почвѣ котораго можетъ создаться впослѣдствіи уже болѣе сложное содержаніе какъ положительное, такъ и отрицательное, въ зависимости отъ оцѣнки этихъ раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній. Все это указываетъ намъ на то, что необходимо въ высшей степени серьезно и даже осторожно и самимъ взрослымъ вести себя въ виду этого факта крайней подражательности, когда здѣсь возможно запечатлѣніе та-

кихъ явленій, относительно которыхъ взрослые думаютъ, что они оказываются совершенно непонятными ребенку и, съ этой точки зрѣнія, не могутъ встрѣтить никакой оцѣнки и могутъ пройти совершенно незамѣтными для дѣтей. Однако, такой взглядъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можетъ оказаться ошибочнымъ, потому что усвоеніе этихъ явленій можетъ быть отрицательнымъ, когда, по моральнымъ и другимъ соображеніямъ, запечатлѣніе и одной внѣшней стороны можетъ оказаться очень вреднымъ, впослѣдствіи подвергаясь очень субъективной обработкѣ, на почвѣ дальнѣйшихъ размышленій. Поэтому, можетъ быть, было бы лучше, если бы не было такихъ впечатлѣній, вообще, если бы были устранены тѣ непріятныя явленія, которыя понятны только взрослымъ и которыя могутъ оставить нежелательный слѣдъ въ душѣ маленькаго ребенка. Далѣе, мы встрѣчаемъ огромную роль этой дѣятельности въ эпоху школьнаго возраста, въ эпоху отрочества и юношества, когда здѣсь передъ нами уже сознательная форма подражанія, когда здѣсь это подражаніе возникаетъ на почвѣ той предварительной оцѣнки образцовъ подражанія, о которой я уже говорилъ ранѣе. Здѣсь безспорно принадлежитъ огромное значеніе тому конкретному фактору воспитательнаго воздѣйствія, который извѣстенъ подъ именемъ примѣра и который представляетъ передъ нами извѣстный конкретный образецъ, цѣнный именно тѣмъ, что здѣсь передъ нами воплощенъ наиболѣе привлекательный для насъ родъ дѣятельности. Это обстоятель-

ство является очень важнымъ въ глазахъ воспитателя, поскольку здѣсь является необходимымъ ставить передъ питомцемъ такой конкретный образецъ дѣятельности какъ объектъ подражанія, не ограничиваясь только разъясненіями или увѣщаніями со стороны взрослыхъ. Сами дѣти ,путемъ сознательной предварительной оцѣнки, смотрятъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ на извѣстный идеалъ, какъ на то,что можетъ быть объектомъ настойчивыхъ подражательныхъ стремленій. Здѣсь этой высшей формѣ подражательности принадлежитъ огромное значеніе въ теченіе значительной части жизни, а можетъ быть , въ теченіе и всей жизни, когда предполагается опредѣленный идеалъ, не рисующійся въ какой -то расплывчатой абстрактной формѣ, но являющійся передъ нами въ видѣ конкретнаго образца, въ видѣ жизни или дѣятельности опредѣленнаго человѣка, которая можетъ быть для насъ привлекательнымъ именно въ связи съ тѣмъ сознательнымъ анализомъ этой дѣятельности, который предполагаетъ достаточное развитіе интеллекта, возможность самостоятельно разбираться въ самыхъ различныхъ явленіяхъ жизни. Съ этой точки зрѣнія, конечно, безспорно, подражательности принадлежитъ большая положительная роль въ этой высшей стадіи. Но это не значитъ, что подражаніе или существованіе образцовъ является достаточнымъ, какъ бы исчерпывающимъ средствомъ воспитательнаго воздѣйствія, когда думаютъ, что здѣсь важно лишь указать эти образцы въ жизни

или въ литературѣ, когда съ этой точки зрѣнія, самъ идеалъ воспитанія является окончательно установленнымъ, и дальше можетъ итти рѣчь только о средствахъ, которыя могутъ вести къ осуществленію этого идеала. Безспорно, несмотря на огромную, высокую цѣнность этого сознательнаго подражанія оно все-таки не можетъ считаться такимъ окончательнымъ, исчерпывающимъ факторомъ воспитанія, потому что здѣсь все-таки есть элементъ пассивности, который не заключаетъ въ себѣ того творчества, которое является необходимымъ для созданія идеаловъ, для движенія впередъ, по пути безпредѣльнаго прогресса. Съ этой точки зрѣнія, здѣсь естественно, наряду съ этимъ сознательнымъ подражаніемъ, всегда имѣть въ виду и сознательное творчество, которое должно выражаться въ созданіи новыхъ идеаловъ, свидѣтельствуя о томъ, что въ нашей личности есть нѣчто новое, оригинальное, нѣчто такое, что не удовлетворяется уже существующими образцами, и стремится къ новой формѣ выраженія, въ связи съ особенностями индивидуальнаго предрасположенія и жизненныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія, наиболѣе свободное проявленіе индивидуальности и этого новаго творчества должно, несомнѣнно, выдвигаться наряду съ этими различными формами чисто подражательнаго воздѣйствія. Это послѣднее не можетъ исчерпывать самаго существа воспитанія на этой высшей стадіи, и можетъ иногда вести къ нежелательнымъ результатамъ, въ видѣ из-

вѣстной рутины, шаблона и самоудовлетворенія чѣмъ-нибудь узко-конкретнымъ, а между тѣмъ это не можетъ считаться наиболѣе цѣнной задачей воспитанія. Эти именно замѣчанія я и хотѣлъ сдѣлать относительно роли подражанія, относительно значенія этой дѣятельности, какъ одного изъ факторовъ воспитанія. Я не могу входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этой дѣятельности, которая можетъ представлять значительный интересъ не только въ педагогическомъ, но и соціологическомъ, отчасти антропологическомъ и біологическомъ отношеніяхъ. Выдающіеся ученые новаго времени, какъ извѣстный французскій соціологъ Тардъ, американскій - Болдуинъ, и нѣкоторые другіе посвящаютъ спеціальные труды изслѣдованію подражанія. Они пытаются выяснить роль этого фактора на самыхъ различныхъ стадіяхъ культуры. Нѣкоторые изъ этихъ изслѣдователей понимаютъ этотъ терминъ очень широко, вовлекая въ объемъ этого термина даже такія проявленія, какъ подражаніе въ мірѣ животныхъ, подражаніе, когда оно носитъ совершенно біологическій, инстинктивный характеръ, напримѣръ, явленіе такъ называемой мимикри, т.е. подражаніе животныхъ въ своей окраскѣ окружающей ихъ обстановкѣ - землѣ, травѣ и т.д., поскольку такого рода подражаніе въ отношеніи цвѣта является необходимымъ съ точки зрѣнія борьбы за существованіе, когда эти живыя существа должны быть скрыты отъ преслѣдовате - лей и т.п. Здѣсь, слѣдовательно, этотъ терминъ употребля-

ется въ очень широкомъ біологическомъ смыслѣ. Конечно, можетъ быть, и всѣ эти явленія могутъ быть названы подражаніемъ, но для насъ, конечно, заслуживаютъ вниманія только такія формы этого процесса, которыя встрѣчаются въ области человѣческой жизни и которыя или носятъ упомянутый мною безсознательный, даже какъ бы рефлекторный характеръ, или же съ другой стороны предполагаютъ уже предварительную оцѣнку самихъ объектовъ подражанія, какъ цѣлей нашихъ стремленій, иногда очень высокихъ. Эта послѣдняя форма особенно цѣнна для насъ.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія относительно природы того явленія, которое обычно называется подражаніемъ

Теперь я долженъ остановить ваше вниманіе еще на одной формѣ дѣятельности, которая также въ своемъ происхожденіи является отчасти сознательной, отчасти безсознательной, и въ своихъ проявленіяхъ оказывается въ высшей степени важной съ точки зрѣнія воспитанія. Именно, я имѣю въ виду тѣ дѣйствія, которыя называются привычными или извѣстны подъ именемъ навыковъ, и которыя, повидимому, прежде были сознательными, а потомъ стали безсознательными или автоматическими. Такое представленіе о привычкѣ или навыкѣ, какъ о дѣйствіи прежде сознательномъ, а потомъ уже безсознательномъ или автоматическомъ, является наиболѣе распространеннымъ и, можетъ быть, наиболѣе цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія, но въ то же время такое

представленіе оказывается нѣсколько одностороннимъ и не охватываетъ всей полноты явленій, обозначаемыхъ терминомъ привычка. Дѣло въ томъ, что это названіе"привычка", кромѣ этого, болѣе узкаго смысла, употребляется съ болѣе широкимъ значеніемъ—біологическимъ и даже болѣе широкимъ, чѣмъ біологическое, когда этотъ терминъ примѣняется къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ не только живого, но и неживого, мертваго міра. Въ этомъ отношеніи этотъ терминъ можетъ отожествлятьсяя съ терминомъ"приспособленіе", когда подъ этимъ послѣднимъ терминомъ предполагается установленіе извѣстныхъ отношеній между явленіями, вещами, независимо отъ того, гдѣ эти явленія наблюдаются - въ мірѣ ли животныхъ, у человѣка, или, наконецъ, въ неорганической природѣ. Такое широкое употребленіе этого термина дѣлаетъ извѣстный Джемсъ, по мнѣнію котораго мы можемъ понимать терминъ"привычка" въ такомъ широкомъ смыслѣ, что можемъ говорить о привычкѣ въ отношеніи нашей одежды и должны говорить не о томъ только, что мы привыкли къ этой одеждѣ, но что и одежда въ употребленіи, одѣваніи принимаетъ ту форму, которая является для насъ наиболѣе легкой, удобной, такъ что здѣсь является взаимное приспособленіе, или привычка самой вещи къ организму. Но для насъ, несомнѣнно, важно суженіе этого термина, потому что указанное расширеніе не имѣетъ серьезнаго практическаго значенія съ точки зрѣнія педагогической или практически-педагоги-

ческой, которую мы въ данный моментъ, главнымъ образомъ, будемъ имѣть въ виду. Здѣсь, прежде всего , мы можемъ говорить о привычкахъ, какъ о такихъ дѣйствіяхъ, которыя являются въ результатѣ предварительной сознательной дѣятельности и которыя встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ у человѣка. Но едва ли, конечно, это понятіе, или объемъ этого понятія можно ограничить только этимъ,если даже имѣть въ виду человѣка и преслѣдовать цѣли педагогическія. Дѣло въ томъ, что можно назвать привычками и такого рода дѣйствія, которыя встрѣчаются у человѣка, но которыя имѣютъ въ своемъ основаніи безсознательный элементъ или просто рефлекторный, когда сѣ рефлексами совершенно безпорядочными, какъ это можно наблюдать у ребенка въ первый періодъ его жизни, стоитъ въ связи цѣлый рядъ привычныхъ дѣйствій, каковы ,напр., схватываніе и другія дѣйствія, которыя,несомнѣнно, носятъ рефлекторный характеръ и имѣютъ въ основаніи извѣстный механизмъ, но которыя постепенно, въ связи съ упражненіями, складываются въ привычныя дѣйствія. Такія дѣйствія можно назвать привычными, и ихъ отличіе отъ привычки въ собственномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что здѣсь нѣтъ сознательнаго напряженія нашей активности, однако же въ результатѣ получается опредѣленная сформировавшаяся дѣятельность, болѣе сложная, чѣмъ простой рефлексъ. Но если мы будемъ говорить о томъ, что нѣкоторыя формы при-

вычныхъ дѣйствій складываются изъ рефлексовъ, то здѣсь, возникаетъ вопросъ, чѣмъ же привычка отличается отъ инстинктивныхъ движеній, которыя также, повидимому, возникаютъ на почвѣ рефлексовъ. Это различіе состоитъ въ томъ, что подъ инстинктомъ мы разумѣемъ такого рода движенія или такого рода дѣятельность, которая имѣетъ опредѣленно сложившійся унаслѣдованный механизмъ, который для опредѣленнаго индивидуума, человѣка или животнаго, является уже чѣмъ - то готовымъ, даннымъ. Конечно, этотъ механизмъ, въ концѣ концовъ, можетъ возникать изъ тѣхъ же рефлексовъ, но это возникновеніе связано съ дѣятельностью не индивидуума, а цѣлаго рода-человѣческаго или животнаго. Такимъ образомъ, есть тѣсная связь этого рода механизма съ очень длиннымъ процессомъ развитія, когда механизмъ этотъ выработанъ на почвѣ приспособленія въ связи съ борьбой за существованіе, въ связи съ такимъ факторомъ, какъ естественный подборъ и т.д. Что же касается привычныхъ дѣйствій, возникающихъ изъ рефлексовъ, то здѣсь механизмъ можетъ быть только рефлекторный, поскольку здѣсь самъ рефлексъ можетъ считаться прирожденнымъ, и дальнѣйшее осложненіе этой рефлекторной дѣятельности можетъ происходить уже на почвѣ индивидуальнаго опыта Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о той наслѣдственности механизма, которая имѣется у инстинкта. Именно, привычка, какъ извѣстно, не передается по наслѣдству съ та-

кой правильностью и неизбѣжностью, какая существуетъ въ отношеніи инстинкта, гдѣ этотъ механизмъ является болѣе прочно заложеннымъ у предковъ и въ связи съ этимъ уже передающимся путемъ наслѣдственности. Все это, слѣдовательно, вскрываетъ передъ нами сложность самаго акта привычки и указываетъ, съ одной стороны, извѣстную органическую основу для нея, а съ другой - отмѣчаетъ совокупность тѣхъ разнообразныхъ дѣйствій, которыя обнаруживаются уже въ условіяхъ индивидуальнаго, а не родового развитія.

Въ томъ, что привычка играетъ огромную роль въ жизни человѣка ,не можетъ быть сомнѣнія, въ виду того, что привычекъ вообще въ общей суммѣ человѣческой жизни очень много, и съ этой точки зрѣнія нѣкоторые психологи, напр., Джемсъ, называютъ человѣка связкой или пучкомъ привычекъ. Конечно, такого рода характеристика человѣческой дѣятельности является односторонней, въ виду того, что сознательному элементу принадлежитъ огромное значеніе въ высшихъ формахъ душевныхъ проявленій; но и тѣ привычки ,которыя возникли изъ рефлексовъ или на почвѣ прежней сознательной дѣятельности, очень многочисленны и разнообразны и имъ принадлежитъ огромная роль. Эта роль можетъ быть какъ положительной, такъ и отрицательной, причемъ эта оцѣнка (положительная или отрицательная) здѣсь должна носить прежде всего формальный характеръ, т.е. мы должны говорить не о положительныхъ или отрицательныхъ привычкахъ,

хорошихъ или дурныхъ навыкахъ, а о томъ, какое значеніе имѣетъ самый актъ, самое явленіе привычки, именно то, что дѣйствіе, прежде бывшее сознательнымъ, потомъ обращается въ безсознательное или полусознательное. Слѣдовательно, надо разобрать этотъ вопросъ въ болѣе общей формѣ, и здѣсь, при такомъ анализѣ, мы увидимъ и положительныя и отрицательныя стороны этого явленія. Что касается положительнаго значенія этого факта въ общей формѣ, то оно съ особенной силой выступаетъ въ новой и новѣйшей психологіи, особенно въ произведеніяхъ Джемса, который подчеркнулъ это положительное значеніе привычки въ общей формѣ, независимо отъ качественной оцѣнки, въ своихъ разнообразныхъ трудахъ изъ области психологіи и отчасти - педагогикѣ. Конечно, и до Джемса являлся общепризнаннымъ тотъ фактъ, что благодаря тому, что многія дѣйствія, прежде сознательныя, впослѣдствіи совершаются автоматически или полусознательно, сохраняется наша сознательная энергія, которая можетъ быть употреблена на болѣе высокую и продуктивную дѣятельность. Джемсъ особенно подчеркнулъ и иллюстрировалъ этотъ фактъ, показывая его значеніе въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ проявленіяхъ. Дѣйствительно, если бы не было у насъ этой способности, то тогда масса всякаго рода мелочей, связанныхъ съ жизнью и дѣятельностью организма, съ самыми нашими обычными жизненными отправленіями, отношеніями, - все это являлось бы въ каждый

новый моментъ какъ бы новымъ, требующимъ сознательной энергіи, и тогда совершенно не оставалось бы этой энергіи для болѣе сложной, болѣе отвѣтственной и цѣнной въ психическомъ смыслѣ работы. Но въ виду того, что многія наши дѣйствія могутъ совершаться безсознательно или полуавтоматически, на почвѣ предварительной сознательной дѣятельности, -получается, конечно, очень значительная экономія силъ. Эту экономію мы можемъ распространять и на болѣе обыкновенныя дѣйствія, связанныя съ практическими отношеніями, и на болѣе сложныя формы психическихъ переживаній. Дѣло въ томъ, что если мы возьмемъ болѣе высокую умственную дѣятельность, какъ она выражается въ формѣ сужденій, умозаключеній, какъ она конкретно обнаруживается въ различныхъ формахъ умственной работы, то здѣсь, конечно, привычкѣ принадлежитъ огромное значеніе, поскольку здѣсь, на почвѣ этой предварительно сознательной дѣятельности вырабатываются такія формы активности, которыя и на всѣхъ стадіяхъ заключаютъ въ себѣ эту сознательность, которая происходя какъ бы уже по протореннному пути и поэтому являются для насъ наиболѣе легкими. Это можно сказать и о самыхъ высшихъ формахъ интеллектуальной дѣятельности, это можно, отчасти, говорить, и о моральной активности, когда здѣсь также различнаго рода моральнымъ навыкамъ принадлежитъ огромное значеніе.

- - - - - -

Здѣсь мы можемъ имѣть привычку въ видѣ уже опредѣленныхъ, упрочившихся настроеній, которыя являются такими основными, движущими въ нашей дѣятельности, которыя, благодаря тому, что они укоренились въ нашей психикѣ, естественно, концентрируютъ вокругъ себя многія новыя проявленія и, кромѣ того, даютъ возможность этимъ послѣднимъ обнаружиться болѣе легко, такъ какъ здѣсь есть уже прикрѣпленіе къ такой сложившейся, сформировавшейся основѣ. Значитъ, съ этой точки зрѣнія, привычкѣ можетъ принадлежать большая роль въ процессѣ сформированія нашей моральной дѣятельности и въ процессѣ осуществленія, конкретномъ воплощеніи этой нравственной активности. Всѣ эти особенности привычки, въ ея положительныхъ проявленіяхъ, были отмѣчены, какъ Джемсомъ, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ изслѣдователей. И они, разумѣется, очень важны въ глазахъ педагога, поскольку здѣсь оттѣняется общее значеніе этой дѣятельности, независимо отъ опредѣленныхъ привычекъ, хорошихъ или дурныхъ. Но на ряду съ этими положительными сторонами этого рода дѣятельности, мы обязаны указать и нѣкоторые отрицательные результаты, которые, къ сожалѣнію, недостаточно подчеркиваются современными психологами и въ частности Джемсомъ, хотя эти результаты должны быть здѣсь указаны и должны приниматься всегда во вниманіе воспитателемъ. Мы именно должны здѣсь указать на то, что привычка, по самому своему существу яв-

ляется дѣйствительностью консервативной, что она имѣетъ въ своемъ основаніи своеобразную психическую инерцію, когда здѣсь устанавливается опредѣленный типъ дѣятельности на почвѣ уже сложившейся основы, когда очень трудно нашей сознательной активности оторваться отъ этого сложившагося строя нашей жизни и дѣятельности. Это можно сказать относительно опять различныхъ сторонъ нашей жизни- и интеллектуальной и моральной, несмотря на тѣ положительные элементы привычки или привычной дѣятельности, которые я только что отмѣчалъ. Такъ, если имѣть въ виду интеллектуальную дѣятельность, въ ея наиболѣе высшихъ проявленіяхъ, то положительная ея роль была уже отмѣчена мною, - но нужно указать и на нѣкоторые отрицательные результаты, которые сводятся къ тому, что здѣсь укрѣпляется нѣчто опредѣленное, иногда, можетъ быть, мало подвижное, инертное, что является тормазомъ на пути къ умственному прогрессу. Это мы можемъ постоянно наблюдать въ нашей жизни, когда надъ нами властвуетъ опредѣленная тенденція, когда у насъ есть уже сложившіяся точки зрѣнія, взгляды, которые очень трудно поддаются измѣненію. Здѣсь уже предполагается нѣчто прочное, что находится въ связи со всей суммой нашего предшествующаго жизненнаго опыта, и съ этой точки зрѣнія, усвоеніе новаго взгляда, новаго принципа является нелегкимъ, потому что здѣсь нарушается та сложная связь, которая укоренилась въ процессѣ нашей пред

варительной дѣятельности и нашей предшествующей жизни. Для преодолѣнія этой связи требуются очень большія усилія; этимъ и объясняется тотъ консерватизмъ мысли, который является типичнымъ для обыкновеннаго человѣка и который встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ жизни, въ самыхъ различныхъ видахъ нашей интеллектуальной оцѣнки. Здѣсь мы можемъ видѣть своеобразную инерцію въ области не только консервативныхъ, но даже и радикальныхъ взглядовъ, которые часто служатъ обнаруженіемъ извѣстной нетерпимости только потому, что отказъ отъ извѣстныхъ взглядовъ связанъ здѣсь съ цѣлымъ переворотомъ, нелегкимъ для человѣка, съ извѣстными жертвами, можетъ быть, лишеніями и т.п. Въ общемъ основаніи причины этого явленія можно привести въ связь съ той своеобразной интеллектуальной инерціей, которая развивается на почвѣ привычной дѣятельности. Именно, эта привычная дѣятельность дѣлаетъ эту работу наиболѣе легкой, экономизируетъ силы, требуетъ отъ насъ меньшей энергіи и, поэтому, естественно, позволяетъ двигаться нашимъ мыслямъ только въ опредѣленномъ направленіи. Это явленіе, безспорно, извѣстно многимъ изъ непосредственнаго опыта, и преимущественно лицамъ, занимающимся педагогической дѣятельностью, въ особенности, въ средней, а отчасти и въ высшей школѣ, гдѣ это стремленіе итти по указанному, проторенному пути является столь естественнымъ и въ то же время очень нежелательнымъ, являясь

тормазомъ на пути къ умственному прогрессу, на пути иногда къ очень, можетъ быть, радикальнымъ измѣненіямъ основныхъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ науки и жизни. То же самое можно сказать въ извѣстной степени и относительно моральной дѣятельности, которая, повидимому, находится въ меньшей зависимости отъ этой психической инерціи, въ виду того, что тамъ предполагаются уже извѣстные устои, принципы, которые прежде подвергались тщательной критической провѣркѣ и, съ этой точки зрѣнія, то обстоятельство, что они являются наиболѣе прочными, можетъ быть, оказывается цѣннымъ только съ той стороны, что здѣсь есть извѣстная устойчивая дѣятельность, которая не колеблется ничѣмъ новымъ и временнымъ. Но и здѣсь есть извѣстная опасность съ той стороны, что здѣсь мы дѣйствуемъ, можетъ быть, не съ достаточной затратой сознательной энергіи, которая является необходимой для настоящаго моральнаго переживанія, для настоящей нравственной эмоціи, если она выражается въ конкретной формѣ; въ послѣднемъ случаѣ предполагается не одно только простое дѣйствіе по принципу, дѣйствіе, можетъ быть, механическое въ томъ смыслѣ, что здѣсь не затрагивается наше чувство, нѣтъ того конкретнаго, живого, яркаго переживанія, которое характеризуетъ настоящій моральный актъ,- тогда могло бы получиться слишкомъ холодное отношеніе, хотя, можетъ быть, съ перваго раза какъ бы вполнѣ соотвѣтствующее теоретически из-

вѣстному моральному принципу. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія, постоянное равновѣсіе сознательности и безсознательной активности и въ процессѣ оцѣнки, а съ другой стороны, даже и процессѣ совершенія акта является въ высшей степени желательнымъ и, конечно, привычка можетъ здѣсь повести къ автоматизму, который обезцѣниваетъ значеніе моральнаго акта, иногда съ точки зрѣнія принципа, а тѣмъ болѣе, съ точки зрѣнія самаго его конкретнаго воплощенія. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь можетъ быть обратное отношеніе въ смыслѣ приспособленія къ такимъ явленіямъ, которыя на первый разъ, дѣйствительно, слишкомъ сильно затрагиваютъ наше нравственное чувство, но которыя въ силу повторенія, вызываютъ извѣстное приспособленіе со стороны этой эмоціи. Дѣйствительно такого рода факты мы можемъ наблюдать особенно въ нашей печальной русской дѣйствительности. Мы видимъ здѣсь именно приспособленіе, поскольку рѣчь идетъ о моральныхъ актахъ, когда признаются терпимыми явленія, которыя, можетъ быть, были для насъ совершенно невыносимы и невозможны пять-шесть лѣтъ тому назадъ. Съ этой точки зрѣнія, естественно, когда идетъ рѣчь о положительномъ значеніи привычки въ области моральной, оцѣнка ея можетъ быть неодинакова - и положительная, и отрицательная но здѣсь можетъ быть характеристика этого фактора только ,какъ такого, который экономизируетъ наиболѣе сложныя и высокія проявленія нашей духовной энер

гіи. Вотъ, собственно, какова могла бы быть оцѣнка этого фактора, съ точки зрѣнія педагогической, когда идетъ рѣчь о понятіи привычки и толкованіи привычки въ общемъ смыслѣ, въ такомъ формальномъ пониманіи, независимо отъ характеристики привычекъ, какъ хорошихъ или дурныхъ.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній, я скажу нѣсколько словъ относительно того, въ чемъ можетъ выражаться вмѣшательство воспитателя въ процессъ развитія привычекъ. Дѣло въ томъ, что въ связи съ тѣмъ значеніемъ этого фактора, отчасти положительнымъ и отчасти отрицательнымъ, необходимо извѣстное отношеніе къ этой дѣятельности, и именно иногда положительное отношеніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ - отрицательное. Для насъ, въ данномъ случаѣ, является только парадоксальнымъ извѣстное выраженіе Руссо, что онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы его питомецъ имѣлъ одну привычку: не имѣть никакихъ привычекъ. Если такого-рода парадоксъ и будетъ имѣть основаніе, то только въ связи съ отрицательными фактами привычки, и устранить привычку изъ жизни человѣка, является совершенно невозможнымъ. Поэтому, здѣсь естественно намъ указать на то, въ какой формѣ можетъ быть отношеніе воспитателя къ самому процессу развитія привычки, какое значеніе можетъ имѣть активность со стороны воспитателя; можетъ быть, могутъ быть указаны въ этомъ смыслѣ какія-нибудь общія мѣры, или общіе принципы, которые облегчатъ этотъ процессъ выработки привыч-

ки, поскольку этотъ процессъ является совершенно неизбѣжнымъ и въ то же время цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія сознательной цѣли воспитанія. Я не буду долго задерживать васъ на этихъ вопросахъ. Я здѣсь приведу только тѣ совѣты и указанія которые, вѣроятно, извѣстны многимъ изъ васъ, какъ они выражены у Джемса въ его работахъ по психологіи и какъ они рекомендуются многими другими психологами, какъ Бэномъ, и нѣкоторыми иными представителями англійской и отчасти нѣмецкой психологіи, поскольку здѣсь эта дѣятельность привычки характеризуется, какъ дѣятельность глубоко органическая, предполагающая тѣсную связь со всей нашей организаціей, а не только съ какой нибудь опредѣленной сферой нашей психики. Здѣсь, прежде всего, Джемсъ, какъ и другіе психологи, указываютъ на то, что необходимо стремиться къ выработкѣ этихъ привычекъ, начиная съ самаго ранняго возраста, въ связи съ пластичностью нашего организма, не только нашего мозга и нервной системы, а именно всего нашего организма, такъ какъ здѣсь предполагается запечатлѣніе нашихъ мыслей, чувствъ и движеній. Благодаря этой способности къ наиболѣе прочному запечатлѣнію выраженной активности, оказывается наиболѣе возможнымъ остаться болѣе глубокому слѣду въ нашей психикѣ и въ нашей организаціи. Затѣмъ, здѣсь отмѣчается совершенно справедливо положеніе такого рода, что въ процессѣ образованія и выработки привычки, когда идетъ рѣчь уже объ участіи сознательнаго элемента, когда

привычка создается въ результатѣ извѣстнаго процесса работы, иногда очень длительнаго, необходимо усиліе, неослабленое напряженіе и именно поддержаніе со стороны воспитателя энергіи, чтобы полученные результаты не утратили своего значенія, лишь только наступитъ ослабленіе этого сознательнаго усилія. Въ этомъ случаѣ, является вполнѣ вѣрнымъ то сравненіе, которое употребляетъ Джемсъ, когда онъ говоритъ, что этотъ процессъ выработки извѣстныхъ привычекъ соотвѣтствуетъ наматыванію пряжи на клубокъ. Если этотъ процессъ нарушается во время работы, напр., если клубокъ упадетъ, то получится извѣстное свободное движеніе, и вся эта работа можетъ пропасть, клубокъ распустится и, слѣдовательно, процессъ работы здѣсь не можетъ завершиться. Такимъ образомъ, процессъ выработки извѣстной привычки, не достигаетъ цѣли, если здѣсь не будетъ приложено наибольшихъ усилій. Затѣмъ въ связи съ характеристикой привычекъ, какъ такого рода явленій или актовъ, которые связаны съ цѣлымъ рядомъ другихъ органическихъ процессовъ, Джемсъ и другіе современные изслѣдователи поддерживаютъ важность элемента активности во всякій моментъ. Съ этой точки зрѣнія, здѣсь важно пользоваться всѣми хорошими мыслями, всѣми хорошими чувствами, чтобы закрѣпить ихъ въ дѣйствіяхъ. Только такого рода воздѣйствія, которыя выражаются въ такой активной формѣ, и могутъ имѣть серьезное практическое или педагоги-

ческое значеніе. Если же такого закрѣпленія нѣтъ, если же здѣсь идетъ рѣчь только объ одномъ теоретическомъ воздѣйствіи, объ одномъ увѣщаніи, объ одномъ интеллектуальномъ вліяніи, то конечно, едва ли здѣсь могутъ быть какіе - нибудь положительные результаты. Именно, современные психологи указываютъ на приматъ активности въ силу извѣстнаго волюнтаристическаго принципа, предполагая, что болѣе прочные и глубокіе слѣды остаются только тогда, когда будетъ затронута именно эта сфера психики. Сознательному элементу если принадлежитъ большое значеніе, то только въ начальной стадіи, а не въ томъ окончательномъ осуществленіи, которое предполагаетъ цѣлый рядъ движеній, иногда цѣлый рядъ конкретныхъ поступковъ. Въ связи съ этимъ здѣсь вполнѣ справедливо оттѣняется огромное значеніе всякаго рода сознательнаго ограниченія своихъ потребностей, которое направлено на то, чтобы дать удовлетвореніе наиболѣе внѣшнимъ принципамъ, когда на почвѣ этого болѣе мелкаго ограниченія незначительныхъ потребностей возможна, конечно, подготовка болѣе прочныхъ основаній, болѣе устойчивой почвы для созданія настоящаго настроенія, для выработки наиболѣе сложныхъ формъ активности. Въ этомъ отношеніи закрѣпленіе всѣхъ этихъ дѣятельностей на почвѣ отдаванія преимущества наиболѣе внѣшнимъ побужденіямъ нашей психики, является цѣннымъ средствомъ для созданія того, что называется характеромъ, какъ дѣятельности, образовавшейся въ

результатѣ предшествующей, очень сложной работы и опредѣляющей наиболѣе существенныя черты духовнаго облика человѣка. Именно, съ этой точки зрѣнія, эти постоянныя распинанія себя, какъ говоритъ Пэйо, различнаго рода подавление наиболѣе низменныхъ потребностей въ цѣляхъ наиболѣе высшихъ побужденій оказываются въ высшей степени цѣнными для выработки настоящей сильной, твердой воли. Эти замѣчанія сводятся къ общимъ психологическимъ принципамъ, которые, именно подчеркиваютъ приматъ активности въ нашей психикѣ и которые указываютъ на тѣсную связь всей нашей душевной дѣятельности съ различными видами органической жизни. Этимъ я и заканчиваю свои замѣчанія о тѣхъ формахъ дѣятельности, которыя называются обыкновенно не произвольными, которыя какъ-бы не имѣютъ самостоятельнаго значенія, но оказываются цѣнными въ смыслѣ посредствующей ступени для выработки болѣе высшихъ формъ активности, какъ эти формы наблюдаются въ періодѣ сознательной жизни человѣка. Такого рода активность выражается въ такой дѣятельности, которая обычно извѣстна подъ именемъ характера, хотя съ этимъ названіемъ "характеръ" соединяется, какъ вамъ извѣстно, очень различныя представленія. Какія эти представленія, въ чемъ ихъ различіе и какія изъ этихъ различныхъ концепцій заслуживаютъ большаго вниманія и должны быть положены въ основу процесса воспитанія высшей формы нашей активности -

объ этомъ придется говорить уже въ слѣдующій разъ.

ПОНЯТІЕ О ХАРАКТЕРѢ, ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБРАЗОВАНІИ ХАРАКТЕРА. Воспитаніе ~~ПОНИМАНІЕ~~ ХАРАКТЕРА.

Теперь я долженъ приступить къ характеристикѣ той высшей формы нашей дѣятельности, которая является по преимуществу сознательною и планомѣрною и которая называется характеромъ. Терминъ "характеръ" употребляется въ очень различныхъ смыслахъ, съ различными оттѣнками, и намъ прежде, чѣмъ переходить къ характеристикѣ этой высшей формы нашей дѣятельности, важно установить самое понятіе характера. Иногда этому термину придается слишкомъ широкій смыслъ, когда имъ обозначается вся совокупность индивидуальной дѣятельности, всѣ особенности этой дѣятельности, которыя характеризуютъ опредѣленнаго человѣка въ отличіе отъ другихъ людей. Въ этомъ случаѣ терминъ характеръ иногда сливается съ терминами индивидуальности, или личности, поскольку послѣдними названіями обозначается вся совокупность психическихъ переживаній, типичныхъ для даннаго человѣка. Затѣмъ этимъ терминомъ иногда обозначаются болѣе высшія проявленія нашей психики, которыя являются преимущественно цѣнными съ какой-нибудь опредѣленной точки зрѣнія, напр. съ моральной. Такъ мы говоримъ о высоконравственномъ характерѣ, какъ о наиболѣе совершенной формѣ дѣятельности. Наконецъ, этотъ терминъ "характеръ" но-

жетъ употребляться еще въ болѣе спеціальномъ смыслѣ, когда имъ обозначается опредѣленная форма дѣятельности, когда здѣсь подчеркивается именно элементъ планомѣрной активности, именно такая дѣятельность, которая обнаруживаетъ тѣсную связь со своими мотивами, конкретно выражаемыми въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ или поступкахъ. Значитъ, съ этой точки зрѣнія, этимъ терминомъ обозначается самая форма нашей дѣятельности, независимо отъ ея содержанія, когда съ этой формальной стороны оттѣняется тѣсная связь между нашими мотивами - съ одной стороны, и обнаруженіями этихъ мотивовъ - съ другой. Здѣсь мы не дѣлаемъ оцѣнки, насколько эти мотивы возвышенны, чисты и цѣнны съ моральной точки зрѣнія, - это въ данномъ случаѣ вопросъ второстепенный. Поэтому можетъ итти рѣчь о сильномъ характерѣ и у такого человѣка, мотивы дѣятельности котораго могутъ вызывать, можетъ быть, отрицательное отношеніе къ себѣ. Я въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи буду употреблять этотъ терминъ именно въ такомъ, болѣе узкомъ смыслѣ слова, когда имъ обозначается типъ или форма дѣятельности, когда въ этомъ случаѣ подчеркивается степень связи между мотивами и ихъ внѣшними обнаруженіями. Слѣдовательно, здѣсь мы какъ бы суживаемъ это понятіе, но это суженіе является цѣннымъ для ихъ болѣе углубленнаго анализа, тѣмъ болѣе, что съ другими значеніями понятія характера намъ придется встрѣтиться, когда у насъ поднимется во-

просъ объ анализѣ того, что мы называемъ индивидуальностью, личностью. Въ этомъ случаѣ намъ придется уже дѣйствительно брать всю совокупность, всѣ особенности душевныхъ переживаній опредѣленнаго человѣка, съ другой стороны, необходимо будетъ дать извѣстную расцѣнку въ этомъ своеобразіи душевныхъ проявленій, и нѣкоторыя изъ нихъ выдвигать на первый планъ, въ виду ихъ исключительной цѣнности съ соціальной или индивидуальной точекъ зрѣнія. Если теперь остановиться на упомянутой мною характеристикѣ или, вѣрнѣе, на упомянутомъ мною опредѣленіи характера съ формальной стороны въ видѣ типа дѣятельности, то съ этой точки зрѣнія мы можемъ встрѣчать различные виды или типы характера, въ зависимости отъ того, насколько тѣсная связь обнаруживается между мотивами и ихъ внѣшними выраженіями. Что касается самихъ мотивовъ нашей дѣятельности, то такими мотивами являются прежде всего наши чувства или эмоціи, во всей сложности и разнообразіи ихъ проявленія; съ другой стороны, сюда относятся наши мысли, представленія, когда онѣ естественно окрашены также эмоціональнымъ колоритомъ, когда они имѣютъ двигательный характеръ и являются настоящимъ стимуломъ нашей дѣятельности. Извѣстно также всѣмъ изъ непосредственнаго опыта, что все это разнообразіе стимуловъ нашей дѣятельности не сразу непосредственно воплощается въ этой дѣятельности, т.е.

не сразу непосредственно за извѣстными мотивами слѣдуютъ извѣстныя обнаруженія. Конечно есть формы дѣятельности, встрѣчающіяся и у взрослаго человѣка, но особенно часто у дѣтей и у животныхъ, такъ называемыя идеомоторныя движенія, когда переходъ мотивовъ въ дѣйствіе совершается быстро, иногда мгновенно, когда не остается никакого промежутка между тѣмъ моментомъ, когда возникаетъ извѣстный мотивъ въ нашемъ сознаніи, и другимъ моментомъ, когда этотъ мотивъ конкретно воплощается въ извѣстномъ дѣйствіи или поступкѣ. Но такого рода дѣйствія встрѣчаются на болѣе низшей стадіи развитія. Что же касается эпохъ болѣе позднихъ, когда уже у человѣка создаются болѣе опредѣленные, устойчивые мотивы дѣятельности, то здѣсь, конечно, не наблюдается такого мгновеннаго перехода отъ мотива къ конкретному дѣйствію. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ посредствующихъ ступеней, на которыхъ можемъ наблюдать эту степень связи между мотивами и дѣйствіями, когда здѣсь встрѣчаемъ явленіе колебанія, нерѣшительности, замедленной дѣятельности, когда, съ другой стороны, здѣсь обнаруживаются и противоположныя черты, именно - рѣшительность, опредѣленность, настойчивость, когда здѣсь есть и тѣсная, неразрывная связь между мотивомъ и его конкретнымъ воплощеніемъ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, и характеры могутъ быть различны именно въ связи съ различіемъ этой степени связи или формы воплощенія мо-

тива въ дѣятельности, когда здѣсь, дѣйствительно, есть задержка этого мотива, съ одной стороны, и когда, съ другой - здѣсь есть болѣе опредѣленная, устойчивая, постоянная связь, которая выражается въ рѣшительности, опредѣленности дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, могутъ допускаться различныя классификаціи характеровъ, какъ типовъ дѣятельности, поскольку здѣсь имѣется въ виду типъ настойчивый, рѣшительный, послѣдовательный, планомѣрный или, съ другой стороны, поскольку здѣсь встрѣчаются иныя формы дѣятельности, какъ дѣятельность колеблющаяся, нерѣшительная, иногда совершенно задерживающаяся со стороны внѣшнихъ проявленій и не обнаруживающаяся никакимъ реальнымъ поступкомъ.

Теперь намъ важно разобраться въ происхожденіи этихъ типовъ дѣятельности, независимо отъ ихъ моральной оцѣнки. Приступая къ анализу самаго процесса развитія этихъ формъ дѣятельности, какъ онѣ наблюдаются уже въ болѣе высшихъ типахъ активности, мы увидимъ, что эти формы находятся въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ условій и обязаны своимъ происхожденіемъ двумъ основнымъ причинамъ. Съ одной стороны, здѣсь могутъ быть причины чисто физіологическаго или органическаго характера, тѣсно связанныя съ особенностями опредѣленной физической организаціи; съ другой стороны, здѣсь имѣютъ мѣсто причины, обязанныя своимъ происхожденіемъ уже воспитанію или все-

му процессу развитія. Такимъ образомъ здѣсь можетъ имѣть мѣсто не только воспитаніе или сознательное воздѣйствіе со стороны другихъ, но и воспитаніе, какъ самовоспитаніе, когда предполагается выработка планомѣрной дѣятельности на почвѣ самостоятельной активности. Переходя къ этимъ условіямъ органическаго или даже чисто біологическаго типа, мы должны сказать, что нельзя ни въ какомъ случаѣ утверждать, что характеръ является человѣку прирожденнымъ, что тѣ типы или формы дѣятельности, на которыя я указывалъ, предопредѣлены тѣми особенностями организаціи, которыя свойственны каждому человѣку. Такого рода взглядъ не имѣетъ для себя основанія въ тѣхъ фактахъ, какіе намъ извѣстны изъ процесса развитія человѣка. Наоборотъ, анализъ этого процесса показываетъ намъ, что здѣсь принадлежитъ огромное значеніе процессу воспитанія и самовоспитанія и что высокая и наиболѣе сложная форма нашей дѣятельности, когда въ ней существенными чертами являются эта планомѣрность и закономѣрность, развивается, главнымъ образомъ, на почвѣ цѣлаго ряда сознательныхъ воздѣйствій или со стороны другихъ людей или со стороны насъ самихъ. Поэтому намъ и придется проанализировать этотъ процессъ развитія характера на почвѣ взаимодѣйствія двухъ указанныхъ факторовъ: фактора наслѣдственности - съ одной сторо-

ны и фактора сознательнаго воздѣйствія, въ широкомъ смыслѣ слова, - съ другой. Что касается прирожденныхъ особенностей, которыя могутъ служить основой для опредѣленной формы дѣятельности въ этихъ ея высшихъ проявленіяхъ, то здѣсь нужно назвать особенности нашей организаціи, которыя конкретно выражаются въ явленіяхъ непроизвольной активности, какъ это мы иногда наблюдаемъ, напр., въ актахъ крайней импульсивности, въ видѣ стремленія выразить все разнообразіе своихъ переживаній непремѣнно тѣмъ-нибудь вовнѣ, когда, слѣдовательно, здѣсь, не только на низшей стадіи развитія, но и на наиболѣе высшей, какъ будто нѣтъ ничего такого, что задерживало бы эти въ началѣ чисто органическіе импульсы. Съ другой стороны, можно наблюдать и противоположные характеры, въ которыхъ мы видимъ недостатокъ этой активности, въ связи съ прирожденностью именно пассивныхъ чертъ, когда содержаніе душевной жизни задерживается внутри, не выражаясь вовнѣ цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ обнаруженій, и когда эти обнаруженія предполагаютъ какъ бы извѣстное сознательное напряженіе, иногда очень значительное. Такого рода различіе можетъ встрѣчаться и при нормальныхъ условіяхъ и при патологическихъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко имѣетъ мѣсто недостаточное развитіе опредѣленныхъ органическихъ системъ, въ частности мускульной системы, которая является преимущественнымъ органомъ движенія. На этой почвѣ, конечно,

могутъ быть значительныя различія между организаціями въ связи съ силой или крѣпостью мускуловъ - съ одной стороны и со слабостью мускулатуры - съ другой, въ особенности, когда эти различія связаны съ извѣстными, чисто органическими причинами, со своеобразнымъ строеніемъ организма. Но это - явленія частичныя, они не исчерпываютъ полностью различій, на которыя я указывалъ, т.е, когда предполагается, съ одной стороны, избытокъ активности, съ другой-ея недостатокъ. Причемъ, самыя эти различія, въ смыслѣ изобилія и недостатка активности, опять могутъ быть сведены къ какимъ-нибудь болѣе основнымъ факторамъ, и здѣсь можно указать болѣе широкія основы чисто біологическаго типа въ отношеніи того, что мы называемъ характеромъ въ томъ спеціальномъ смыслѣ, который я не разъ подчеркивалъ. И дѣйствительно, съ очень древнихъ временъ въ этомъ смыслѣ указываются различія между человѣческими натурами, различія, которыя, повидимому, коренятся въ особенностяхъ чисто физической или физіологической организаціи, и которыя являются основою для своеобразной формы характера, хотя совершенно не опредѣляютъ вполнѣ этого типа дѣятельности. Эта физіологическая или біологическая основа характера, которая представляетъ собою цѣлую совокупность особенностей, получила съ древняго времени своеобразное названіе "темперамента". Что касается этого названія, то, какъ показываетъ этимологія этого слова, этимъ словомъ указывается

на совокупность извѣстныхъ чисто физическихъ особенностей организма, когда между этими особенностями устанавливается извѣстное соотношеніе или пропорціональность, откуда и самое названіе "темпераментъ", отъ латинскаго слова temperare - умѣрять, устанавливать извѣстное соотношеніе, извѣстную пропорцію - въ смыслѣ смѣшенія тѣхъ и другихъ элементовъ. Этимъ названіемъ предполагалось, что въ каждомъ организмѣ есть извѣстное соотношеніе между тѣми составными элементами, которые, съ точки зрѣнія античнаго представленія, являлись самыми важными для существованія организма. Именно здѣсь, съ точки зрѣнія чисто физіологической основы, конечно, не оправдываемой современнымъ состояніемъ науки, предполагалось, что въ организмѣ есть опредѣленныя жидкости, которыя обусловливаютъ типы дѣятельности, когда, съ этой точки зрѣнія, различаютъ темпераменты сангвинический, холерическій, флегматическій и меланхолическій. Самыя эти названія, какъ вамъ извѣстно, указываютъ на то, что здѣсь предполагалось преобладаніе опредѣленной жидкости въ организмѣ или крови, отсюда и названіе, напр., сангвинический или холерическій, когда преобладаетъ кровь или желчь; - флегматическій, когда преобладаетъ то, что мы называемъ теперь лимфой; наконецъ, предполагался особый составъ черной желчи, отсюда - названіе меланхолическій темпераментъ. Такого рода названія указываютъ на своеобразное біологическое представленіе, связанное съ меди—

цинской практикой, представленіе, которое, разумѣется, не можетъ выдерживать критики съ точки зрѣнія современной науки, такъ какъ никакихъ основныхъ жидкостей, разумѣется, современная наука, изучающая организмъ человѣка, не допускаетъ и если тамъ и есть тѣ части, на которыя указываютъ эти названія, то, конечно, всѣ эти части организма, всѣ эти органическіе продукты являются, съ точки зрѣнія современной науки, очень сложными и не имѣющими непосредственнаго отношенія къ тѣмъ особенностямъ организаціи, которыя предполагались при этихъ названіяхъ. Здѣсь нужно замѣтить, что несмотря на то, что такого рода классификація темпераментовъ или особенностей физіологической дѣятельности давно уже не соотвѣтствуетъ научнымъ выводамъ относительно жизни организма, однако, эти названія удержались и до новаго времени, причемъ съ этими названіями соединялись опредѣленныя представленія, которыя будто бы проливали свѣтъ на то, что мы называемъ характеромъ. Именно, каждый изъ этихъ темпераментовъ характеризовался особыми чертами, какъ эти черты проявлялись конкретно въ опредѣленныхъ типахъ дѣятельности. Такъ, что касается сангвиническаго темперамента, то здѣсь предполагаются такія особенности дѣятельности, какъ неустойчивость, непосѣдливость, быстрая возбудимость и отзывчивость на самыя различныя раздраженія, свойства являющіяся иногда типичными и для взрослаго человѣка, а не только для ребенка. Если

взять такой темпераментъ какъ холерическій, то здѣсь предполагалась гораздо большая устойчивость дѣятельности, которая выражается въ настойчивости, увѣренности, съ другой стороны, здѣсь имѣется въ виду всякаго рода энергія не только на такой біологической почвѣ, но отчасти и въ психической сферѣ. Затѣмъ, если обратиться къ флегматическому темпераменту, то здѣсь предполагается, прежде всего, оттѣненіе такого свойства, какъ медлительность въ самомъ процессѣ возбужденія дѣятельности, именно медлительность реакцій на различнаго рода раздраженія, и, слѣдовательно, какъ бы меньшая чувствительность къ этимъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Наконецъ, если возьмемъ меланхолическій темпераментъ, то обыкновенно съ этимъ названіемъ соединяется представленіе о недостаткѣ внѣшняго обнаруженія, выраженія въ дѣйствіи, но въ то же время здѣсь всегда содержится мысль о глубинѣ чувства, которое только какъ бы таится въ глубинѣ души и не выражается вовнѣ. Изъ этой характеристики можно видѣть, что здѣсь въ понятіи темперамента объединялись черты и чисто психологическія и чисто біологическія и что здѣсь происходило уже смѣшеніе точекъ зрѣнія, смѣшеніе, нежелательное при болѣе глубокомъ анализѣ. Мы въ своемъ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи будемъ считаться съ понятіемъ темперамента, какъ такимъ, которое характеризуетъ особенности только біологическія и которое не можетъ отожествляться съ тѣмъ, что мы называемъ характеромъ,

Этотъ послѣдній терминъ будетъ обозначать нашу планомѣрную сознательную дѣятельность, которая является въ результатѣ извѣстнаго процесса развитія, между тѣмъ какъ темпераментъ предполагаетъ совокупность чисто біологическихъ свойствъ, которыя являются прирожденными и которыя не оказываются продуктомъ сознательной активности, такъ что въ этомъ смыслѣ будетъ большое различіе между темпераментомъ и характеромъ. Въ связи съ этимъ разграниченіемъ можно указать на то, что та характеристика темпераментовъ, которая получила начало въ глубокой древности, не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія современной науки, хотя въ то же время не можетъ быть спора о томъ, что по степени активности и пассивности, по степени реагированія на тѣ или другія внѣшнія раздраженія могутъ быть значительныя различія между людьми, и эти различія могутъ имѣть для себя основаніе въ чисто біологическихъ факторахъ. Вотъ эту мысль намъ и придется усвоить - именно, предположить природныя различія между людьми въ отношеніи формы реакціи на тѣ разнообразныя возбужденія, которыя испытываются каждымъ человѣкомъ. Намъ важно усвоить этотъ фактъ въ общей формѣ, при чемъ здѣсь уже можно сказать, что на почвѣ этихъ общихъ различій возможны и нѣкоторыя другія различія, которыя подчеркиваются ученіемъ о темпераментахъ, какъ напр., неустойчивость дѣятельности или обильная, наоборотъ, устойчивость, медлительность

возбужденія или, можетъ быть, глубина чувства и слабое выраженіе вовнѣ. Всѣ такія явленія, конечно, конкретно могутъ наблюдаться и могутъ быть связаны съ чисто природной организаціей, но только, разумѣется, трудно удержать ту классификацію, не имѣющую научнаго значенія. Важно, только признать фактъ этого различія біологической основы и оцѣнивать значеніе этого факта не только при воспитаніи характера, но и при воспитаніи вообще, когда здѣсь дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ такими явленіями, какъ непосѣдливость, или съ такимъ фактомъ, какъ медленная возбудимость или же слишкомъ глубокая чувствительность, особое недотрожество въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣтскихъ организацій, которые реагируютъ слишкомъ глубоко и могутъ сохранить въ этомъ смыслѣ какое-нибудь непріятное, злое или злобное чувство. Такія особенности могутъ быть прирожденными и, конечно, съ ними важно считаться при воспитаніи не потому только, что на почвѣ ихъ можетъ развиться тотъ или другой характеръ, а потому, что иногда съ самаго ранняго возраста приходится индивидуализировать мѣры воспитательнаго воздѣйствія именно въ связи съ особенностями дѣтской организаціи. Такъ, напр., явленіе непосѣдливости, разъ оно связано съ біологическою основою, требуетъ къ себѣ своеобразнаго отношенія, такъ какъ здѣсь, несомнѣнно, возможенъ такой фактъ, что ребенокъ парализовать эту непосѣдливость совершенно не въ силахъ,

и поэтому естественно ждать извѣстнаго возраста, когда образуется то, что называется задерживающими центрами и, когда разовьется въ большей степени сознательная активность. То же самое можно сказать и о томъ, что, напр., обозначается холерическими темпераментомъ, когда мы конкретно встрѣчаемъ явленія исключительной настойчивости, характеризующейся какъ своеобразное упрямство, и когда здѣсь можетъ и должно быть осторожное отношеніе, если принять во вниманіе эти особенности природной организаціи. Что касается флегматическаго темперамента и типичной для него возбудимости, то здѣсь, конечно, опять возможно своеобразное отношеніе, и нужно остерегаться, чтобы эта природная медлительность и медленная возбудимость не отожествлялась съ тѣмъ, что мы называемъ лѣнью. Наконецъ, если имѣть въ виду то, что обыкновенно называется меланхолическимъ темпераментомъ, то и эти своеобразныя особенности организаціи являются важными въ глазахъ воспитателя, потому что при такой исключительной, чисто біологической чувствительности нужно быть въ высшей степени осторожнымъ въ мѣрахъ воспитательнаго воздѣйствія, когда здѣсь можетъ быть вызвана такая реакція, которая отзовется слишкомъ тяжело на самомъ ребенкѣ въ силу исключительной органической чувствительности этого существа. Все это указываетъ на то, что есть извѣстныя особенности природной организаціи, съ которыми нужно считаться при воспитаніи вообще. Съ дру-

гой стороны эти особенности нужно имѣть въ виду и при воспитаніи того, что мы называемъ характеромъ. Хотя мы не можемъ признать значеніе темперамента въ той формѣ, въ какой это ученіе было выражено еще въ мірѣ античномъ, однако указаннымъ различіямъ на чисто біологической основѣ, отражающимся и въ нашей дѣятельности, приходится приписывать большое значеніе въ процессѣ формированія характера.

Всѣ эти особенности въ данномъ случаѣ характеризуются, какъ индивидуальныя, присущія опредѣленному человѣку, въ связи съ своеобразіемъ его физической организаціи. Но иногда пытаются здѣсь указать особенности болѣе общаго характера, которыя являются типичными не только для опредѣленной индивидуальности, но которыя разсматриваются, какъ типичныя для цѣлаго народа національности, и въ этомъ смыслѣ предполагается возможнымъ указать біологическую основу для опредѣленной формы дѣятельности, - въ зависимости отъ этихъ особенностей болѣе общаго типа. Съ этой точки зрѣнія извѣстно противопоставленіе, напр., англосаксонской расы славянской расѣ, поскольку въ первой усматривается такія черты, которыя являются основою для характера въ положительномъ смыслѣ, какъ болѣе планомѣрной, настойчивой дѣятельности, и поскольку во второй оттѣняются такія особенности организаціи, которыя содѣйствуютъ образованію скорѣе отрицательной формы характера, какъ дѣятельности болѣе пассивной, колеблющейся, не рѣшительной и т.п.

Но такого рода взглядъ едва ли можетъ считаться вполнѣ научнымъ въ томъ смыслѣ, чтобы здѣсь мы могли точно опредѣлит какія-нибудь особенности чисто физіологическія или біологическія, типичныя для образованія характера, потому что болѣе глубокій анализъ указываетъ, что и въ примѣненіи къ этимъ различнымъ націямъ возможны извѣстныя различія, типы характера, кот. могутъ встрѣчаться въ каждой изъ этихъ націй въ отдѣльности, когда, положимъ, у представителей славянской націи можетъ встрѣчаться характеръ, являющійся обнаруженіемъ исключительной настойчивости, увѣренности и т. д.; съ другой стороны, и въ англосаксонской наррдности мы можемъ наблюдать проявленіе дѣятельности, очень близкой къ той формѣ, которую мы называемъ пассивностью, нерѣшительностью, колебаніемъ, что находитъ выраженіе въ различныхъ видахъ литературныхъ типовъ и т. д. Здѣсь мы не будемъ пускаться въ такія общія и неопредѣленныя соображенія и будемъ характеризовать эту біологическую основу характера, независимо отъ какихъ либо національныхъ или племенныхъ особенностей.

Переходя теперь къ процессу образованія характера, мы должны указать главныя стадіи въ развитіи этого процесса, предполагая здѣсь въ качествѣ основы упомянутый біологическій базисъ. Для насъ здѣсь конечно важно указать цѣлый рядъ мѣръ педагогическаго воздѣйствія, которыя могутъ содѣйствовать выработкѣ того типа дѣятельности, ко-

торый мы считаемъ, какъ положительный характеръ, какъ такого рода дѣятельность, которая намъ представляется планомѣрной, устойчивой, гдѣ нѣтъ никакой нерѣшительности, колебаній, гдѣ есть, дѣйствительно, ясно сознаваемая и постоянно соблюдаемая связь между мотивами и ихъ обнаруженіями. Хотя для выработки такого положительнаго типа характера имѣетъ значеніе и упомянутая біологическая основа, но всетаки здѣсь главная роль принадлежитъ воспитанію въ самыхъ различныхъ формахъ воздѣйствія. Поэтому одна біологическая основа, хотя бы она здѣсь обнаружилась въ наиболѣе ярко выраженной активности, которая свидѣтельствуетъ объ органическомъ запасѣ этой энергіи, является недостаточною для того, чтобы выработался сознательный характеръ, какъ планомѣрная дѣятельность. Здѣсь въ особенности важенъ процессъ воспитанія, какъ сознательнаго воздѣйствія со стороны другихъ людей, но здѣсь также принадлежитъ большое значеніе, и больше, чѣмъ въ какой либо другой области, и процессу сознательнаго самовоспитанія, которое имѣетъ мѣсто уже въ завершительную стадію воспитательнаго процесса. Подходя къ этому анализу характера уже со стороны психической основы, когда передъ нами возникаетъ цѣлый рядъ воздѣйствій, мы должны сказать, что первыя движенія жизни ребенка носятъ, конечно, безсознательный, рефлекторный характеръ, когда здѣсь предполагаются рефлексы въ собственномъ смыслѣ, импульсивные или

автоматическіе, въ связи съ разнообразными явленіями внутри дѣтскаго организма, когда, на почвѣ этихъ органическихъ явленій, создается то, что называется привычными актами и т.д. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о планомѣрной и истинно - сознательной дѣятельности. Эта послѣдняя наступаетъ позднѣе, когда возникаютъ опредѣленные мотивы дѣятельности, въ видѣ извѣстныхъ чувствованій прежде всего. Я разумѣю здѣсь эгоистическія и симпатическія эмоціи, которыя обнаруживаются въ связи съ опредѣленнаго рода потребностями, причемъ въ начальной стадіи жизни это обнаруженіе носитъ, какъ извѣстно, идеомоторный характеръ, т.е. здѣсь предполагается тѣсная связь между побужденіемъ и дѣйствіемъ, мгновенное осуществленіе извѣстныхъ мотивовъ потребностей, стремленіе немедленно удовлетворить извѣстное чувство какимъ либо обнаруженіемъ вовнѣ и т.д. Но постепенно въ ребенкѣ создается то, что мы называемъ, нѣсколько метафорически, задерживающими центрами, т.е. создаются болѣе постоянные мотивы дѣятельности въ видѣ наиболѣе упрочившихся эгоистическихъ или симпатическихъ эмоцій. И здѣсь очень рано приходится встрѣчаться съ фактомъ необходимости ограничивать мгновенное удовлетвореніе всякой потребности, такъ какъ не всегда ея возникновеніе служитъ выраженіемъ настоящей органической надобности. Это ограниченіе нѣкоторыхъ потребностей является совершенно неизбѣжнымъ. Оно отмѣчалось многими изслѣдователями дѣт-

ской жизни, психологами и педагогами 17 и 18 столѣтія, Локкомъ и даже Руссо. Послѣдній, напр, говорилъ, что не всѣ наши влеченія, которыя наблюдаются на различныхъ стадіяхъ культуры и проявляются очень рано, служатъ обнаруженіемъ настоящихъ потребностей и жизненныхъ тенденцій нашего организма, но иногда оказываются, можетъ быть, случайными, второстепенными, и поэтому здѣсь едва ли можно стать на ту точку зрѣнія, что необходимо предоставленіе полной свободы въ удовлетвореніи всѣхъ стремленій. Такого рода ограничительныя воздѣйствія выражаются иногда очень рано въ явленіяхъ авторитета въ широкомъ смыслѣ слова, когда этотъ авторитетъ проявляется въ видѣ различнаго рода запрещеній или приказаній или въ видѣ убѣжденій или увѣщаній, когда есть воздѣйствіе на интеллектъ, когда здѣсь затрагиваются такія чувства, какъ чувство стыда и т.д... Естественно, воспитатель отыскиваетъ въ этомъ случаѣ такое душевное проявленіе, которое могло бы быть здѣсь задерживающимъ центромъ, которое могло бы дѣйствительно регулировать дѣятельность ребенка и подчинять болѣе низменные мотивы стремленіямъ болѣе возвышеннаго характера. Конечно, это возможно частично осуществлять въ сравнительно ранній возрастъ, путемъ воздѣйствія авторитета, въ особенности, когда здѣсь примѣнимо увѣщаніе или убѣжденіе, и такого рода воздѣйствіе является совершенно неизбѣжнымъ и едва ли его можно замѣнить тѣмъ, что называется дисциплиной естествен-

ныхъ послѣдствій. Воздѣйствіе въ видѣ дисциплины естествен
ныхъ послѣдствій, когда ребенокъ испытываетъ препятствія
или вообще воздѣйствія непосредственно со стороны дру-
гихъ вещей или другихъ людей, въ раннемъ возрастѣ невоз-
можно, во-первыхъ потому, что здѣсь могутъ получиться
уроки, купленные слишкомъ дорогой цѣной, когда ребенокъ
можетъ получить поврежденія и даже увѣчье; съ другой сто-
роны, при еще неокрѣпшемъ интеллектѣ ребенку невозможно со-
ставить настоящее представленіе о связи тѣхъ явленій, кото
рыя онъ наблюдаетъ, когда, напр., его дѣйствіе или посту-
покъ вызываетъ соотвѣтственную реакцію, и именно такую,
а не другую, когда здѣсь предполагается болѣе глубокое
проникновеніе въ сущность причинной связи, которое еще
недоступно для его слабаго ума. Здѣсь обращеніе къ эмоці-
ямъ симпатическаго или эгоистическаго типа - къ чувству
стыда, чести или къ чувству собственнаго достоинства, не-
сомнѣнно, могутъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ
эти косвенныя воздѣйствія. Мы сейчасъ увидимъ, что этой
дисциплинѣ принадлежитъ громадное значеніе, но уже нѣ-
сколько позднѣе. Но примѣняя различнаго рода авторитетъ,
нужно стремиться къ тому, чтобы эта стадія авторитета
прошла какъ можно скорѣе и уступила мѣсто сознательной
дѣятельности, когда извѣстные мотивы уже сознательно ус-
ваиваются самимъ ребенкомъ, когда предполагается уже са-
мостоятельное отношеніе къ этимъ мотивамъ и ихъ упроче-
ніе въ связи съ пониманіемъ ихъ цѣнности. При этомъ при-

мѣненіи авторитета нужно имѣть въ виду одно обстоятельство, именно то, что это примѣненіе должно носить планомѣрный, послѣдовательный характеръ и должно быть освобождено отъ тѣхъ, всѣмъ извѣстныхъ явленій, которыя какъ разъ содѣйствуютъ выработкѣ нерѣшительнаго, колеблющагося характера и которыя въ концѣ концовъ ослабляютъ значеніе самого авторитета, какъ воспитывающаго фактора. Я разумѣю здѣсь именно явленія непослѣдовательности, невыдержанности, иногда недостатокъ безпристрастія, что постоянно наблюдается въ актахъ такого воздѣйствія взрослыхъ на ребенка, когда здѣсь мы видимъ угрозы и затѣмъ неисполненіе ихъ, когда здѣсь въ одно время мы наблюдаемъ излишнія ласки, въ другое время чрезмѣрную строгость. Затѣмъ, позднѣе мы уже наблюдаемъ стремленіе ребенка самостоятельно создать такой основной стимулъ дѣятельности, сдѣлать наиболѣе сильными опредѣленные задерживающіе центры, въ видѣ наиболѣе упрочившихся извѣстной эмоціи или представленія. Здѣсь, слѣдовательно, дѣятельность ребенка уже самостоятельно, сознательно подчиняется болѣе высшимъ побужденіямъ, которыя опредѣляютъ и дальнѣйшій ходъ развитія. Для того, чтобы эти побужденія сдѣлались наиболѣе сильными и цѣнными, необходима ихъ самостоятельная оцѣнка и, главнымъ образомъ, необходимо постоянное конкретное воплощеніе ихъ въ дѣятельности, когда они получаютъ свою силу, когда они постоянно какъ бы на-

ращиваютъ эту силу, благодаря непрерывному воплощенію въ тѣхъ или иныхъ формахъ активности. Здѣсь уже нѣтъ того авторитета, въ узкомъ смыслѣ слова, который мы встрѣчаемъ въ ранней стадіи жизни, и здѣсь безспорно, имѣетъ гораздо большее значеніе такая форма воздѣйствія, которая извѣстна подъ именемъ дисциплины естественныхъ послѣдствій. Въ этой стадіи развитія названная дисциплина оказывается важной потому, что ребенокъ уже непосредственно приводится въ соприкосновеніе съ цѣлымъ рядомъ явленій, которыя оказываютъ на него глубокое вліяніе, которыя заставляютъ его затрачивать извѣстную энергію, иногда опредѣляютъ самый способъ его дѣятельности и въ связи съ этимъ влекутъ за собою цѣлый рядъ результатовъ, которые могутъ подвергаться его самостоятельной оцѣнкѣ, когда на почвѣ этой оцѣнки могутъ быть сдѣланы соотвѣтствующіе выводы. Здѣсь-то и важны такого рода отношенія, которыя предполагаютъ болѣе свободное проявленіе дѣятельности, когда это проявленіе обнаруживается въ преодолѣніи самаго различнаго рода препятствій и трудностей. Это преодолѣніе трудностей является совершенно неизбѣжнымъ условіемъ для воспитанія характера, и едва ли мы можемъ предположить сильный, устойчивый и выдержанный характеръ у человѣка, которому никогда не приходилось преодолѣвать этихъ препятствій, побѣждать извѣстныя трудности. Такого рода препятствія не должны быть устраняемы изъ практики воспитанія въ виду ихъ цѣнности съ чисто формальной стороны, когда они даютъ возможность наибольшаго напряженія силъ ребенка и въ то же время не превосходятъ общей суммы его психической энергіи.

Въ результатѣ такого рода напряженія, получается преодолѣніе трудности, и все это является такимъ бодрящимъ средствомъ и не только пробуждаетъ, но и усиливаетъ вѣру въ свои собственныя силы, содѣйствуя, такимъ образомъ, преодолѣнію препятствій и не только настоящихъ, но и грядущихъ. Тутъ же важно указать на то обстоятельство, что развитіе характера такого типа предполагаетъ, конечно, наибольшую свободу дѣйствій вообще, когда здѣсь именно на почвѣ опредѣленной дѣятельности можетъ выработаться и наиболѣе желательная форма активности. Съ этой точки зрѣнія, едва ли можно говорить о томъ, что характеръ можетъ быть созданъ только на почвѣ внѣшней дисциплины, въ видѣ извѣстнаго рода запрещеній, преграждения дѣятельности и т.д., когда думаютъ, что здѣсь вырабатывается характеръ, разъ на этой почвѣ создаются извѣстные задерживающіе центры и, слѣдовательно, укрѣпляется власть надъ извѣстными побужденіями. Этотъ взглядъ едва ли можетъ считаться правильнымъ съ психологической и педагогической точекъ зрѣнія, между прочимъ, потому, что здѣсь самое сдерживаніе происходитъ въ чисто внѣшней формѣ, когда предполагается только загражденіе выхода энергіи, и разъ эта потребность въ дѣятельности есть, то, несомнѣнно, лишь только будутъ устранены эти внѣшнія препятствія, этотъ запасъ энергіи долженъ будетъ найти какой-нибудь свободный выходъ. Этимъ и объясняется такой фактъ, что, несмотря на всю строгость такой чисто внѣшней дисциплины, мы можемъ наблюдать иногда параллельно явленія крайней распущенности, которыя обнаруживаются какъ протестъ, какъ реакція противъ этой задерживающей, тормозящей

силы. Поэтому, здѣсь необходимо стремиться къ выработкѣ наиболѣе самостоятельныхъ стимуловъ дѣятельности, которые оцѣниваются и сознательно ставятся самимъ ребенкомъ, какъ наиболѣе важные стимулы. Для развитія активности вообще, предоставленіе наибольшей свободы для обнаруженія психической силы является само собою разумѣющимся, и потому, гдѣ нѣтъ дѣятельности, а есть только задерживающія воздѣйствія, не можетъ быть и рѣчи о характерѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ какъ характеръ вырабатывается только на почвѣ дѣятельности, когда цѣлый рядъ мотивовъ конкретно закрѣпляется тѣми или другими поступками или дѣйствіями. Если этого закрѣпленія нѣтъ, то, конечно, нѣтъ и настоящей дѣятельности, характера въ истинномъ смыслѣ слова. У насъ могутъ быть очень высокіе мотивы для дѣятельности, могутъ быть очень возвышенныя мысли, могутъ быть глубокія и тонкія чувства, которыя мы сознательно возвышаемъ надъ другими, которымъ мы отдаемъ исключительное преимущество, но если все это не будетъ воплощаться настоящимъ образомъ, то здѣсь не будетъ мѣста и для созданія истиннаго характера. Здѣсь будетъ только извѣстное настроеніе, можетъ быть, очень цѣнное и съ моральной точки зрѣнія, но это не будетъ такое настроеніе, которое опредѣляетъ собою извѣстныя формы активности. Наоборотъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ въ жизни, въ особенности въ нашей жизни, которая богата этими внутренними переживаніями, людей, которые въ своей дѣятельности являются часто совсѣмъ несоотвѣтствующими ихъ высокому настроенію именно благодаря тому, что здѣсь, очевидно, своевременно не установилось такой тѣсной связи между этими чи-

сто теоретическими переживаніями и между тѣми формами конкретной дѣятельности, которыя явились неизбѣжными для такихъ лицъ. Поэтому здѣсь этотъ элементъ активности, который можетъ обнаруживаться, конечно, въ актахъ самостоятельной дѣятельности, всегда является основнымъ, и именно онъ опредѣляетъ самое существо того состоянія или того психологическаго комплекса, который мы называемъ характеромъ, въ томъ своеобразномъ опредѣленіи, на которое я уже разъ указывалъ. Если же здѣсь наблюдаются противоположныя явленія или противоположныя условія, когда нѣтъ возможности для свободнаго проявленія всѣхъ этихъ силъ, когда эта свобода стѣсняется не только усиліями и стремленіями со стороны воспитателя, но иногда и чисто внѣшними условіями, какъ нерѣдко можно наблюдать въ явленіяхъ общественной и политической жизни, гдѣ эта дѣятельность иногда находитъ стихійное или сознательное препятствіе въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, - то, конечно, тутъ едва ли мы можемъ говорить о развитіи характера; наоборотъ, здѣсь вырабатываются черты пассивности, своеобразнаго оппортунизма, приспособленія только къ тѣмъ формамъ дѣятельности, которыя являются общепризнанными и дозволенными, и поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о выработкѣ характера въ настоящемъ смыслѣ слова. Все это указываетъ на то, что процессъ развитія или образованія характера является процессомъ въ высшей степени сложнымъ, и въ этомъ процессѣ, если и принадлежитъ извѣстное значеніе наслѣдственнымъ предрасположеніямъ и природнымъ задаткамъ, все-таки главная роль выпадаетъ на долю цѣлаго ряда условій, которыя и опредѣляютъ собою особенности духовна-

го, а отчасти и физическаго роста. Я уже не говорю о томъ, что здѣсь принадлежитъ огромная роль тому, что мы называемъ самовоспитаніемъ или довоспитаніемъ, потому что настоящій типъ дѣятельности слагается уже въ періодѣ сознательной жизни. Правда, и въ отношеніи этого поздняго періода имѣютъ большое значеніе и тѣ формы активности, которыя являются предшествующими и которыя уже направляютъ нашъ организмъ и нашу психику извѣстнымъ образомъ, но конечное развитіе здѣсь достигается уже путемъ напряженной самостоятельной, истинно-сознательной дѣятельности.

АНАЛИЗЪ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ. РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ АССОЦІАЦІЙ. ПАМЯТЬ ВЪ ЕЯ РАЗЛИЧНЫХЪ ПРОЯВЛЕНІЯХЪ. РОСТЪ И РАЗВИТІЕ ПАМЯТИ. ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ АНАЛИЗА ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАМЯТИ.

Я долженъ обратиться теперь къ характеристикѣ той сферы нашей душевной жизни, которую я временно опустилъ, отступая въ этомъ смыслѣ отъ обычнаго порядка изложенія. Я разумѣю интеллектуальную сферу. Въ началѣ своего курса я говорилъ относительно болѣе элементарныхъ проявленій въ этой области, именно - относительно ощущеній, воспріятій, указывая на цѣлый рядъ выводовъ изъ этого анализа для педагогическихъ цѣлей. Теперь же я долженъ перейти къ характеристикѣ тѣхъ продуктовъ умственной жизни, которые извѣстны подъ именемъ представленій, и которые конкретно обнаруживаются въ дѣятельности памяти и воображеніи. Что касается самого понятія представленія, то здѣсь предполагается, согласно обычному взгляду, умственный

образъ предмета, который является какъ бы умственнымъ отпечаткомъ ощущеній и воспріятій. Согласно такому опредѣленію, здѣсь предполагается возникновеніе этихъ образовъ независимо отъ извѣстныхъ ощущеній и воспріятій въ данный моментъ, т.е. въ отсутствіи тѣхъ или другихъ раздраженій, и въ то же время допускается, что въ основѣ этихъ образовъ лежатъ какія-нибудь предшествующія ощущенія, или воспріятія. И, съ этой точки зрѣнія, представленія, конечно, отличаются гораздо меньшей живостью и ясностью, чѣмъ непосредственныя ощущенія, воспріятія, которыя предполагаютъ всегда наличность извѣстнаго раздраженія. Правда, иногда мы имѣемъ такіе случаи, когда эти образы достигаютъ живости ощущеній, или воспріятій, хотя на самомъ дѣлѣ внѣшнихъ возбудителей здѣсь нѣтъ; такія состоянія, какъ извѣстно, называются галлюцинаціями. Они объясняются въ своемъ происхожденіи тѣмъ, что въ этомъ случаѣ въ нашемъ мозгу, подъ вліяніемъ извѣстныхъ патологическихъ процессовъ, затрагиваются тѣ центры, которые затрагивались въ болѣе сильной степени при самомъ воспріятіи, и, благодаря этому, получается большая яркость или живость представленій, которыя замѣняютъ собой конкретныя воспріятія, когда здѣсь предполагается наличность извѣстныхъ возбудителей. Изъ этого обычнаго пониманія природы представленій можно видѣть, что представленіе является прежде всего интеллектуальнымъ процессомъ, извѣстнымъ познавательнымъ элементомъ, благодаря которому мы возстанавливаемъ образъ предмета съ точки зрѣнія его опредѣленныхъ свойствъ, или качествъ. Но это не значитъ, что представленіе есть процессъ только интел-

лектуальный, безъ всякой примѣси эмоціональныхъ или волевыхъ элементовъ. Такого рода изображеніе было бы очень односторонним, и во всякомъ случаѣ, мы видимъ тѣсную связь нашихъ представленій съ активностью и эмоціональной жизнью. Такъ многія представленія окрашены извѣстнымъ эмоціональнымъ колоритомъ и сопровождаются нѣкоторымъ элементомъ чувства, который и не позволяетъ считать ихъ только холодными интеллектуальными переживаніями. Иногда представленія и возникаютъ на чисто эмоціональной основѣ, которая является въ данномъ случаѣ фономъ для этихъ интеллектуальныхъ процессовъ. Что же касается элемента активности, движенія, то этотъ элементъ въ жизни представленій особенно подчеркивается въ новой или новѣйшей психологіи. Этотъ элементъ моторности объясняется тѣмъ, что въ тѣхъ ощущеніяхъ или воспріятіяхъ, отпечаткомъ которыхъ являются представленія, несомнѣнно былъ элементъ движенія, иногда очень замѣтный, и этотъ элементъ и воспроизводится здѣсь уже въ процессѣ образованія и возникновенія представленій. Такъ, если мы возьмемъ процессъ зрительныхъ ощущеній и воспріятій, то здѣсь несомнѣнно есть элементъ движенія въ связи съ дѣятельностью опредѣленныхъ мускуловъ глазъ, которую мы наблюдаемъ въ процессѣ самого зрительнаго воспріятія. То же самое можно сказать и относительно ощущеній слуховыхъ, когда здѣсь предполагаются извѣстныя движенія, напр. движенія шеи, въ связи съ поворачиваніемъ головы; иногда здѣсь имѣетъ мѣсто даже движеніе ушной раковины; у человѣка, правда, это движеніе наблюдается только въ рѣдкихъ случаяхъ, но оно встрѣчается у многихъ животныхъ. Затѣмъ, если мы

возьмемъ ощущенія вкусовыя, то здѣсь опять, несмотря на то, что органомъ является опредѣленная поверхность языка, имѣютъ мѣсто извѣстныя движенія самого языка, челюстей, щекъ, глотки и т.д. То же самое можно сказать объ обонятельныхъ ощущеніяхъ, когда здѣсь предполагается движеніе ноздрей и т.д. Затѣмъ, что касается ощущеній осязательныхъ, то здѣсь роль двигательнаго элемента особенно замѣтна, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ въ виду восприятія на почвѣ извѣстнаго органа - кожи, часто въ связи съ мышцами воспріятія, которыя предполагаютъ движеніе органовъ нашего тѣла - рукъ, ногъ, пальцевъ рукъ или вообще периферическихъ частей нашего тѣла. Все это указываетъ, что въ процессѣ воспріятія элементу моторности принадлежитъ большое значеніе, и это обстоятельство въ свою очередь отзывается на характерѣ самихъ представленій, когда въ самихъ представленіяхъ этотъ элементъ оживаетъ и когда извѣстныя представленія, благодаря этому, стремятся выразиться въ извѣстныхъ движеніяхъ. Этимъ объясняются такіе факты, что при извѣстныхъ представленіяхъ, напр. при представленіяхъ зрительныхъ, мы можемъ наблюдать и извѣстное движеніе, т.е. движеніе глаза; при слуховыхъ представленіяхъ, мы можемъ наблюдать у себя движенія, которыя соотвѣтствуютъ явленію прислушиванія и т.д. То же самое можно сказать о вкусовыхъ представленіяхъ, когда здѣсь мысль о вкусовомъ веществѣ можетъ вызывать за собою глотательныя или другія движенія, связанныя съ вкусовыми воспріятіями. То же самое приложимо и къ обонянію, когда одна мысль о запахѣ можетъ вызывать движеніе ноздрей. Еще болѣе можно сказать это объ осязательныхъ ощу-

щеніяхъ, когда здѣсь мысль объ извѣстномъ предметѣ дѣйствуетъ на насъ именно въ направленіи осязательныхъ воспріятій, можетъ возбуждать извѣстное движеніе въ пальцахъ рукъ или другой части организма, въ той части, которая была затронута въ процессѣ воспріятія. Вотъ этотъ элементъ моторности необходимо отмѣтить и въ виду того, что здѣсь мы можемъ констатировать извѣстную связь нашихъ представленій съ нашей волей, нашей активностью, правда, элементарнаго характера. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе и съ точки зрѣнія педагогической, именно при воспитаніи этого рода активности, какъ мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ, когда я характеризовалъ болѣе элементарныя проявленія воли; я разумѣю такъ называемыя идеомоторныя движенія, т.е. такія движенія, которыя возникаютъ сразу, непосредственно вслѣдъ за извѣстнымъ представленіемъ. Этимъ именно могутъ объясняться многія явленія въ дѣтской жизни :- своеобразная непосѣдливость, импульсивность, когда предполагается извѣстное непосредственное воплощеніе тѣхъ или другихъ представленій. Но затѣмъ постепенно, по мѣрѣ развитія ребенка, вырабатывается извѣстная задерживающая дѣятельность, которая помогаетъ сдерживать многія изъ этихъ движеній, помогаетъ производить выборъ между ними и отдавать предпочтеніе тѣмъ мотивамъ, которые являются наиболѣе цѣнными уже по какимъ нибудь соображеніямъ, напр., этическимъ и т.д.

Этимъ я и заканчиваю свои краткія замѣчанія о самой природѣ представленій, въ ихъ психической основѣ, поскольку здѣсь передъ нами вскрывается сложность этого рода дѣятельности, кото-

рую трудно представить, какъ дѣятельность только интеллектуальную. Затѣмъ я долженъ остановиться на краткой характеристикѣ основныхъ законовъ въ жизни представленій, поскольку эти законы вскрываются передъ нами въ явленіяхъ воспроизведенія представленій. Я скажу объ этомъ въ самыхъ краткихъ чертахъ. Я имѣю въ виду обычное представленіе о законахъ ассоціацій, причемъ здѣсь важно отмѣтить нѣкоторыя особенности этихъ законовъ, которыя не всегда ясно указываются. Дѣло въ томъ, что когда рѣчь идетъ объ ассоціаціяхъ, то говорятъ только объ ассоціаціяхъ представленій, и предполагаютъ, что здѣсь есть связь только между интеллектуальными процессами, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ здѣсь затрагиваются и другіе болѣе глубокіе, болѣе органическіе процессы. Такимъ образомъ, терминъ „ассоціація" нужно понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ и предполагать, что здѣсь идетъ рѣчь именно о своеобразныхъ соединеніяхъ, своеобразномъ воспроизведеніи не только представленій, но и чувствъ и извѣстныхъ дѣйствій, и поэтому и до нашего времени, можетъ быть, является правильной та формулировка закона ассоціацій, которую мы встрѣчаемъ у извѣстнаго англійскаго психолога Бэна. Этотъ послѣдній формулируетъ этотъ законъ въ примѣненіи къ двумъ основнымъ типамъ ассоціаціи: по смежности и по сходству. Первый изъ этихъ законовъ Бэнъ опредѣляетъ такимъ образомъ, что имъ обозначается способъ воспроизведенія не представленій только, но и чувствъ и дѣйствій, ощущеній и воспріятій, когда здѣсь воспроизведеніе совершается въ формѣ совмѣстности или послѣдовательности, когда здѣсь какъ бы стремятся быть воспроизведенными такіе процессы,

которые были восприняты или въ одно время или въ порядкѣ послѣдовательности. Это относится къ законамъ ассоціаціи по смежности. Что же касается другого закона ассоціацій :- ассоціацій по сходству, то здѣсь предполагается особенность нашей духовной жизни, въ силу которой въ извѣстные моменты воспроизводятся не только представленія, но и извѣстныя дѣйствія, извѣстныя чувства, извѣстныя ощущенія, такія, которыя являются сходными въ какомъ либо отношеніи съ тѣми, которыя наблюдаются въ данный моментъ. Значитъ, здѣсь подчеркивается элементъ сходства въ отношеніи самыхъ разнообразныхъ душевныхъ состояній. Я не буду теперь задерживать вашего вниманія на теоретическихъ вопросахъ, которые могутъ подняться здѣсь въ связи съ біологической или физіологической основой этой ассоціаціи, когда здѣсь предполагается существованіе особыхъ чисто физіологическихъ связей, такъ называемыхъ путей въ нашемъ мозгу, когда изслѣдователи стараются здѣсь указать опредѣленныя біологическія основы или опредѣленный анатомо-физіологическій субстратъ для этого явленія. Съ точки зрѣнія современной науки возможно сдѣлать это допущеніе, хотя нельзя сказать, что мы можемъ указать въ нашемъ мозгу опредѣленные пути, точно отграниченные элементы, которые являются какъ бы субстратомъ этой психической дѣятельности, потому что такая локализація является невозможной при современномъ состояніи нашихъ знаній. Я не буду также входить въ подробности споровъ о томъ, какая изъ основныхъ формъ ассоціацій является первичной, т.е. ассоціація по смежности или ассоціація по сходству. Я не буду также приводить примѣровъ всѣмъ извѣстныхъ

формъ ассоціацій, - укажу только, что ассоціаціи одновременности несомнѣнно болѣе тѣсно связаны съ воспріятіями органа зрѣнія, когда здѣсь предполагается возможность въ извѣстный моментъ воспринять цѣлый рядъ предметовъ или явленій; это одновременное существованіе въ пространствѣ предметовъ помогаетъ сохраненію самаго воспріятія и его воспроизведенію по принципу простой смежности. Что касается ассоціаціи по послѣдовательности, то здѣсь имѣются въ виду уже воспріятія въ порядкѣ послѣдовательности, и такого рода воспріятія возможны и на почвѣ зрительныхъ ощущеній, когда мы можемъ послѣдовательно воспринимать зрительныя вцечатлѣнія; но еще въ большей степени эти ассоціаціи возникаютъ на почвѣ слуховыхъ воспріятій, когда необходима извѣстная послѣдовательность. Что касается, теперь, ассоціацій по сходству, то здѣсь обыкновенно указывается ассоціація по сходству въ собственномъ смыслѣ и ассоціація по контрасту, причемъ въ ассоціаціи по контрасту всегда есть элементъ сходства, потому что контрастъ предполагаетъ объединеніе различій въ какомъ нибудь общемъ принципѣ, будетъ ли это, напр., ассоціація бѣлаго и чернаго (объединеніе въ понятіи цвѣта), будетъ ли это ассоціація холоднаго и теплаго (объединеніе въ понятіи температуры), будетъ ли это ассоціація богатства и бѣдности (объединеніе въ понятіи имущественнаго состоянія) - всѣ эти факты хорошо извѣстны, такъ что мы не будемъ на нихъ останавливаться. Для насъ, можетъ быть, важнѣе затронуть другой вопросъ, который обычно опускается въ теоретической психологіи, именно, вопросъ вообще о значеніи ассоціацій въ нашей душевной

жизни и объ отношеніи къ этому факту съ точки зрѣнія педагогической. О томъ, что ассоціаціямъ принадлежитъ огромное значеніе въ душевной жизни человѣка, едва ли можетъ быть споръ. Здѣсь можно затронуть этотъ вопросъ и въ общей формѣ, поскольку ассоціаціи вообще являются очень важнымъ процессомъ въ нашей умственной жизни, иногда усиливая, а иногда, быть можетъ, ослабляя нашу интеллектуальную дѣятельность - въ ея наиболѣе продуктивныхъ формахъ. Что касается этого общаго вопроса, то отвѣтъ на него можетъ быть данъ въ такой формѣ, что ассоціаціямъ вообще принадлежитъ огромное значеніе, поскольку онѣ являются тѣмъ необходимымъ сырымъ матеріаломъ, на почвѣ котораго возникаютъ болѣе сложные и высшіе продукты нашей интеллектуальной дѣятельности. Но съ другой стороны, въ виду того, что эти интеллектуальныя состоянія часто являются въ основѣ своей состояніями чисто внѣшними, механически сцѣпленными, они иногда могутъ служить тормозомъ для нашей сознательной дѣятельности, для болѣе высокой работы нашего интеллекта, когда предполагается извѣстная сосредоточенность, извѣстный отборъ тѣхъ или другихъ представленій, стройное теченіе мыслей независимо отъ этихъ случайныхъ сцѣпленій и въ такомъ случаѣ этотъ потокъ ассоціацій можетъ затруднить планомѣрную сознательную дѣятельность. Что касается ассоціаціи по смежности, то ея большое значеніе безспорно - въ виду той количественной роли различныхъ представленій, которыя создаются у насъ на почвѣ этой ассоціаціи. Дѣло въ томъ, что если бы мы стали исчислять тѣ ассоціаціи, которыя находятся въ нашей душѣ, то разумѣется, ас-

соціацій по смежности оказалось бы гораздо больше. Это объясняется тѣмъ, что самое образованіе этихъ ассоціацій гораздо легче; при этомъ процессѣ не требуется какой нибудь особой затраты нашей умственной энергіи, въ особенности нашей сознательной дѣятельности, такъ какъ здѣсь возможно въ одинъ моментъ получить цѣлый рядъ зрительныхъ воспріятій или въ нѣсколько быстро слѣдующихъ другъ за другомъ моментовъ цѣлый рядъ слуховыхъ воспріятій. Поэтому ассоціаціи по смежности въ количественномъ смыслѣ играютъ болѣе значительную роль. Но если рѣчь идетъ о качественномъ значеніи, то, конечно, здѣсь перевѣсъ остается уже на сторонѣ другого типа ассоціацій :- именно, ассоціацій по сходству. Дѣло въ томъ, что ассоціаціи по сходству также различны съ точки зрѣнія участія въ нихъ высшей интеллектуальной дѣятельности. Такъ могутъ быть чисто внѣшнія ассоціаціи по сходству, напр., ассоціаціи вербальныя, ассоціаціи рифмы и т.д. которыя носятъ такой же механическій характеръ, какъ ассоціація одновременности, послѣдовательности на почвѣ зрительныхъ ощущеній или также слуховыхъ. Но во многихъ ассоціаціяхъ по сходству предполагается уже извѣстный анализъ, сравненіе нѣкоторыхъ признаковъ, нахожденіе сходства между ними, иногда моментальное нахожденіе этого сходства, иногда, можетъ быть, нѣсколько медленное, когда ассоціація является не сразу. Такимъ образомъ, здѣсь предполагается уже нѣкоторая затрата сознательной умственной энергіи, и слѣдовательно, обнаруживается болѣе высокая интеллектуальная дѣятельность. Я не говорю уже о томъ, что въ болѣе сложныхъ формахъ ассоціаціи по сходству мы

можемъ наблюдать еще большее присутствіе этой высшей интеллектуальной дѣятельности, когда здѣсь идетъ рѣчь о нахожденіи такого сходства, которое на первый разъ трудно замѣчаемо, когда здѣсь являются передъ нами объединяющія и синтезирующія заключенія, которыя лежатъ въ основѣ различнаго рода научныхъ построеній, открытій и т.п., гдѣ уже предполагается установленіе сходства между различными, совершенно не сводимыми другъ къ другу явленіямъ. Все это указываетъ на болѣе тѣсную связь этой формы ассоціаціи съ наиболѣе сложнымъ и высокимъ типомъ нашей интеллектуальной жизни.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній объ основныхъ законахъ ассоціацій и ихъ значеніи въ жизни человѣка, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ въ этой области, которыя имѣли мѣсто до сихъ поръ, въ особенности въ отношеніи дѣтскаго возраста. Что касается этихъ изслѣдованій, то они имѣли въ виду изученіе такихъ особенностей ассоціацій, какъ ихъ быстрота или скорость возникновенія извѣстной ассоціаціи, въ связи съ произнесеніемъ извѣстнаго слова. Эта скорость измѣрялась спеціальными психометрическими инструментами. Затѣмъ здѣсь подвергались изслѣдованію различные типы ассоціацій: ассоціаціи по смежности и по сходству, ассоціаціи въ связи съ извѣстными органами чувствъ и т.п. Далѣе имѣлись въ виду ассоціаціи въ связи со словами чисто конкретнаго содержанія, вполнѣ доступными для дѣтей, или ассоціаціи со словами болѣе абстрактнаго характера, когда сначала требовалось истолкованіе слова и сообразно съ этимъ образованіе соотвѣтственной ассоціаціи. Да-

лѣе, въ этихъ изслѣдованіяхъ обращали вниманіе на роль эмоціональнаго элемента, который можетъ усиливать или ослаблять эти представленія, когда извѣстная ассоціація возникала въ связи съ чувствомъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ попытку изслѣдовать эту дѣятельность въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, и наиболѣе цѣннымъ въ данномъ случаѣ является изслѣдованіе извѣстнаго нѣмецкаго психіатора Цигена, у котораго есть спеціальная работа объ ассоціаціяхъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Изъ этихъ изслѣдованій намъ пока трудно получить какіе нибудь строго обоснованные выводы, которые могли бы быть положены въ основу опредѣленнаго педагогическаго или, вѣрнѣе, дидактическаго примѣненія. Но тѣмъ не менѣе изслѣдованія эти указали на нѣкоторыя особенности дѣтскихъ ассоціацій, съ которыми приходится считаться воспитателю и особенно учителю. Такъ эти изслѣдованія показали, что самый процессъ ассоціацій въ дѣтскомъ возрастѣ медленнѣе, чѣмъ у взрослаго человѣка, и что здѣсь наблюдаются болѣе легкія ассоціаціи въ отношеніи къ конкретнымъ представленіямъ, чѣмъ въ отношеніи къ болѣе абстрактнымъ. Далѣе, здѣсь постоянно подчеркивался элементъ эмоціональный, и именно - большое значеніе этого элемента въ процессѣ воспроизведенія у дѣтей. Затѣмъ, констатировали различныя степени скорости этого воспроизведенія, но на основаніи этой скорости - быстроты или медленности, - трудно было заключить о самой прочности ассоціаціонныхъ сцѣпленій и о той степени сознательности, которая имѣетъ мѣсто въ процессѣ образованія этихъ ассоціацій. Затѣмъ, въ этихъ изслѣдованіяхъ, въ особенности въ из-

слѣдованіямъ Мюллера и Пильцеккера, отмѣчался своеобразный фактъ, который замѣченъ и выдвинутъ уже самой новѣйшей психологіей. Это существованіе на ряду съ ассоціаціями такъ называемой персеверація - такого процесса, въ силу котораго устанавливается опредѣленная группа представленій и эта группа постоянно даетъ о себѣ знать и постоянно выступаетъ и въ другихъ сочетаніяхъ, повидимому, далекихъ по своему значенію отъ этой упрочившейся группы. Въ силу этого мы видимъ очень часто возникновеніе такихъ ассоціацій, которыя на первый разъ трудно объяснимы, такъ какъ, повидимому, не имѣютъ тѣсной связи съ конкретными возбудителями ассоціацій. Что касается выводовъ, какіе можно было сдѣлать изъ этихъ изслѣдованій, то они должны быть указываемы съ большой осторожностью въ силу недостатка матеріала. Здѣсь, прежде всего, важно отмѣтить, что скорость или медленность ассоціацій ни въ какомъ случаѣ не могутъ свидѣтельствовать объ извѣстныхъ положительныхъ или отрицательныхъ сторонахъ интеллектуальной дѣятельности. Вообще, и при медленномъ возбужденіи ассоціаціонныхъ сцѣпленій мы можемъ наблюдать очень значительную и углубленную сознательную дѣятельность, но и при быстро возникающихъ ассоціаціяхъ мы можемъ наблюдать поверхностныя сцѣпленія, которыя на самомъ дѣлѣ не могутъ свидѣтельствовать о богатствѣ духовной жизни ребенка. Затѣмъ, важно констатированіе эмоціональнаго элемента въ ассоціаціяхъ, тѣсной связи ихъ съ чувствомъ, которая наблюдается въ особенности въ дошкольный возрастъ. Здѣсь можно бы сдѣлать предостерегающій выводъ относительно нѣкоторыхъ дидактическихъ пріемовъ

именно относительно постановки вопросовъ и полученія отвѣтовъ, относительно самаго спрашиванія, когда предполагаютъ какъ бы существованіе въ ученикѣ богатой интеллектуальной наличности, и поэтому цѣнность отвѣта опредѣляется быстротой воспроизведенія этого матеріала. Иногда въ процессѣ обученія вообще стремятся къ тому, чтобы ученикъ былъ постоянно наготовѣ къ очень быстрому воспроизведенію этого дидактическаго матеріала. Такого рода требованіе едва ли является вполнѣ соотвѣтствующимъ природѣ психической дѣятельности, потому что иногда готовая наличность матеріала, его быстрое воспроизведеніе можетъ свидѣтельствовать объ очень поверхностныхъ ассоціаціяхъ и, съ другой стороны, медленность воспроизведенія, въ связи съ правильностью и точностью этого воспроизведенія въ гораздо большій промежутокъ времени, можетъ свидѣтельствовать о болѣе углубленной, чисто логической работѣ, продукты которой, не будучи постоянно на поверхности, могутъ быть очень важными для дальнѣйшаго болѣе сложнаго умственнаго развитія. Вотъ тѣ общія замѣчанія, которыя я считалъ нужнымъ сдѣлать при этой сжатой характеристикѣ основныхъ принциповъ ассоціацій и ихъ обнаруженій - въ особенности у дѣтей.

Дѣятельность сохраненія и воспроизведенія представленій обыкновенно называется памятью. Я не буду останавливаться на анализѣ этой дѣятельности съ точки зрѣнія біологической основы, такъ какъ этотъ анализъ не можетъ привести къ какому-нибудь строго опредѣленному результату. Само собою предполагается связь этой дѣятельности съ нашей нервной системой, въ частно-

сти съ нашимъ мозгомъ, но мы не можемъ установить здѣсь какой нибудь стройной закономѣрности на основаніи существующихъ изслѣдованій и можемъ указать только извѣстныя особенности въ дѣятельности самой памяти. Безспорно одно, что память можно разсматривать и въ болѣе широкомъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Въ болѣе широкомъ смыслѣ здѣсь разумѣется органическая дѣятельность вообще, которая обнаруживается въ явленіяхъ приспособленія, въ различнаго рода пластичности. Въ дѣятельности памяти имѣется передъ нами своеобразный видъ этой пластичности, именно предполагается, что здѣсь соотвѣтствуетъ извѣстному мозговому измѣненію самый процессъ воспріятія, съ другой стороны, извѣстное мозговое измѣненіе соотвѣтствуетъ самому психическому процессу. Въ то же время мы предполагаемъ, что эти измѣненія не ограничиваются только этими процессами, а оставляютъ извѣстный слѣдъ, или въ результатѣ этихъ измѣненій получаются дальнѣйшіе процессы, которые мы не можемъ точно связать съ какой-нибудь физической основой. Можно связывать ихъ съ какими нибудь молекулярными измѣненіями или другими аналогичными процессами чисто біологическими или физическими, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время эта область является еще настолько неразработанной, что изучать дѣятельность памяти, отправляясь отъ біологической основы, является не только труднымъ, но даже совершенно невозможнымъ; поэтому здѣсь мы должны ограничиваться тѣми данными, которыя получены на почвѣ чисто психологическаго анализа, предполагая въ то же время, что всегда для этого психическаго процесса имѣется опредѣленный анатомо-физіологическій субстатъ въ

видѣ нашего мозга. Затѣмъ, останавливаясь на основныхъ проявленіяхъ дѣятельности памяти, мы должны, прежде всего, подчеркнуть тѣсную связь этой дѣятельности съ процессомъ разнообразныхъ воспріятій. Именно мы имѣемъ передъ собою дѣятельность памяти не какъ дѣятельность совершенно общаго, неразложимаго, какъ бы компактнаго характера, но дѣятельность, которая передъ нами обнаруживается въ связи съ работой опредѣленныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому, когда идетъ рѣчь о воспроизведеніи представленій, мы всегда можемъ констатировать тѣсную связь этихъ представленій съ воспріятіями или зрительными, или слуховыми, или осязательно-моторными. Мало того, можно говорить о тѣсной связи этихъ представленій съ воспріятіями обонятельными и вкусовыми, хотя это воспроизведеніе здѣсь не въ такой ясной и отчетливой формѣ, какъ въ ранѣе названныхъ представленіяхъ. Поэтому конкретно мы имѣемъ дѣло съ опредѣленными типами памяти, причемъ наиболѣе извѣстными изъ этихъ типовъ являются типы зрительный, слуховой и осязательно-моторный. Раздѣльно называя эти типы, мы не хотимъ сказать, что были бы люди, которые обнаруживали бы только опредѣленный типъ памяти. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти виды памяти есть у каждаго нормальнаго человѣка, который обладаетъ опредѣленными органами воспріятія. Но различія между людьми въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, заключается въ томъ, что у извѣстныхъ людей является наиболѣе ясно выраженнымъ опредѣленный типъ памяти; послѣдній является преобладающимъ, и въ этомъ смыслѣ можно говорить о зрительномъ или слуховомъ или осязательно-моторномъ типѣ памяти опредѣлен-

наго человѣка, только отмѣчая этимъ опредѣленное преимущество извѣстнаго типа, но не утверждая, что этотъ типъ памяти является единственнымъ. Послѣдняго мы, конечно, не наблюдаемъ, за исключеніемъ случаевъ патологическихъ или уродливостей, такихъ явленій, какъ, напр., извѣстныя Лаура Бриджмэнъ или Елена Келлеръ, слѣпыя и глухонѣмыя почти отъ рожденія, у которыхъ мы предполагаемъ память только осязательно-моторную, а также вкусовую и обонятельную. Но у человѣка, обладающаго всѣми органами чувствъ, мы естественно должны предполагать существованіе всѣхъ видовъ памяти, но, какъ уже говорилъ, мы можемъ наблюдать или относительно равномѣрное обнаруженіе этихъ видовъ памяти, или иногда неравномѣрное выраженіе опредѣленнаго вида или типа памяти и въ этомъ отношеніи между людьми есть значительныя различія. Иногда можно наблюдать исключительное преобладаніе опредѣленнаго вида или типа памяти. Такова, напр., исключительная зрительная память у художниковъ-живописцевъ, у которыхъ особенно сильна память на цвѣта, на оттѣнки этихъ цвѣтовъ, на формы, очертанія предметовъ и т.п. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ передаютъ, что они могли даже рисовать портреты по памяти :- такъ была прочна зрительная память, въ связи съ возможностью сохраненія зрительныхъ воспріятій и отчетливостью ихъ воспроизведенія, что здѣсь не требовалось постояннаго присутствія оригинала передъ глазами, чтобы воспроизвести этотъ оригиналъ въ видѣ портрета. Затѣмъ мы можемъ наблюдать этотъ типъ памяти и не въ такой яркой формѣ, но тѣмъ не менѣе въ ясно выраженной, преобладающей у извѣстнаго человѣка даже среднихъ способностей,

при отсутствіи всякаго таланта, когда здѣсь можно предполагать эту способность запоминать по преимуществу на почвѣ зрительныхъ впечатлѣній, когда въ процессѣ воспроизведенія преобладаютъ зрительные образы. Здѣсь можно указать также на болѣе яркое проявленіе этого типа памяти у шахматныхъ игроковъ, которые могутъ играть съ закрытыми глазами и ясно представлять всѣ особенности ходовъ въ игрѣ, сохраняя эту картину въ каждый изъ данныхъ моментовъ и представляя себѣ всѣ тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ процессѣ игры. Равнымъ образомъ, можно отмѣтить обнаруженіе этого типа памяти въ явленіяхъ заучиванія, усвоенія того или другого матеріала, когда предполагается и воспріятіе этого матеріала, его удержаніе и воспроизведеніе на почвѣ зрительной, когда ясно представляютъ себѣ всѣ особенности этого запоминаемаго матеріала по книгѣ, напр., страницы, шрифтъ и т.д. Въ этомъ отношеніи могутъ быть большія различія между людьми и, въ особенности, между дѣтьми. Это приложимо къ усвоенію и другого матеріала, напр., въ области математики, въ особенности геометріи. Этотъ матеріалъ усваивается также преимущественно на почвѣ зрительныхъ впечатлѣній, когда здѣсь представляется ясная картина всѣхъ особенностей начертанія фигуры, значенія буквъ и т.д. Что же касается теперь второго типа памяти - слухового, то здѣсь предполагается преобладаніе слуховыхъ образовъ и способность удержанія и воспроизведенія этихъ образовъ въ исключительной формѣ. Въ общемъ же или среднемъ эта память существуетъ у каждаго нормальнаго человѣка, но можно наблюдать преобладаніе этого типа у отдѣльныхъ лицъ, въ

особенности у тѣхъ лицъ, которыя отъ природы являются преимущественно одаренными въ музыкальномъ отношеніи. Здѣсь имѣется въ виду не только богатство воспринимаемыхъ звуковъ, разнообразіе ихъ комбинацій, но и возможность сохраненія въ памяти этихъ комбинацій въ ясной и отчетливой формѣ. Такъ здѣсь обычно указываютъ на такой фактъ, какъ Моцартъ, будучи 14-лѣтнимъ мальчикомъ прослушавъ однажды очень сложную музыкальную пьесу, могъ переложить ее на ноты; или говорятъ, что Бетховенъ при сочиненіи своихъ пьесъ ясно представлялъ всѣ особенности встрѣчающихся въ этой пьесѣ музыкальныхъ инструментовъ и человѣческаго голоса. Все это, слѣдовательно, указываетъ на исключительное развитіе этого типа памяти, въ связи съ извѣстными прирожденными особенностями, можетъ быть, въ связи съ опредѣленнымъ строеніемъ мозга, именно тѣхъ центровъ, гдѣ оканчиваются соотвѣтствующіе проводящіе пути. Затѣмъ, если мы будемъ здѣсь имѣть въ виду обычное преобладаніе этого типа, то мы можемъ наблюдать здѣсь опять такое явленіе, когда этимъ слуховымъ воспріятіямъ у извѣстнаго индивидуума придается исключительное значеніе, когда эти воспріятія считаются наиболѣе прочными, и съ этой точки зрѣнія, напр., процессъ заучиванія считается наиболѣе цѣлесообразнымъ при такомъ условіи, когда сообщаемый матеріалъ воспринимается слуховымъ образомъ, когда онъ произносится или читается другими, а не самимъ запоминающимъ лицомъ. Иногда мы видимъ преобладаніе этого типа памяти, въ очень своеобразной формѣ, почти доходящей до степени галлюцинацій, какъ, напр., разсказываютъ о себѣ нѣкоторые авторы, которые ясно

слышатъ то, что говорятъ герои ихъ романовъ, воспринимаютъ всѣ оттѣнки ихъ голоса. Слѣдовательно, здѣсь предполагается особенная живость ихъ воспроизведенія, которая въ данномъ случаѣ является не воспроизведеніемъ, а своеобразнымъ творчествомъ. Такимъ образомъ, здѣсь видимъ преобладаніе особенностей сохраненія и воспроизведенія образовъ на почвѣ извѣстныхъ индивидуальныхъ задатковъ. Что же касается, теперь, третьяго типа памяти, осязательно-мускульной или моторной, то здѣсь предполагается преобладаніе такихъ образовъ, которые восприняты на почвѣ осязательно-мускульныхъ ощущеній, когда здѣсь сохраняются наиболѣе прочно и воспроизводятся наиболѣе отчетливо такіе образы, или образы такихъ предметовъ, въ процессѣ воспріятія которыхъ участвовало, главнымъ образомъ, чувство осязанія или мускульное чувство, когда здѣсь, слѣдовательно, болѣе отчетливо воспроизводится то, что обводили руками или пальцами, то, что воспринято въ связи съ извѣстными движеніями. Преобладаніе такого рода памяти можно видѣть у отдѣльныхъ лицъ, какъ у культурныхъ, такъ и у некультурныхъ людей. Въ этомъ отношеніи цѣнно свидѣтельство о нѣкоторыхъ дикаряхъ, которые, разсматривая рисунки, стараются непремѣнно обвести ихъ всѣ руками, для того чтобы получить болѣе прочное воспріятіе, болѣе долго сохранить и болѣе ясно воспроизвести извѣстный образъ. Сюда же относится такое явленіе, что нѣкоторымъ ораторамъ, готовящимся къ публичному выступленію, необходимо заранѣе вслухъ прочитать свою рѣчь, не просмотрѣть по рукописи или прослушать отъ другихъ, но именно самимъ прочитать, когда здѣсь предполагается затрагиваніе му-

скуловъ нашей рѣчи, и это привлеченіе мускульной системы дѣлаетъ болѣе прочнымъ сохраненіе самаго матеріала и болѣе отчетливымъ и легкимъ его воспроизведеніе. Если мы предполагаемъ обнаруженіе этой памяти или этого вида памяти въ исключительной формѣ у дѣтей школьнаго возраста, то тамъ мы наблюдаемъ наибольшую успѣшность заучиванія при помощи произнесенія вслухъ усваиваемаго матеріала самимъ заучивающимъ. Такимъ образомъ, здѣсь, дѣйствительно, привлекается къ дѣятельности мускульная система. Всѣ эти факты указываютъ на то, что мы можемъ наблюдать иногда исключительныя проявленія дѣятельности памяти, въ связи съ особенностью опредѣленной индивидуальности, и въ то же время все это свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ эти типы памяти, въ своей средней формѣ, являются доступными для каждаго человѣка. Въ этихъ, указанныхъ мною типахъ отмѣчаются только основные, существенные виды памяти. Но мы можемъ указать цѣлый рядъ такихъ подраздѣленій или дополнительныхъ категорій, которые существуютъ въ отношеніи наиболѣе опредѣленныхъ видовъ въ области зрительныхъ, слуховыхъ или осязательно-мускульныхъ ощущеній. Такъ, можно говорить о зрительной памяти, о силѣ этой памяти въ отношеніи воспріятій цвѣтовъ, формъ или очертаній предметовъ, и можно говорить о памяти такъ наз топографической, гдѣ предполагается схватываніе общаго соотношенія предметовъ, иногда на большомъ пространствѣ, когда здѣсь имѣется въ виду болѣе легкое оріентированіе или наоборотъ просто отсутствіе памяти на мѣста въ смыслѣ ясности. Далѣе, можно упомянуть, какъ объ особомъ видѣ памяти,

- какъ въ области зрительныхъ, такъ и въ области слуховыхъ впечатлѣній :- о памяти на числа :- запоминаніе именно такихъ чиселъ, которыя являются мало доступными для запоминанія обычнаго человѣка, человѣка средней памяти. Я разумѣю здѣсь исключительную память на числа у знаменитыхъ счетчиковъ, которые были предметомъ спеціальнаго психологическаго изслѣдованія. Здѣсь можно назвать извѣстнаго Діаманди, который 12 лѣтъ тому назадъ демонстрировалъ себя и свою память въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества, обнаруживая исключительную память на цифры и числа на почвѣ именно зрительнаго запоминанія. Именно Діаманди въ умѣ производилъ, въ очень короткій срокъ, опредѣляемый небольшимъ количествомъ минутъ или даже секундъ, иногда очень сложныя дѣйствія, напр., умноженіе въ умѣ пятизначныхъ чиселъ на пятизначныя, причемъ очень быстро и въ то же время правильно называлъ произведенія, которыя получались здѣсь. Изъ дальнѣйшаго опроса выяснилось, что онъ ясно представлялъ себѣ всю картину дѣйствій, ясно представлялъ все огромное количество цифръ, которыя имѣли мѣсто въ этомъ процессѣ умноженія. Затѣмъ изъ этого опыта обнаружилось, что онъ руководствовался именно зрительною памятью, и вторженіе въ это время другихъ впечатлѣній, напр., впечатлѣній слуховыхъ, если тутъ же произносились запоминаемыя цифры,- только затрудняло его работу. Очевидно, здѣсь была налицо исключительная дѣятельность памяти въ опредѣленномъ направленіи, именно, въ направленіи зрительныхъ образовъ, спеціализированныхъ въ извѣстномъ отношеніи, въ отношеніи цифръ или чиселъ. Что же касается другого извѣстна-

го счетчика Иноди, котораго изслѣдовалъ французскій психо-
логъ Бинэ, то тамъ мы видимъ такую же исключительную память
на цифры и числа, но только уже въ другомъ направленіи - имен-
но на почвѣ слуховыхъ впечатлѣній. Иноди также дѣлалъ очень
сложныя вычисленія въ очень короткій срокъ времени, но только
путемъ слуховыхъ операцій, именно, когда всѣ эти цифры и чис-
ла произносились, указывались и назывались другими, когда онъ
ихъ воспринималъ, а иногда самъ повторялъ. Такимъ образомъ,
здѣсь имѣла мѣсто и мускульная память, но процессъ изображе-
нія этихъ цифръ и чиселъ на доскѣ только затруднялъ дѣятель-
ность его памяти, производилъ извѣстное замѣшательство. Все
это оттѣняло силу исключительной слуховой памяти и опять так-
же въ опредѣленномъ направленіи, въ отношеніи разнаго рода
комбинацій чиселъ или цифръ. Эти исключительные виды памяти
указываютъ на то, что эта дѣятельность въ такой формѣ являет-
ся дѣятельностью въ значительной степени механической, хотя
она и подчиняется извѣстному интеллектуальному контролю, одна-
ко самое существо дѣла въ данномъ случаѣ лежитъ въ извѣстной
своеобразной прирожденной особенности, которая самою своею
природой опредѣляетъ своеобразіе этихъ процессовъ, безъ осо-
беннаго вмѣшательства интеллекта. Затѣмъ я долженъ упомянуть
о томъ, что въ настоящее время мы имѣемъ попытки къ опредѣле-
нію этихъ различныхъ типовъ памяти, поскольку такія попытки
могутъ имѣть и извѣстное практическое значеніе, когда, въ свя-
зи съ особенностями этой дѣятельности, могутъ быть указаны
своеобразные способы воздѣйствія на память, въ цѣляхъ болѣе

успѣшнаго усвоенія того или другого матеріала. Но я долженъ сказать, что всѣ попытки, имѣвшія мѣсто до сего времени, не могутъ считаться такими, которыя указали бы безспорный методъ опредѣленія тѣхъ особенностей, если исключить крайнія проявленія похожія на тѣ, которыя я уже указалъ, когда эта исключительная память обнаруживается сама собою, безъ экспериментальныхъ изслѣдованій. Мы имѣемъ передъ собою въ настоящее время эти попытки опредѣлить особенности дѣятельности памяти путемъ анализа заучиванія, когда здѣсь подвергается изслѣдованію опредѣленный индивидуумъ, въ особенности, дѣтскій индивидуумъ, съ точки зрѣнія особенностей заучиванія, усваиванія того или другого матеріала. Такъ здѣсь усваиваемый матеріалъ можетъ предлагаться исключительно для зрительнаго запоминанія, когда прямо дается книга и предлагается запоминать не вслухъ, даже не про себя, а только зрительно тотъ матеріалъ, который въ данный моментъ считается наиболѣе цѣлесообразнымъ. Далѣе имѣется въ виду и такое испытаніе, которое предполагаетъ воздѣйствіе на слуховую память, когда запоминаемый матеріалъ произносится другимъ лицомъ, а испытываемый долженъ воспринять и запомнить только слуховымъ образомъ. Наконецъ, возможно испытаніе преимущественно моторной памяти, когда здѣсь предполагается усвоеніе путемъ собственнаго произнесенія вслухъ того или другого матеріала, гдѣ главное значеніе принадлежитъ именно этому процессу своеобразнаго мускульнаго воспроизведенія этого матеріала при помощи органовъ рѣчи. Тѣ выводы, которые дѣлаются изъ такого рода изслѣдованій, конечно, могутъ имѣть только приблизительное значе-

ніе, такъ какъ мы можемъ констатировать въ среднемъ одновременное существованіе различныхъ видовъ памяти и преобладаніе извѣстнаго типа, иногда выраженнаго ярко, иногда очень слабо. Иногда мы имѣемъ передъ собою такое совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ видовъ памяти, когда одинъ изъ этихъ видовъ помогаетъ другому и облегчаетъ дѣятельность человѣка, но наблюдаются и такія явленія, когда привлеченіе другихъ видовъ памяти можетъ нарушать дѣятельность наиболѣе ярко выраженнаго типа. Затѣмъ мы здѣсь имѣемъ передъ собою попытки такихъ изслѣдованій при помощи опредѣленныхъ схемъ, напр. цифръ, расположенныхъ въ видѣ квадрата, или буквъ, которыя не составляютъ никакихъ словъ, но воспринимаются, какъ отдѣльныя буквы, при чемъ эти буквы или произносятся или показываются, и, съ этой точки зрѣнія, дѣлается попытка указать особенности того или другого вида памяти въ процессѣ запоминанія. Но здѣсь гораздо важнѣе были бы изслѣдованія, которыя ставили бы своею цѣлью опредѣленіе общаго объема дѣятельности памяти и которыя помогли бы выработать средній типъ въ этомъ отношеніи; но для этого существуютъ трудности, едва ли преодолимыя, потому что всегда запоминаемый матеріалъ извѣстнымъ образомъ уже индивидуализируется и конкретизируется, т.е. здѣсь предполагается запоминаніе словъ или цифръ буквъ и т.п., и поэтому здѣсь едва ли можно указать такой способъ изученія, который сразу захватывалъ бы всѣ особенности запоминанія. Поэтому въ современной практикѣ изслѣдованія мы встрѣчаемъ скорѣе попытки опредѣлить предѣлы запоминанія въ отношеніи цифръ, когда здѣсь обнаруживается возможность запомнить

опредѣленное количество цыфръ или когда здѣсь предполагается запоминаніе словъ, слоговъ, въ частности - безсмысленныхъ слоговъ или словъ, которые не имѣютъ связи между собою. Слѣдовательно, здѣсь опять изслѣдуется память въ опредѣленномъ отношеніи - на цыфры, слоги или слова, но не память въ широкомъ, общемъ смыслѣ слова. Затѣмъ, всѣ эти изслѣдованія, изъ которыхъ едва ли могутъ быть выводимы какія-нибудь совершенно новыя безспорныя заключенія, цѣнныя съ точки зрѣнія практической педагогики, - всѣ эти изслѣдованія указываютъ на то, что обычно въ процессѣ воспитанія имѣетъ мѣсто дѣятельность разнообразныхъ органовъ чувствъ, и эта совмѣстная дѣятельность является однимъ изъ условій болѣе прочнаго запоминанія и болѣе яснаго и отчетливаго воспроизведенія. Здѣсь имѣется въ виду общеизвѣстный фактъ, когда запоминаемый матеріалъ, напр., какое-нибудь иностранное слово, прочно запоминается, ясно и отчетливо воспроизводится, если оно не только разсматривается, но и произносится и записывается, когда слѣдовательно, устанавливается цѣлый рядъ ассоціацій. Можно говорить о пользѣ совмѣстнаго запоминанія только при извѣстныхъ условіяхъ, если этотъ процессъ, во первыхъ, сопровождается анализомъ, когда на почвѣ этого анализа устанавливается сходство между начертаніемъ и произнесеніемъ слова, его написанія при помощи какого-нибудь матеріала - карандаша, чернилъ, грифеля. Съ другой стороны, здѣсь предполагается средній типъ памяти, когда не имѣетъ мѣста ясно выраженное преобладаніе извѣстнаго вида памяти. Если же этого нѣтъ, если передъ нами исключительный видъ памяти, то эта совмѣстная

дѣятельность можетъ содѣйствовать ослабленію прочности запоминаній на почвѣ совмѣстныхъ впечатлѣній; поэтому для такого человѣка естественнѣе полагаться на опредѣленный органъ, напр., органъ зрѣнія, если только послѣдній является болѣе надежнымъ. Но въ виду того, что мы обыкновенно встрѣчаемъ смѣшанный типъ памяти, то чрезвычайно важно отмѣтать это взаимодѣйствіе различныхъ органовъ, при помощи которыхъ происходитъ самый процессъ запоминанія. Затѣмъ, эти же изслѣдованія показали большое значеніе и логическаго элемента въ процессѣ запоминанія, когда здѣсь предполагается прочное запоминаніе въ связи съ предварительнымъ анализомъ, который является цѣннымъ средствомъ для запоминанія опредѣленнаго матеріала. Этимъ матеріаломъ можетъ быть извѣстное логически связное повѣствованіе наряду съ тѣми безсмысленными слогами, къ которымъ часто прибѣгаютъ современные изслѣдователи, стараясь въ этомъ случаѣ опредѣлить силу памяти независимо отъ участія въ этомъ процессѣ логическаго элемента.

Въ настоящее время мы имѣемъ также цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя подтверждаютъ это огромное значеніе раціонализированія или логизированія усваиваемаго матеріала. Здѣсь можно назвать изслѣдованія, которыя производились еще около 20 лѣтъ тому назадъ группой французскихъ психологовъ, во главѣ съ Бинэ, когда здѣсь запоминаніе матеріала предлагалось или въ видѣ отдѣльныхъ словъ, не связанныхъ по смыслу, или въ видѣ осмысленныхъ фразъ. Анализъ процесса запоминанія этого разнообразнаго матеріала привелъ къ тому заключенію, что связныя фразы, матеріалъ кото-

рыхъ заключаетъ въ себѣ извѣстный смыслъ, запоминаются съ гораздо большимъ успѣхомъ и болѣе ясно и отчетливо воспроизводятся, чѣмъ слова, не имѣющія смысла или связи между собою. Равнымъ образомъ, въ послѣднее время такого рода положеніе подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ опытовъ, гдѣ запоминаемый матеріалъ уже съ самаго начала представляется безсмысленнымъ, когда здѣсь такимъ матеріаломъ являются слоги или искуственно составленныя слова - такія, съ которыми нельзя соединить опредѣленнаго смысла. Эти опыты со слогами, сочетаніями слоговъ и безсмысленныхъ словъ очень часто встрѣчаются въ современной психологіи, и общій выводъ здѣсь таковъ, что запоминаніе безсмысленныхъ словъ или слоговъ требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ усвоеніе осмысленнаго логизированнаго матеріала. Затѣмъ можно указать на дѣйствіе и другихъ факторовъ, которые являются цѣннымъ въ этомъ процессѣ запоминанія разнообразнаго матеріала. Къ этимъ факторамъ нужно отнести, прежде всего, дѣятельность вниманія, когда здѣсь предполагается особенное сосредоточеніе вниманія въ процессѣ запоминанія. Въ опытахъ, которые производятся въ современной экспериментальной психологіи, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ пріемовъ, стремящихся уяснить эту роль вниманія. Для этого въ процессъ запоминанія часто вводятся разнообразные развлекающіе факторы, когда испытуемому, который долженъ запомнить извѣстный матеріалъ зрительнымъ путемъ, предлагаются различныя развлекающія дѣйствія, напр., онъ запоминая этотъ матеріалъ, долженъ приводить въ движеніе или руку, или опредѣленные пальцы руки, или онъ долженъ произво-

дить счетъ вслухъ и т.д. Такого рода изслѣдованія показали, что самый процессъ запоминанія находится въ очень тѣсной связи съ этой дѣятельностью вниманія, и отвлеченіе этой дѣятельности отзывается неблагопріятнымъ образомъ на самомъ процессѣ запоминанія - какъ на прочности усвоенія матеріала, такъ въ послѣдствіи и на отчетливости его воспроизведенія. Далѣе здѣсь можетъ принадлежать большое значеніе и многимъ другимъ факторамъ, именно, нашему чувству, нашимъ интересамъ, поскольку здѣсь предполагается уже какъ бы предварительная настроенность, которая несомнѣнно обусловливаетъ болѣе успѣшную дѣятельность памяти. Объ этомъ скажу нѣсколько подробнѣе ниже. Теперь же отмѣчу еще одинъ факторъ: значеніе повторенія, освѣженіе запоминаемаго матеріала. Для уясненія природы этого фактора мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ опытовъ въ современной экспериментальной психологіи. Эти опыты подтверждаютъ значеніе повторенія и притомъ повторенія въ опредѣленныя стадіи послѣ перваго усвоенія матеріала. Изъ этихъ опытовъ выяснилось, что самое главное значеніе принадлежитъ начальной стадіи, т.е. самому сообщенію извѣстнаго матеріала, а затѣмъ, конечно, уже отводится извѣстная роль повторенію, и въ связи съ этимъ является въ высшей степени важнымъ выяснить и процессъ забыванія усваиваемаго матеріала, чтобы соотвѣтственно выясненію особенностей этого процесса регулировать и самое повтореніе. Въ этомъ отношеніи являются очень цѣнными опыты Эббингауза и нѣкоторыхъ изъ его учениковъ, изучавшихъ процессъ забыванія. Въ этихъ опытахъ предлагался извѣстный матеріалъ, который нужно было усваивать въ опредѣлен-

ное количество времени, и затѣмъ оцѣнивалось значеніе повторенія, производившагося черезъ опредѣленные промежутки времени. Изъ всѣхъ этихъ опытовъ выяснилось, что забвеніе или забываніе идетъ, повидимому, очень быстро вскорѣ послѣ перваго усвоенія, затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, этотъ процессъ забыванія, повидимому, идетъ медленнѣе. Это не значитъ, конечно, что черезъ этотъ промежутокъ будетъ яснѣе то, что было раньше усвоено, но это значитъ, что забвеніе матеріала, который остался незабытымъ вскорѣ послѣ воспріятія, идетъ впослѣдствіи медленнѣе, чѣмъ въ ближайшее время. Все это указываетъ на то, что здѣсь и самое повтореніе должно быть сообразовано съ этимъ процессомъ забыванія, съ этими законами забыванія, хотя послѣдніе твердо еще не установлены. Во всякомъ случаѣ предполагается важность повторенія вскорѣ послѣ усвоенія извѣстнаго матеріала, а затѣмъ уже черезъ извѣстные промежутки времени, можетъ быть, черезъ очень долгое время, потому что въ эти промежуточныя ступени процессъ забвенія идетъ не такъ быстро, какъ вначалѣ. Затѣмъ здѣсь, въ связи съ этимъ процессомъ забыванія, важно изученіе особенностей самого воспроизведенія, когда, съ одной стороны, предполагается ясное и отчетливое воспроизведеніе извѣстнаго матеріала, если этотъ матеріалъ воспроизводится въ той формѣ, въ которой онъ данъ въ воспріятіи, и когда, съ другой стороны, здѣсь идетъ рѣчь не о настоящемъ воспроизведеніи, а только объ узнаваніи того матеріала, который былъ воспринятъ. Дѣло въ томъ, что съ точки зрѣнія психологической, между настоящимъ воспроизведеніемъ и между узнаваніемъ есть большое разли-

чіе. Тѣ же экспериментальныя изслѣдованія показали, что человѣкъ безспорно можетъ узнать изъ прошлаго гораздо больше, чѣмъ самъ можетъ воспроизвести. Для уясненія этого обстоятельства дѣлались такіе опыты, что давались для запоминанія слова въ довольно большомъ количествѣ, и затѣмъ испытуемымъ предлагалось воспроизвести эти слова. Само собою понятно, что воспроизведеніе это было очень несовершенно, и многія слова, непоставленныя въ какую-либо логическую связь между собою, ускользали изъ памяти и ихъ трудно было воспроизвести, или же они ошибочно замѣнялись другими словами. Если же теперь всѣ эти ранѣе воспринятыя слова назывались или показывались другими, то здѣсь узнаваніе было гораздо значительнѣе, т.е. многія изъ этихъ словъ признавались знакомыми, хотя воспроизвести ихъ въ памяти безъ названія или показыванія было въ высшей степени трудно. Такъ изъ опытовъ Бинэ выяснилось, что изъ сотни словъ могли быть узнаны, черезъ извѣстный промежутокъ времени, 60, а воспроизведены правильно только 6. Этотъ анализъ процесса воспроизведенія и процесса узнаванія указываетъ на то, что намъ вообще отожествлять память, какъ дѣятельность сохраненія представленій, съ памятью, какъ дѣятельностью воспроизведенія, очень трудно, и на самомъ дѣлѣ, между этими формами дѣятельности памяти есть большое несоотвѣтствіе. Этимъ объясняются различныя явленія въ жизни человѣка, когда дѣйствительно человѣку кажется, что онъ вѣрно воспроизводитъ прошедшее и когда при этомъ онъ совершаетъ много невольныхъ ошибокъ. Это явленіе въ послѣднее время было предметомъ спеціальнаго изученія

въ практическихъ цѣляхъ, въ цѣляхъ уясненія природы свидѣтельскихъ показаній. Именно, если исходить изъ общихъ соображеній относительно природы этихъ показаній, то, повидимому, можно предположить, что здѣсь идетъ рѣчь о полномъ сохраненіи извѣстнаго впечатлѣнія и о возможности его вѣрнаго воспроизведенія, когда предполагается полное довѣріе каждому свидѣтелю, который передаетъ о своемъ личномъ впечатлѣніи въ связи съ извѣстнымъ фактомъ. Однако же болѣе тщательныя изслѣдованія этого явленія показали, что здѣсь настоящее полное воспроизведеніе никогда не можетъ имѣть мѣста, что здѣсь, дѣйствительно, есть всегда невольное примышленіе, часто совершенно противъ желанія самого свидѣтеля. Этимъ и объясняется разногласіе свидѣтельствъ по поводу одного и того же факта, когда здѣсь субъективно или индивидуально можно находить полное соотвѣтствіе дѣйствительности, хотя бы эти показанія были настолько различны, что эти различія оказывались бы чуть ли не противорѣчивыми. Очевидно здѣсь, въ связи съ особенностями личныхъ переживаній, съ особенностями настроенія, при которомъ происходило воспріятіе этого факта, въ связи съ своеобразіемъ апперцепціи, какое наблюдалось у каждаго зрителя или свидѣтеля, получалось и различіе въ процессѣ воспріятія, которое своеобразно отразилось и въ воспоминаніяхъ. Для уясненія этого факта въ изслѣдованіяхъ такого рода производились спеціальные эксперименты, когда испытуемыхъ лицъ ставили свидѣтелями извѣстнаго событія, напр., искусственно вызванной ссоры, иногда очень сложной, когда здѣсь предполагалась цѣлая картина, къ которой эти лица

заранѣе не были подготовлены. Послѣ этого производился опросъ всѣхъ присутствующихъ относительно происшедшаго, причемъ получались очень существенныя различія въ показаніяхъ этихъ очевидцевъ. Все это указываетъ на то, что съ этой точки зрѣнія должна быть серьезныя различія по существу между процессомъ воспроизведенія въ собственномъ смыслѣ, какъ сознательнаго возстановленія прошедшаго, и между процессомъ воспроизведенія, только какъ простымъ узнаваніемъ. Я не имѣю возможности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этого явленія, и теперь, прежде, чѣмъ переходить къ педагогическимъ выводамъ относительно того, въ чемъ можетъ выражаться воздѣйствіе воспитателя въ процессѣ развитія памяти, долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, къ какимъ результатамъ приходитъ современная экспериментальная психологія, анализируя разнообразные процессы заучиванія и усвоенія различнаго матеріала. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время мы видимъ стремленіе въ экспериментальной психологіи утилизировать данныя изученія памяти для практическихъ цѣлей, именно для экономизаціи и облегченія процесса заучиванія. Очень многія изслѣдованія о памяти именно посвящены этой цѣли, и мы видимъ попытку суммировать результаты этихъ изслѣдованій въ извѣстныхъ трудахъ Меймана, именно въ его лекціяхъ по экспериментальной психологіи и въ его спеціальномъ сочиненіи „Экономія и техника заучиванія". Анализируя полученные доселѣ результаты, мы должны сказать, что здѣсь нѣтъ передъ нами какого-нибудь открытія, нѣтъ ничего, что совершенно бы измѣняло обычныя представленія въ этой области. Съ другой стороны, мы видимъ здѣсь попытки

уяснить роль самихъ разнообразныхъ факторовъ, которые имѣютъ мѣсто въ процессѣ заучиванія, въ процессѣ усвоенія извѣстнаго матеріала и его воспроизведенія. Мейманъ въ своихъ разнообразныхъ трудахъ опирается какъ на свои собственныя изысканія, такъ и на изысканія наиболѣе крупныхъ представителей современной экспериментальной психологіи, которые стараются установить какъ внѣшнія, такъ и внутреннія условія этого процесса заучиванія; и только уже въ концѣ такого критическаго разсмотрѣнія здѣсь намѣчаются выводы чисто педагогическаго характера. Что касается внѣшнихъ условій заучиванія и усвоенія извѣстнаго матеріала, то здѣсь разумѣется, прежде всего, чисто внѣшній характеръ этого матеріала - его объемъ или количество, его осмысленный или безсмысленный характеръ, т.е. будутъ ли это просто слоги, искусственно составленныя слова, или матеріалъ, который подлежитъ извѣстной логической обработкѣ. Затѣмъ далѣе, къ этимъ внѣшнимъ условіямъ Мейманъ относитъ и такія явленія, какъ темпъ заучиванія, быстрота или медленность заучиванія, сюда же онъ причисляетъ явленіе ритма, которое, какъ извѣстно, имѣетъ значеніе при заучиваніи. Далѣе онъ упоминаетъ здѣсь, въ какой формѣ происходитъ это заучиваніе, т.е. будетъ ли это громкое произнесеніе, или произнесеніе про себя, или чтеніе вполголоса. Наконецъ, здѣсь онъ анализируетъ значеніе повторенія, поскольку этотъ процессъ можетъ содѣйствовать наиболѣе желательному и совершенному способу усвоенія того или другого матеріала. Что касается внутреннихъ условій заучиванія, то здѣсь Мейманъ имѣетъ передъ собою дѣятельность вни-

манія, о которомъ мы уже говорили, затѣмъ роль интереса, т.е. присутствіе чувства, и общее эмоціональное состояніе - состоя-
ніе возбужденія или относительное душевное равновѣсіе. Затѣмъ, онъ отмѣчаетъ роль активнаго элемента, напряженія общей дѣятельности и, въ частности, интеллектуальной. Къ внѣшнимъ же условіямъ Мейманъ относитъ самый способъ распредѣленія заучиваемаго матеріала, т.е. усвоеніе этого матеріала, какъ чего то цѣлаго, чтеніе его сразу во всемъ объемѣ, или же распредѣленіе его по частямъ, усвоеніе путемъ фрагментарнаго метода, отрывками. Въ связи съ оцѣнкой внѣшнихъ условій, Мейманъ согласно съ ранѣе сдѣланными выводами, отмѣчаетъ огромное значеніе осмысливанія заучиваемаго матеріала, поскольку это осмысливаніе облегчаетъ самый процессъ заучиванія. Здѣсь онъ отмѣчаетъ и чисто фонетическую легкость, которая присуща тому или другому матеріалу, поскольку эта фонетическая легкость является облегчающимъ факторомъ: Что же касается темпа заучиванія, то здѣсь, по мнѣнію Меймана, трудно указать точныя правила, потому что предполагается извѣстное приспособленіе, когда возможно и относительно быстрое заучиваніе, или когда здѣсь предполагается наоборотъ, извѣстная медленность, которая тѣсно связана съ большею углубленностью въ самое содержаніе запоминаемаго матеріала. Оттѣняетъ также здѣсь Мейманъ и положительное значеніе ритма въ процессѣ заучиванія, какъ это извѣстно всѣмъ, поскольку это явленіе ритма, несомнѣнно, экономизируетъ общую физическую и психическую энергію и даетъ возможность съ гораздо меньшей затратой этой энергіи усвоить извѣстный матеріалъ. Что касается значе-

ніи другихъ внѣшнихъ факторовъ, напр., чтеніи этого матеріала вслухъ или вполголоса и т.д., то здѣсь Мейманъ опять выдвигаетъ точку зрѣнія приспособленія, поскольку здѣсь наиболѣе цѣлесообразнымъ является усвоеніе матеріала въ той формѣ, которая является привычной и наиболѣе легкой. Во всякомъ случаѣ, болѣе соотвѣтствующимъ среднему типу является, повидимому, заучиваніе въ полголоса, поскольку заучиваніе при громкомъ произнесеніи предполагаетъ затрату очень большой энергіи и является цѣннымъ только для опредѣленныхъ типовъ памяти. О томъ, что Мейманъ придаетъ огромное значеніе повторенію и въ этомъ смыслѣ старается установить соотвѣтствіе этого повторенія съ законами забыванія,- объ этомъ здѣсь едва ли нужно много говорить. Что касается этихъ основныхъ типовъ заучиванія :- фрагментарнаго, по частямъ, или всего содержанія :- въ цѣломъ, то здѣсь Мейманъ склоняется къ среднему взгляду, поскольку предполагается необходимость предварительнаго ознакомленія со всѣмъ матеріаломъ, какъ цѣлымъ, такъ какъ такое предварительное ознакомленіе, несомнѣнно, поможетъ объединенію этого матеріала, подведенію его, можетъ быть, подъ извѣстную логическую схему, когда предполагается возможность освѣщенія этого матеріала одной идеей, извѣстной концепціей; но въ то же время Мейманъ настаиваетъ на важности дальнѣйшаго подраздѣленія матеріала на извѣстные отдѣлы, когда здѣсь нѣтъ нужды читать этотъ матеріалъ каждый разъ весь съ начала до конца, а когда наиболѣе продуктивнымъ способомъ будетъ являться такой, когда послѣ перваго ознакомленія съ матеріаломъ въ цѣломъ будетъ

уже усвоеніе опредѣленныхъ частей этого матеріала, раздѣленныхъ на основаніи извѣстныхъ логическихъ отношеній. Что касается внутреннихъ условій, содѣйствующихъ этой наилучшей техникѣ и экономіи заучиванія, то здѣсь Мейманъ имѣетъ въ виду извѣстныя уже ранѣе нами указанныя условія. Именно онъ отмѣчаетъ огромное значеніе дѣятельности вниманія; указываетъ далѣе на то, что здѣсь принадлежитъ большое значеніе чувству, будетъ ли здѣсь чувство въ видѣ аффекта, или въ видѣ уравновѣшеннаго настроенія (послѣднее является, безспорно, наиболѣе цѣннымъ въ интересахъ усвоенія). Затѣмъ здѣсь предполагается роль чувства въ смыслѣ интереса, когда имѣется въ виду связь усваиваемаго матеріала съ опредѣленнымъ эмоціональнымъ состояніемъ. Далѣе онъ оттѣняетъ положительное значеніе элемента напряженности, связанной съ дѣятельностью активнаго вниманія, когда здѣсь предполагается наивысшая степень сосредоточенія, и съ другой стороны, отвлеченіе отъ самыхъ разнообразныхъ раздражающихъ факторовъ. Въ связи съ этимъ здѣсь, независимо отъ изслѣдованій Меймана, важно уяснить еще одно обстоятельство при этомъ анализѣ процесса воспроизведенія, поскольку этотъ анализъ можетъ имѣть и извѣстное педагогическое значеніе. Именно, здѣсь важно изслѣдованіе того промежутка времени, который проходитъ между усвоеніемъ извѣстнаго матеріала и между его воспроизведеніемъ. Я имѣю въ виду здѣсь заполненіе этого промежутка другими впечатлѣніями. Здѣсь имѣетъ большое значеніе то обстоятельство, является ли этотъ промежутокъ простымъ отдыхомъ

или онъ заполняется работой и какой именно работой. Если эта работа является аналогичной той, которая имѣла мѣсто въ процессѣ усвоенія опредѣленнаго матеріала, то въ такомъ случаѣ она отзывается отрицательнымъ образомъ на дѣятельности дальнѣйшаго воспроизведенія этого матеріала, такъ какъ здѣсь, очевидно, имѣетъ мѣсто утомленіе, общее утомленіе мозга и нервной системы вообще, можетъ быть, и всего организма. Этимъ именно объясняются такіе факты, что если мы будемъ запоминать извѣстный матеріалъ въ утренніе часы, а воспроизводить его черезъ значительное время - вечеромъ, то этотъ процесъ воспроизведенія будетъ для насъ довольно труднымъ. Эта трудность, несомнѣнно, будетъ находиться въ связи съ этой затратой энергіи на почвѣ различныхъ формъ дѣятельности, которую приходилось выполнять въ теченіе этого промежутка времени. Наоборотъ, если мы будемъ усваивать извѣстный матеріалъ вечеромъ и если будемъ воспроизводить его утромъ, то здѣсь нерѣдко наблюдается такой фактъ, что утреннее воспроизведеніе является очень легкимъ, болѣе яснымъ и отчетливымъ по сравненію даже съ самимъ процессомъ усвоенія матеріала вечеромъ. Это явленіе объясняется двумя факторами: отчасти тѣмъ, что здѣсь промежутокъ не былъ заполненъ какой либо работой, а съ другой стороны здѣсь предполагается полный отдыхъ умственной дѣятельности, въ связи съ возстановленіемъ общей мозговой или даже физической энергіи благодаря сну. Но во всякомъ случаѣ, все это указываетъ на то, что естественно давать отдыхъ дѣятельности памяти или устанавливать такіе промежутки, которые заполня-

лись бы другой работой и которые помогали бы этой безсознательной или полусознательной дѣятельности, имѣющей мѣсто въ этотъ періодъ между усвоеніемъ и воспроизведеніемъ.

Обращаясь къ анализу процесса развитія памяти, мы должны прежде всего установить очень раннее проявленіе этой дѣятельности, хотя, повидимому, этому факту противорѣчатъ нѣкоторыя явленія нашей жизни: именно, у насъ нѣтъ никакихъ воспоминаній о самыхъ первыхъ годахъ нашего существованія, если идетъ рѣчь о связномъ воспроизведеніи этого періода нашей жизни, и, повидимому, этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ то время нѣтъ дѣятельности памяти. Но такого рода заключеніе было бы неправильно, потому что дѣятельность памяти безспорно уже есть, если въ первые же годы жизни ребенка мы можемъ констатировать явленіе воспризнанія или узнаванія. Узнаваніе или воспризнаніе именно предполагаетъ это воспроизведеніе извѣстныхъ впечатлѣній, оживаніе прежнихъ впечатлѣній, когда получается новое впечатлѣніе отъ того же предмета. Значитъ, здѣсь есть извѣстное функціонированіе дѣятельности памяти. Что же касается отсутствія воспоминаній изъ этого ранняго періода жизни, то это объясняется извѣстными физіологическими, а отчасти психологическими причинами. Здѣсь надо указать на своеобразное строеніе дѣтскаго мозга въ ранній періодъ, когда дѣйствительно невозможно сохраненіе слѣдовъ тѣхъ впечатлѣній, какія получаются въ это время, когда нѣтъ еще достаточной пластичности мозга; съ другой стороны, здѣсь еще нѣтъ тѣхъ разнообразныхъ ассоціацій, которыя являются необходимыми для удержанія разнообразныхъ впечатлѣній или

ихъ слѣдовъ, и въ этомъ случаѣ требуется постоянное возобновленіе или освѣженіе этихъ впечатлѣній. Этимъ объясняется то сравненіе, которое употребляетъ Компейрэ въ отношеніи этого ранняго періода дѣтской памяти, именно сравненіе дѣятельности памяти съ очень нѣжной краской, когда кисть должна пройтись этой краской нѣсколько разъ, чтобы остались прочные слѣды. Затѣмъ мы видимъ постепенный ростъ дѣятельности памяти, въ связи съ особенностями чисто мозгового развитія и въ связи съ осложненіями интеллектуальной и вообще психической дѣятельности въ эпоху дошкольнаго возраста, а затѣмъ и отрочества. Эпоха ранняго отрочества можетъ характеризоваться исключительной силой этой дѣятельности, когда здѣсь предполагается и возможность извѣстной жадности къ впечатлѣніямъ, выражающейся въ поглощеніи самаго разнообразнаго книжнаго матеріала, когда, съ другой стороны, мы наблюдаемъ здѣсь и исключительную прочность воспринимаемыхъ впечатлѣній. Затѣмъ мы можемъ наблюдать ростъ этой дѣятельности и въ эпоху поздняго отрочества и юношества, хотя здѣсь временно мы констатируемъ ослабленіе этой дѣятельности, именно, въ періодъ, предшествующій физическому созрѣванію, въ періодъ 12, 13 и 14 лѣтъ, когда здѣсь наблюдается временное пониженіе дѣятельности памяти, въ связи, очевидно, съ своеобразными измѣненіями и въ нервной системѣ и, главнымъ образомъ, въ организмѣ, которыя наблюдаются въ это время у обоихъ половъ. Этотъ фактъ является предметомъ спеціальнаго изученія въ современной психологической, отчасти, физіологической литературѣ, и съ нимъ приходится счи-

таться и съ точки зрѣнія педагогической, когда здѣсь, естественно должно быть временное ослабленіе педагогическихъ и дидактическихъ требованій на почвѣ этихъ своеобразныхъ измѣненій въ дѣтскомъ организмѣ, въ дѣтской психикѣ. Затѣмъ, если обратиться къ дальнѣйшимъ періодамъ дѣтскаго развитія :- эпохѣ отрочества и юношества, то мы можемъ наблюдать здѣсь расцвѣтъ дѣятельности памяти въ связи съ общимъ подъемомъ духовныхъ силъ, когда предполагается развитіе интеллекта, сознательной дѣятельности, хотя, съ другой стороны, работа механической памяти теперь уже ослабляется, и здѣсь главное значеніе придается уже не количеству усваиваемаго матеріала, а его извѣстной качественной цѣнности, приведенію его въ извѣстную систему, что оказывается такимъ важнымъ для выработки общаго міровоззрѣнія. Затѣмъ, обыкновенно, предполагается новое и болѣе хроническое ослабленіе этой дѣятельности въ послѣдующій періодъ, въ періодъ зрѣлаго возраста, и далѣе уже указывается на безспорный фактъ значительнаго пониженія этой дѣятельности въ періодъ послѣ зрѣлаго возраста, въ періодъ старчества, когда мы, дѣйствительно, видимъ постепенное ослабленіе, почти угасаніе этой дѣятельности, когда все, что вновь воспринимается, оказывается очень трудно удерживаемымъ и запечатлѣваемымъ, а, съ другой стороны, здѣсь сохраняются исключительную свѣжесть тѣ впечатлѣнія, какія были получены въ очень отдаленное отъ этой эпохи время. Конечно, это ослабленіе дѣятельности памяти въ періодъ старчества объясняется цѣлымъ рядомъ явленій, которыя наблюдаются въ это время въ организмѣ и которыя свидѣтель-

ствуютъ объ общемъ пониженіи жизнедѣятельности. Здѣсь предполагается пониженіе самой дѣятельности воспріятій въ связи съ ослабленіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Затѣмъ несомнѣнно, можно предположить и измѣненіе въ самихъ мозговыхъ центрахъ, въ связи опять съ измѣненіемъ въ самомъ строеніи мозга, типичнымъ для старческой эпохи, и хотя это явленіе относится уже къ болѣе поздней стадіи жизни, и едва ли его можно распространять на предшествующіе періоды и предполагать значительное ослабленіе на этой почвѣ дѣятельности памяти въ періодъ зрѣлаго возраста. Дѣло въ томъ, что здѣсь нужно различать пониженіе вообще воспріимчивости, когда здѣсь предполагается уже не такая чисто органическая отзывчивость на получаемыя впечатлѣнія, пассивно-ассимилирующая дѣятельность, а скорѣе дѣятельность болѣе логическая, критически относящаяся къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя получаются въ это время опредѣленнымъ человѣкомъ. Въ то же время здѣсь можно указать на постепенный ростъ дѣятельности памяти въ связи съ особенными формами или типами этой дѣятельности, въ особенности, въ связи съ такъ называемой спеціальной памятью, когда здѣсь предполагается постепенное накопленіе матеріала, который тѣсно связанъ съ основнымъ содержаніемъ душевной и въ частности - умственной жизни. Поэтому мы и можемъ видѣть постепенно расширеніе этой дѣятельности, ея усложненіе у спеціалистовъ, когда здѣсь этотъ фактъ объясняется богатствомъ ассоціацій, которыя относятся къ опредѣленной области знаній. Благодаря этому, конечно, и всякій новый матеріалъ, который усваивается такимъ человѣкомъ въ эпоху зрѣлаго возраста

или даже и въ эпоху послѣ этой стадіи зрѣлости легко ассимилируется съ прежнимъ содержаніемъ душевной жизни, такъ какъ здѣсь безъ всякаго затрудненія устанавливается очень тѣсная связь между тѣмъ, что уже есть въ душѣ даннаго человѣка, и тѣмъ, что вновь въ нее привходитъ. Поэтому, здѣсь естественно и воспрининаніе довольно многочисленныхъ новыхъ впечатлѣній, ихъ прочное удержаніе и ихъ отчетливое воспроизведеніе въ связи съ своеобразіемъ дѣятельности памяти въ опредѣленномъ направленіи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о самомъ процессѣ развитія памяти, я долженъ перейти къ вопросу, который имѣетъ преимущественное значеніе съ точки зрѣнія педагогической психологіи, именно, къ вопросу о воспитаніи памяти. Что касается обсужденія этого вопроса въ общей формѣ, то оно должно быть сведено къ тому, чтобы въ процессѣ развитія памяти насколько возможно, соблюдались тѣ разнообразные принципы, какіе установлены на почвѣ теоретическаго изученія этой дѣятельности, хотя ихъ и трудно облечь въ форму строгихъ положительныхъ требованій и категорически выраженныхъ законовъ. Здѣсь, прежде всего, важно установить или всегда держать въ своемъ сознаніи тотъ ранѣе указанный нами фактъ, что нельзя разсматривать дѣятельность памяти, какъ дѣятельность совершенно недифференцированную, несвязанную съ отправленіемъ опредѣленныхъ органовъ чувствъ, нельзя слѣдовательно смотрѣть на эту дѣятельность, какъ на какую-то общую или какъ бы пустую способность, которая наполняется самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, независимо отъ способовъ воспріятія

этого содержанія; фактъ тѣсной связи дѣятельности памяти съ опредѣленными органами чувствъ долженъ постоянно стоять въ нашемъ сознаніи. Но въ то же время мы должны помнить, что всѣ эти основные типы памяти связаны съ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ. наблюдающеюся въ извѣстной формѣ у каждаго нормальнаго человѣка. Такимъ образомъ это различіе по типамъ памяти нельзя представлять въ томъ смыслѣ, что извѣстные люди обладаютъ только зрительной памятью или только слуховой, или только осязательно-моторной и т.п. Такого рода толкованіе было бы совершенно неправильно, потому что на самомъ дѣлѣ, какъ не разъ выяснялось, здѣсь мы имѣемъ передъ собою фактъ коллективной совмѣстной дѣятельности самыхъ разнообразныхъ функцій органовъ внѣшнихъ чувствъ и соотвѣтственно съ этимъ и типовъ памяти; съ другой стороны, мы можемъ иногда наблюдать факты исключительной памяти въ опредѣленномъ направленіи. Съ точки зрѣнія педагогики, здѣсь важно прежде всего стремиться къ совмѣстной дѣятельности различныхъ органовъ чувствъ, если только здѣсь оказывается возможнымъ установить нѣкоторую гармонію, соотношеніе между этими типами памяти, поскольку извѣстный типъ можно дополнить другимъ или даже, можетъ быть, замѣстить другимъ въ случаѣ временнаго или даже хроническаго разстройства. Въ этомъ случаѣ исключительные типы памяти могутъ приводить къ нежелательнымъ результатамъ, когда, въ связи съ разстройствомъ слишкомъ ярко выраженнаго типа памяти, является трудность функціонированія другихъ типовъ памяти, которые раньше не были выражены достаточно ясно, и поэтому здѣсь является затрудненіе въ

отношеніи замѣны одного типа другимъ. Такіе факты, конечно, исключительны, и они извѣстны намъ изъ патологическихъ наблюденій. Здѣсь можно указать на фактъ, приведенный извѣстнымъ психіаторомъ Шарко, наблюдавшимъ потерю зрительной памяти у одного изъ своихъ пацієнтовъ въ связи съ нервнымъ потрясеніемъ, когда этотъ человѣкъ потерялъ способность узнавать предметы зрительнымъ путемъ, хотя у него и остались другіе типы памяти; но такъ какъ послѣдніе не были достаточно развиты, то ему приходилось постепенно привлекать ихъ къ дѣятельности, употреблять значительныя напряженія. Можно указать также на фактъ галлюцинаціи въ связи съ чрезмѣрнымъ развитіемъ опредѣленной памяти, напр., слуховой. Но эти явленія все-таки оказываются рѣдкими, и съ ними едва ли придется считаться обычному педагогу. Съ точки зрѣнія педагогики здѣсь важно затрагивать различные типы памяти, какъ это затрагиваніе имѣетъ мѣсто въ процессѣ современнаго воспитанія и особенно, когда предполагается воздѣйствіе на ребенка со стороны извѣстнаго предмета всѣми возможными способами, когда здѣсь имѣется въ виду затрагиваніе различныхъ сторонъ дѣтской психики, предполагается воздѣйствіе на органы зрѣнія, слуха, осязанія. На этой почвѣ мы видимъ такую форму обученія, которая извѣстна подъ именемъ предметныхъ уроковъ. Съ этой точки зрѣнія важно затрагиваніе всѣхъ этихъ разнородныхъ функцій памяти, но, съ другой стороны, здѣсь важно имѣть въ виду и тѣ индивидуальныя различія, какія нерѣдко встрѣчаются въ школѣ и, разумѣется, здѣсь едва ли можетъ итти рѣчь о

полной индивидуализаціи въ процессѣ воспитанія и обученія, т.е. когда можно было бы раздѣлить дѣтей по типамъ памяти :- слуховой, зрительной и осязательно-моторной. Такое раздѣленіе едва ли было бы вполнѣ цѣлесообразно, потому что очень трудно раздѣлить типы памяти совершенно точно, и, съ другой стороны, является необходимостью, по педагогическимъ соображеніямъ, здѣсь не только оказывать спеціальное воздѣйствіе, но и стремиться, насколько возможно, затронуть различные типы памяти. Важны эти различія въ томъ случаѣ, когда они выражены очень рѣзко и когда, въ связи съ этимъ, не могутъ достигаться опредѣленные результаты у каждаго ученика (напр., показаніе на доскѣ при недостаточномъ развитіи зрительной памяти или спеціальное воздѣйствіе на слухъ при недостаткѣ слуховой памяти). Слѣдовательно, съ этого рода явленіями, когда они носятъ ярко выраженный характеръ, приходится считаться, и эти факты могутъ быть учтены въ томъ смыслѣ, что они могутъ объяснить несовершенство процесса воспріятія, неодинаковость результатовъ извѣстнаго урока или дидактическаго воздѣйствія въ силу чисто природныхъ причинъ. Что же касается дальнѣйшихъ формъ педагогическаго воздѣйствія, то здѣсь нужно сообразоваться съ общими принципами, на которые я не разъ указывалъ, поскольку здѣсь имѣется въ виду огромное значеніе логическаго принципа въ процессѣ овладѣванія тѣмъ или другимъ матеріаломъ, когда здѣсь указывается на вдумчивое внимательное отношеніе къ усваиваемому матеріалу, которое предполагаетъ предварительный логическій анализъ и которое, слѣдовательно, должно требовать для себя соотвѣтствующаго вре-

мени. Съ этимъ фактомъ несомнѣнно приходится считаться педагогу, когда здѣсь нерѣдко мы встрѣчаемся съ нежелательной, съ педагогической точки зрѣнія, формой усвоенія матеріала въ связи съ особенностями дѣятельности памяти, когда, повидимому, въ теченіе нѣкотораго небольшого времени можно овладѣть большимъ количествомъ матеріала, можно ясно и отчетливо воспроизвести этотъ матеріалъ, хотя эти особенности его усвоенія совершенно не свидѣтельствуютъ о той формѣ дѣятельности, которая должна являться наиболѣе цѣнной съ точки зрѣнія педагога. Здѣсь часто наблюдается усвоеніе недостаточно глубокое, поверхностное, которое связано съ особенностями дѣятельности памяти, въ данномъ случаѣ, скорѣе механической, и поэтому, конечно, этотъ фактъ является не столько положительнымъ, сколько отрицательнымъ, хотя часто онъ недостаточно оцѣнивается въ практикѣ воспитанія и современнаго обученія, гдѣ не имѣетъ мѣста болѣе углубленный анализъ въ процессѣ воспроизведенія, гдѣ цѣнится только результатъ этого воспроизведенія въ ближайшій моментъ, но не вскрывается вся та почва, которая обусловливаетъ всѣ особенности этого процесса. Въ связи съ этимъ находится и то обстоятельство, что тѣ знанія, которыя пріобрѣтаются хотя бы путемъ усилія и напряженія, но въ очень короткій срокъ, который недостаточенъ для чисто логическаго усвоенія извѣстнаго матеріала, - такого рода знанія оказываются непрочными и быстро исчезающими изъ нашей памяти. Въ курсахъ психологіи часто приводятъ примѣры такого чисто механическаго и очень непрочнаго запоминанія въ очень короткій срокъ. Такъ извѣстенъ разсказъ одного актера, который долженъ

былъ нѣсколько неожиданно для себя очень быстро выучить одну, совершенно неизвѣстную ему роль, послѣднюю онъ выучилъ въ очень короткій срокъ чисто механически, зрительнымъ путемъ. Однако, очень скоро онъ совершенно забылъ эту роль, ничего не могъ вспомнить изъ нея, хотя онъ отлично сыгралъ ее. Это объясняется тѣмъ, что здѣсь не былъ привлеченъ логическій элементъ въ процессъ усвоенія этой роли. Такіе факты извѣстны всѣмъ и изъ такого явленія, какъ экзамены, когда здѣсь въ короткій срокъ приходится овладѣвать иногда очень большимъ количествомъ матеріала и когда это овладѣваніе какъ будто сопровождается исключительнымъ напряженіемъ вниманія, энергіи, наибольшей активности, и однако вскорѣ послѣ экзаменовъ весь этотъ матеріалъ, который казался такимъ яснымъ и отчетливымъ, исчезаетъ изъ памяти и окончательно забывается. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, не совсѣмъ парадоксальнымъ являются извѣстныя слова Гюйо, который говоритъ, что экзаменъ для большинства учащихся является только позволеніемъ забывать, а дипломъ-привилегіей на превращеніе въ невѣжду, и это блаженное невѣжество наступаетъ тѣмъ скорѣе и глубже, чѣмъ больше было затрачено энергіи и силъ для усвоенія этого матеріала при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, въ очень короткій промежутокъ времени. Все это указываетъ на то, что общимъ принципомъ въ процессѣ развитія и воспитанія памяти долженъ считаться принципъ логизированія, раціонализированія матеріала, когда здѣсь запоминаемый матеріалъ подвергается предварительному разсмотрѣнію, когда устанавливаются самыя разнообразныя ассоціаціи, связи, помогающія болѣе прочному сохраненію это-

го матеріала и его болѣе ясному и отчетливому воспроизведенію. Въ этомъ случаѣ является справедливымъ замѣчаніе Джемса, котораго очень интересовала эта проблема усовершенствованія и развитія памяти, въ связи съ педагогическимъ использованіемъ основныхъ законовъ дѣятельности памяти. Джемсъ именно указываетъ на то, что богатство и разнообразіе ассоціацій объясняется тѣмъ, что здѣсь принимаетъ участіе логическая дѣятельность, когда здѣсь имѣютъ мѣсто такія связи, которыя группируются вокругъ извѣстнаго центра, когда такимъ центромъ является какая нибудь основная идея или концепція, помогающая объединить все разнообразіе конкретнаго матеріала. Такого рода объединяющая идея, по мнѣнію Джемса, можетъ быть у каждаго человѣка или даже у каждаго ученика, даже у такого, который, повидимому, обнаруживаетъ очень недостаточную память въ усвоеніи книжнаго матеріала; но при болѣе глубокомъ анализѣ, говоритъ Джемсъ, можно указать, что у такого ученика, часто очень лѣниваго, не интересующагося школой, можетъ быть очень большая память въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые особенно ему интересны, въ отношеніи тѣхъ явленій, которыя составляютъ центръ его жизни внѣ школы. То же самое можно сказать и о многихъ видахъ спеціальной памяти, которая предполагаетъ именно концентрацію различнаго рода деталей вокругъ опредѣленнаго принципа. Тотъ же Джемсъ ссылается на примѣры Спенсера и Дарвина, на лицъ, которые оперировали съ огромнымъ фактическимъ матеріаломъ и на почвѣ этого матеріала дали глубоко-интересные выводы. Между тѣмъ, сами эти лица свидѣтельствуютъ, что отъ природы они имѣ-

ли очень среднюю память и не могли сразу держать большого количества матеріала въ головѣ, а также не могли воспринимать новаго матеріала въ очень значительномъ количествѣ. И однако, несмотря на все это, этотъ матеріалъ поражаетъ своей громадностью, когда мы встрѣчаемся съ нимъ въ ихъ сочиненіяхъ. Объясняется это, по мнѣнію Джемса, тѣмъ, что этотъ матеріалъ всегда объединялся принципомъ эволюціи и другими родственными идеями, которыя мы встрѣчаемъ у Спенсера и у Дарвина, и которыя помогали удерживать то изумительное разнообразіе и тѣ подавляющія подробности конкретныхъ фактовъ, на почвѣ которыхъ получались столь цѣнныя и въ философскомъ и въ научномъ смыслѣ обобщенія. Дарвинъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что въ зрѣлый періодъ своей дѣятельности онъ уже былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя не находились въ связи съ его центральной идеей, между тѣмъ какъ все, что соприкасалось съ ней, ассимилировалось и прочно запечатлѣвалось въ его сознаніи. Такимъ образомъ, говоритъ Джемсъ, въ этихъ случаяхъ мы можемъ встрѣчаться съ своеобразной энциклопедической эрудиціей, и въ то же время и съ такимъ же энциклопедическимъ невѣжествомъ. Все это, слѣдовательно, оттѣняетъ огромное значеніе логическаго элемента въ процессѣ дѣятельности памяти, и эта дѣятельность является безспорно тѣмъ болѣе совершенной и цѣнной для насъ, чѣмъ больше связана съ этими высшими формами нашего интеллекта. Даже въ нѣкоторыхъ видахъ исключительной памяти, напр. зрительной памяти, которую мы встрѣчаемъ въ такой яркой формѣ у нѣкоторыхъ шахматныхъ игроковъ, когда здѣсь предполагается

ясное представленіе всѣхъ особенностей игры и т.д. въ самой конкретной, яркой формѣ,- даже въ такихъ случаяхъ на самомъ дѣлѣ дѣло обстоитъ не такъ просто, чтобы все можно было объяснить чисто механическимъ путемъ, безъ привлеченія сюда нѣкотораго логическаго элемента. Тѣ разспросы, съ которыми обращался Бинэ къ шахматнымъ игрокамъ показали, что эти лица не ограничиваются чисто механической дѣятельностью, что этотъ процессъ яснаго созерцанія, яснаго представленія всѣхъ особенностей игры, когда предполагается не только наличный ходъ, но и будущій, а также и другія возможныя комбинаціи,- этотъ процессъ предполагаетъ участіе сознательнаго элемента. Именно, дѣло здѣсь представляется такимъ образомъ, что каждая фигура разсматривается игрокомъ, какъ центръ извѣстныхъ силъ, отъ котораго идутъ дѣйствія въ различныхъ направленіяхъ. Затѣмъ далѣе, вся партія какъ бы разбивается на рядъ отдѣльныхъ рядовъ, и каждый изъ этихъ рядовъ представляетъ собою систему разнообразныхъ комбинацій, которыя связаны съ значеніемъ каждой фигуры, какъ извѣстной силы. Такимъ образомъ, здѣсь вырабатывается опредѣленный планъ нападенія и защиты, который не вытекаетъ только изъ созерцанія этихъ фигуръ, но покоится на опредѣленномъ логическомъ разсчетѣ. Такого рода сознательная дѣятельность, конечно, въ значительной степени объясняетъ успѣхъ этой игры. Все это показываетъ какое большое значеніе имѣетъ углубленная сознательная логическая работа въ процессѣ дѣятельности памяти и намъ постоянно приходится сообразоваться съ этимъ фактомъ и придавать ему большое значеніе и въ процессѣ воспи-

танія этой дѣятельности. Далѣе, въ связи съ разсмотрѣніемъ вопроса о воспитаніи памяти важно отмѣтить еще нѣкоторые отдѣльные пункты, именно, указать на важность процесса повторенія, подчеркнувъ необходимость согласованности въ данномъ случаѣ съ тѣми принципами, которые я указывалъ ранѣе въ отношеніи къ этому процессу. Затѣмъ имѣетъ большое значеніе заполненіе промежутка времени между воспріятіемъ и воспроизведеніемъ, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, когда несомнѣнно успѣшность воспроизведенія находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, чѣмъ было заполнено время: употреблялось ли оно на работу, аналогичную той, которая имѣла мѣсто въ процессѣ усвоенія, или же здѣсь былъ полный отдыхъ, или же здѣсь была работа, имѣющая только отдаленное отношеніе къ усваиваемому матеріалу. Все это отзывается и на успѣшности самого процесса воспроизведенія. Въ частности, что касается повторенія или освѣженія матеріала, который былъ уже ранѣе усвоенъ, то здѣсь надо имѣть въ виду то обстоятельство, что такого рода освѣженіе матеріала требуетъ соотвѣтственнаго времени, сообразно съ процессомъ первоначальнаго усвоенія. Съ этой точки зрѣнія, всякое поспѣшное повтореніе, хотя бы и сопровождающееся напряженной умственной дѣятельностью, едва ли можетъ быть вполнѣ цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія. Мнѣ приходилось въ этомъ смыслѣ говорить о непрочности матеріала, который усвояется такимъ напряженнымъ способомъ передъ экзаменами, когда въ короткое время приходится овладѣвать очень большимъ количествомъ знаній. Если мы будемъ разсматривать значеніе этихъ условій въ отношеніи освѣженія

стараго матеріала, то и здѣсь на практикѣ мы часто встрѣчаемся съ отрицательнымъ результатомъ. Именно, всѣмъ извѣстенъ такой фактъ, что послѣ такой тяжелой напряженной работы, выполненной въ короткій промежутокъ времени, получается совершенно не то, что имѣлось въ виду, часто наблюдается даже болѣе смутное представленіе о томъ матеріалѣ, который былъ усвоенъ ранѣе. Это объясняется тѣмъ, что въ этомъ процессѣ повторенія успѣли нарушиться ранѣе сложившіяся связи, которыя несмотря на свое потускнѣніе отъ долгаго времени все же имѣли большую прочность и устойчивость, чѣмъ быстро и случайно сложившіяся новыя связи. Отсюда ясно, что только то повтореніе, которое предполагаетъ соотвѣтственное напряженіе вниманія, которое вызываетъ сосредоточеніе на извѣстныхъ предметахъ, и, слѣдовательно, сопровождается неизбѣжнымъ анализомъ, - только такое повтореніе является цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія. Разсматривая это вмѣшательство воспитанія въ процессъ развитія памяти, мы въ концѣ концовъ должны затронуть общій, и можетъ быть, наиболѣе интересный съ педагогической точки зрѣнія вопросъ, вопросъ объ усовершенствованіи памяти въ связи съ извѣстнаго рода упражненіями, въ связи съ тѣми пріемами, которые являются наиболѣе соотвѣтствующими процессу развитія и которые установлены на почвѣ экспериментальной психологіи. Здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить фактъ различія объема памяти, который является, повидимому, безспорнымъ и который имѣетъ для себя извѣстныя прирожденныя основы. Въ этомъ отношеніи мы можемъ встрѣчать и

факты исключительной памяти, когда предполагается быстрое запоминаніе и ясное и отчетливое воспроизведеніе, особенно черезъ короткій промежутокъ времени. Съ другой стороны, мы можемъ наблюдать и явленія обратнаго характера, когда, дѣйствительно, требуется значительное, продолжительное напряженіе и для самого процесса усвоенія и когда также предполагается соотвѣтственное усиліе для процесса воспроизведенія. Здѣсь, слѣдовательно, передъ нами различіе, которое не только непосредственно извѣстно, но которое, далѣе, подтверждается цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій, именно въ цѣляхъ опредѣленія этого объема памяти или природной способности запоминанія. Мы встрѣчаемъ теперь цѣлый рядъ работъ, которыя ставятъ своей задачею выяснить этотъ объемъ въ общей формѣ, причемъ здѣсь наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ являются, какъ вамъ извѣстно, безсмысленные слоги или такія же слова, когда, такимъ образомъ, отвлекается значеніе интереса и имѣется въ виду именно память, какъ чисто внѣшняя дѣятельность, когда предполагается запоминаніе одного матеріала, и, слѣдовательно, изолируется вліяніе тѣхъ дополнительныхъ условій, которыя могутъ быть различны у каждаго человѣка. Изслѣдованія въ этомъ направленіи также выяснили различіе объема памяти, хотя это различіе до сихъ поръ не можетъ быть сведено къ какимъ нибудь опредѣленнымъ, въ особенности - физіологическимъ, условіямъ и причинамъ. Конечно, здѣсь можно предполагать различіе въ строеніи мозговой ткани, которое, можетъ быть, и обусловливаетъ различныя формы пластичности мозга. Иногда здѣсь можно свя-

зывать это различіе съ особенностями въ дѣятельности опредѣленнаго органа: зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго чувства, когда, безспорно, извѣстные типы памяти связаны съ этимъ строеніемъ и когда самая сила памяти также находится въ зависимости отъ этой природной конструкціи извѣстнаго органа; но, во всякомъ случаѣ, какія либо точныя данныя здѣсь указать трудно, особенно такія, которыя покоились бы на біологической основѣ. Поэтому здѣсь мы должны лишь констатировать этотъ фактъ различія, пользуясь для изображенія его различными описаніями, картинными сравненіями, которыя, напримѣръ, мы встрѣчаемъ у Джемса. Послѣдній въ этомъ отношеніи сравниваетъ мозгъ однихъ людей съ мягкимъ воскомъ, на которомъ запечатлѣвается все, что попадаетъ на него. Мозгъ другихъ людей, обнаруживающихъ очень слабую память, можно сравнить въ этомъ смыслѣ, какъ говоритъ Джемсъ, съ желе, которое можетъ дрожать отъ постояннаго прикосновенія и которое однако же не можетъ сохранить на себѣ никакихъ отпечатковъ. Но конечно, это только образы или картины, которыя не уясняютъ всего существа процесса. Для насъ, далѣе, важно выяснить слѣдующій вопросъ: если фактъ различія степени или силы памяти является безспорнымъ, то какое значеніе принадлежитъ въ данномъ случаѣ воспитанію, и можно ли путемъ воспитанія, какъ сознательнаго воздѣйствія, усилить дѣятельность памяти не только въ опредѣленномъ направленіи (въ связи съ спеціальнымъ типомъ памяти), но и въ отношеніи воспріимчивости вообще, въ смыслѣ измѣненія самой біологической основы дѣятельности памяти, когда здѣсь предполагаются благотворные результа-

ты упражненій, иногда длительныхъ и напряженныхъ. Мы нерѣдко встрѣчаемся съ этимъ взглядомъ въ обычной педагогической практикѣ, когда многимъ предметамъ обученія придаютъ такое значеніе именно въ смыслѣ развитія или какъ бы расширенія дѣятельности памяти независимо отъ содержанія усваиваемаго матеріала. Что касается вопроса объ увеличеніи самого объема памяти, то тотъ же Джемсъ даетъ на него отрицательный отвѣтъ, если идетъ рѣчь о расширеніи этого объема путемъ упражненія на почвѣ спеціальнаго матеріала. Если это упражненіе и можетъ имѣть значеніе, то только въ отношеніи опредѣленныхъ видовъ памяти, когда здѣсь предполагается расширеніе извѣстныхъ знаній, установленія различнаго рода ассоціацій, связей и т.д., которыя помогаютъ болѣе прочному сохраненію извѣстнаго матеріала, но самая воспріимчивость въ общей формѣ остается одной и той же, и здѣсь нѣтъ усовершенствованія по существу. Джемсъ, въ качествѣ доказательства, приводитъ свои собственныя наблюденія и опросы многихъ выдающихся лицъ, въ особенности актеровъ, которые принуждены упражнять свою память въ силу своей профессіи. Джемсъ говоритъ, что результаты этихъ опросовъ привели его къ тому убѣжденію, что здѣсь расширенія памяти въ общемъ смыслѣ, какъ воспріимчивости, нѣтъ, что здѣсь идетъ рѣчь только объ усовершенствованіи способовъ запоминанія, о значеніи въ этомъ случаѣ жестикуляціи, интонаціи, которые создаютъ цѣлый рядъ дополнительныхъ ассоціацій и поэтому могутъ облегчить, напр., усвоеніе новыхъ ролей, но это не свидѣтельствуетъ о томъ, что совершенствуется память въ общемъ смыслѣ. Съ этой точ-

ки зрѣнія могутъ имѣть значеніе такого рода упражненія, которыя, дѣйствительно, имѣютъ болѣе спеціальный характеръ, которыя связаны съ опредѣленными типами памяти, благодаря этимъ упражненіямъ, расширяются и умножаются упомянутыя мною ассоціаціи и связи и даютъ возможность съ гораздо большей легкостью ассимилировать всякій новый матеріалъ. Но изслѣдованія позднѣйшаго времени, въ особенности изслѣдованія въ области экспериментальной психологіи, въ частности произведенныя извѣстнымъ Мейманомъ, стараются поколебать этотъ взглядъ Джемса и пытаются показать, что упражненія памяти даже въ спеціальной области могутъ содѣйствовать развитію и улучшенію дѣятельности воспоминанія, воспроизведенія и во всякой другой области, что съ этой точки зрѣнія всякое упражненіе этой дѣятельности, которое согласуется съ основными законами психическаго развитія, можетъ быть очень цѣннымъ съ точки зрѣнія педагогики. Мейманъ, прежде всего, ссылается на свои опыты, когда матеріаломъ для заучиванія были безсмысленные слоги или такія же слова, когда здѣсь было запоминаніе въ опредѣленномъ направленіи, и результатомъ этого рода изслѣдованій въ отношеніи усовершенствованія памяти было то, что память въ этомъ направленіи совершенствуется, т.е. упражненіе имѣетъ положительное значеніе. По мѣрѣ упражненія облегчается этотъ процессъ запоминанія, и слѣдовательно, констатируется экономизація психической энергіи. Но Мейманъ производилъ наблюденія и съ болѣе широкими и общими задачами, когда онъ пытался прослѣдить значеніе процесса запоминанія безсмысленныхъ слоговъ и словъ для дѣятельности

памяти и въ другихъ направленіяхъ, т.е. когда имѣлось въ виду значеніе этихъ упражненій для запоминанія осмысленныхъ словъ, фразъ и т.д. въ связи съ памятью зрительной, слуховой и т.п. Мейманъ въ своемъ сочиненіи - „Экономика и техника заучиванія" и въ своихъ „Лекціяхъ по экспериментальной педагогикѣ" говоритъ, что эти упражненія, которыя производились только на опредѣленномъ узко ограниченномъ матеріалѣ, однако же оказались полезными и для другихъ видовъ запоминанія. Именно, онъ изслѣдовалъ силу запоминанія въ отношеніи разнообразныхъ предметовъ до упражненія съ безсмысленными слогами и послѣ этихъ упражненій. Изъ его опытовъ выяснилось, что этотъ процессъ запоминанія безсмысленныхъ слоговъ имѣетъ извѣстное положительное значеніе и въ отношеніи другого запоминаемаго матеріала, совершенно различнаго отъ безсмысленныхъ слоговъ, хотя безспорно, наибольшее значеніе этого упражненія обнаруживается въ отношеніи къ такому же безсмысленному матеріалу. Такимъ образомъ, упражненію принадлежитъ извѣстное положительное значеніе въ отношеніи памяти вообще. Самъ Мейманъ истолковываетъ этотъ фактъ такимъ образомъ, что здѣсь процессъ заучиванія хотя бы и безсмысленнаго матеріала можетъ отражаться положительными результатами на дѣятельности памяти вообще, потому что въ этомъ процессѣ запоминанія, независимо отъ матеріала, несомнѣнно затрагиваются и совершенствуются другія дѣятельности, которыя играютъ большую роль въ процессѣ запоминанія. Онъ говоритъ, что въ процессѣ запоминанія принадлежитъ большое значеніе вниманію, въ частности

- анализирующей дѣятельности вниманія, которая можетъ проявляться и въ отношеніи запоминанія безсмысленныхъ слоговъ, потому что и тамъ возможенъ анализъ, сопоставленіе этихъ слоговъ, установленіе хотя бы внѣшнихъ ассоціацій, такъ что здѣсь есть извѣстный сознательный процессъ, и утилизированіе сознательной дѣятельности. Для этой цѣли можетъ, конечно, отразиться полезными результатами и при запоминанія другого матеріала. Затѣмъ Мейманъ указываетъ на то, что здѣсь устанавливается своеобразный психофизическій строй, т.е. здѣсь мы видимъ уже извѣстное настроеніе, которое является цѣннымъ для запоминанія, разумѣя здѣсь извѣстную эмоціональную уравновѣшенность, извѣстное самообладаніе, здѣсь же далѣе можно наблюдать общее органическое или нервное напряженіе, можно видѣть уже и общій подъемъ энергіи и вѣры въ собственныя силы и т.д., что является необходимымъ для всякаго запоминанія. Все это, конечно, упражняется во всякой дѣятельности запоминанія, независимо отъ запоминаемаго матеріала. Значитъ, здѣсь Мейманъ не рѣшаетъ вопроса окончательно и не говоритъ, что память дѣйствительно можетъ расширяться до самыхъ большихъ предѣловъ путемъ упражненія, а только указываетъ, что самое упражненіе памяти въ процессѣ запоминанія и воспроизведенія можетъ сказываться благопріятными результатами для дѣятельности памяти въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Съ этой точки зрѣнія онъ, конечно, близокъ къ истинѣ, поскольку онъ указываетъ значеніе самыхъ разнообразныхъ факторовъ въ дѣятельности памяти и поскольку не разсматриваетъ память совершенно схематически, но подчеркиваетъ, что она

связана съ цѣлымъ рядомъ сопутствующихъ явленій и процессовъ, которые оказываются очень важными для запоминанія самаго разнообразнаго матеріала. Общій же выводъ отсюда таковъ, что упражненію можетъ принадлежать большое значеніе въ процессѣ развитія памяти, именно, въ процессѣ усвоенія, заучиванія, хотя этимъ, конечно, совершенно не рѣшается окончательно вопросъ можетъ ли расширяться самая воспріимчивость въ общей формѣ, можно ли здѣсь достигнуть того, чтобы память очень несовершенная, память отъ природы незначительная, могла быть доведена до исключительной степени. Но этотъ вопросъ практически не имѣетъ особенно серьезнаго значенія, въ виду того, что память является цѣнной для насъ постольку, поскольку она соединяется съ другими наиболѣе важными для насъ душевными дѣятельностями, и поэтому мнѣ и придется въ заключеніе своего анализа сдѣлать краткія замѣчанія о значеніи памяти въ общей экономіи нашей психики. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о спеціальныхъ средствахъ для усовершенствованія памяти, которыя извѣстны подъ именемъ мнемоники или мнемотехники. Я совершенно не намѣренъ исчерпывающе разсматривать этого вопроса, какъ онъ появляется въ конкретной формѣ, когда мы имѣемъ передъ собою цѣлый рядъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ спеціалисты мнемотехники. Я скажу только, что значеніе всѣхъ этихъ искусственныхъ пріемовъ опредѣляется ихъ соотвѣтствіемъ тѣмъ основнымъ законамъ въ развитіи дѣятельности памяти, на которые я не разъ указывалъ. Если здѣсь идетъ рѣчь о такихъ усовершенствованныхъ пріемахъ запоминанія, когда оттѣ-

няется значеніе ритма и риѳмы, когда запоминаемый матеріалъ облекается въ стихотворную форму, то такіе пріемы тѣсно связаны съ общей экономіей органической работы, и здѣсь бо́льшая успѣшность заучиванія можетъ признаваться безспорной. Но что касается другихъ болѣе спеціальныхъ способовъ заучиванія, когда предполагается опредѣленная схема, когда запоминаемый матеріалъ, напр., огромный рядъ цифръ, обозначается опредѣленными буквами, которыя потомъ соединяются въ слова иногда осмысленныя, иногда безсмысленныя,- то все это имѣетъ значеніе постольку, поскольку оказывается основаннымъ на опредѣленныхъ психологическихъ законахъ. Конечно, иногда, такая символизація возможна и въ состояніи облегчить запоминаніе, но опять значеніе ея уясняется только въ зависимости отъ того, какъ строятся эти слова, какъ именно они запоминаются, какой смыслъ съ ними соединяется. Если же мы будемъ прибѣгать только къ такимъ крайне искусственнымъ схемамъ, то здѣсь будетъ совершенствоваться только такая схематическая память, именно, процессъ запоминанія самыхъ этихъ схемъ, но не будетъ, конечно, совершенствованія самой дѣятельности памяти. Совершенствованіе послѣдней предполагаетъ безспорно затрагиваніе и сознательной дѣятельности, въ частности высшихъ формъ интеллектуальной дѣятельности. Такимъ образомъ, совершенно не имѣя возможности входить въ подробности мнемотехники, мы можемъ только вывести общее заключеніе, что цѣнность этихъ мѣръ можетъ быть опредѣлена только ихъ отношеніемъ къ общимъ законамъ психическаго развитія. Въ связи съ этимъ я долженъ здѣсь коснуться еще од-

ного вопроса, именно вопроса о значеніи памяти въ общей экономіи нашей жизни, ибо выясненіе этого вопроса не безразлично и въ отношеніи воспитанія памяти. Вѣдь, если дѣятельность памяти является такой основной центральной дѣятельностью, что съ этой точки зрѣнія, именно, важна для насъ исключительная память, то, можетъ быть, всѣ усилія должны быть направлены къ тому, чтобы создать такую память, и установить принципы при помощи которыхъ возможно осуществить эту задачу. Если же память имѣетъ только второстепенное значеніе, то тогда, конечно, и отношеніе должно быть нѣсколько иное, не требующее для себя такого интенсивнаго напряженія. Память, безспорно, является въ высшей степени важною душевною дѣятельностью, безъ которой невозможенъ умственный процессъ. Доказывать эту мысль едва ли есть нужда, такъ какъ отсутствіе памяти, безспорно, является отсутствіемъ настоящей основы для дальнѣйшаго умственнаго развитія. Но вѣдь здѣсь нужно сказать, что у всякаго нормальнаго человѣка эта дѣятельность, несомнѣнно, существуетъ, какъ дѣятельность прирожденная и въ этомъ смыслѣ говорить о созданіи памяти не приходится, такъ какъ мы всегда считаемся съ уже существующимъ фактомъ. Вопросъ здѣсь сводится лишь къ тому, чтобы имѣть наиболѣе совершенную память, которая, дѣйствительно, являлась бы наиболѣе цѣнной съ точки зрѣнія дальнѣйшаго умственнаго прогресса. Вотъ здѣсь то, конечно, и важно установить положеніе памяти среди другихъ факторовъ, которые обусловливаютъ собою процессъ умственнаго развитія.

Едва ли можно отрицать, что памяти принадлежитъ огромное значеніе въ этомъ процессѣ, въ особенности той счастливой памяти, благодаря которой возможно въ короткое время усвоить разнообразный матеріалъ, хранить этотъ матеріалъ долго, ясно и отчетливо его воспроизводить. Такая память является, конечно, глубоко цѣнной и оказывается въ высшей степени важнымъ факторомъ въ процессѣ дальнѣйшаго интеллектуальнаго роста. Но, съ другой стороны, мы можемъ имѣть передъ собою фактъ положительнаго умственнаго развитія, поразительнаго богатства интеллектуальной жизни и при сравнительно ограниченной памяти въ общей формѣ. Такъ, можно наблюдать исключительную умственную продуктивность у людей, которые прямо говорятъ, что они съ извѣстнымъ напряженіемъ усваиваютъ разнообразный матеріалъ, не особенно долго хранятъ и не такъ отчетливо его воспроизводятъ, однако же могутъ развивать у себя до очень значительной степени спеціальную память, которая является цѣнной въ интересахъ ихъ спеціальныхъ работъ. Поэтому и важно стремиться къ созданію такихъ связей, которыя являлись бы наиболѣе цѣнными уже съ точки зрѣнія установившихся интересовъ. И, конечно, созданіе и удержаніе этихъ связей, ихъ воспроизведеніе, ихъ постепенное обогащеніе является возможнымъ для каждаго человѣка, обладающаго даже среднимъ объемомъ памяти. Въ этомъ случаѣ, приходитъ на помощь сознательная дѣятельность человѣка, которая усиливаетъ работу памяти, дѣлаетъ ее наиболѣе продуктивной и цѣнной, когда эта работа памяти находится въ тѣсной связи съ явленіями; опредѣляющими общую или основную дѣятельность извѣстнаго

человѣка. Съ этой точки зрѣнія, память исключительная, феноменальная иногда является и отрицательнымъ фактомъ, когда, въ такомъ случаѣ, мы можемъ наблюдать преобладаніе пассивнаго элемента въ развитіи, когда здѣсь преимущественное значеніе принадлежитъ процессу усвоенія, иногда, механическому, поверхностному, когда здѣсь не дается достаточной работы логическимъ функціямъ. И безспорно, окончательная цѣнность развитія опредѣляется не количествомъ и разнообразіемъ тѣхъ знаній, которыя хранятся въ нашемъ умѣ или могутъ быть воспроизведены въ нашемъ сознаніи, но здѣсь имѣетъ преимущественное значеніе та организація этихъ знаній, которая является результатомъ сознательной и напряженной работы нашего интеллекта. Съ этой точки зрѣнія является цѣннымъ именно это организованное знаніе, которое сознательно нами пріобрѣтено, облечено въ извѣстную систему и которое во всякій моментъ можетъ быть сознательно нами использовано, не является для насъ ненужнымъ балластомъ, но оказывается очень важнымъ творческимъ матеріаломъ, изъ котораго мы можемъ создавать наиболѣе цѣнные продукты. Здѣсь можно употребить извѣстное сравненіе, которое дѣлаетъ Спенсеръ, когда говоритъ, что цѣнно то знаніе, которое подобно мускулу, является основнымъ орудіемъ нашей дѣятельности; съ другой стороны, мы должны отрицательно относиться къ такому знанію, которое на подобіе органическаго жира, только отягчаетъ дѣятельность, являясь балластомъ, затрудняющимъ сознательную работу нашего интеллекта. Дѣятельность нашей памяти, когда она носитъ только внѣшній, механическій характеръ, явля-

ется часто такимъ тормазомъ для наиболѣе сознательной, углубленной работы, давая здѣсь перевѣсъ именно пассивному усвоенію матеріала.

Такимъ образомъ, и вопросъ объ усовершенствованіи памяти въ такой формѣ, чтобы здѣсь ставить своей задачей выработку исключительной способности запоминанія и воспроизведенія, независимо отъ усовершенствованія другихъ сложныхъ интеллектуальныхъ функцій, теряетъ свою остроту, чѣмъ нисколько не ослабляется значеніе уже пріобрѣтенныхъ результатовъ въ соотвѣтствующей области экспериментальной психологіи.

Я долженъ теперь указать на практическое значеніе изслѣдованій памяти въ сферѣ, главнымъ образомъ одной проблемы, именно проблемы орфографіи. Какъ показываетъ самое названіе, здѣсь идетъ рѣчь о правописаніи, о правильномъ письмѣ, причемъ самое понятіе правописанія, какъ извѣстно, часто является неопредѣленнымъ и неустойчивымъ. Подъ правописаніемъ обычно разумѣется соотвѣтствіе письма такому типу, который считается правильнымъ съ извѣстной точки зрѣнія или съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія. Во всякомъ случай, правильность эта всегда относительна. Здѣсь при установленіи этой правильности письма могутъ быть указаны два основныхъ принципа: или принципъ фонетическій, или принципъ этимологическо-историческій. Что касается перваго изъ этихъ двухъ принциповъ, то здѣсь имѣется въ виду соотвѣтствіе начертанія словъ произношенію, когда предполагается соотвѣтствіе буквъ звукамъ, когда, слѣдовательно, здѣсь то, что произносится, то и изображается при помощи опредѣлен-

ныхъ буквъ, соотвѣтственно звуковому значенію послѣднихъ. Что касается другого принципа - этимологическа-историческаго, то здѣсь предполагается соотвѣтствіе письма такому начертанію словъ, которое является и признается наиболѣе правильнымъ съ точки зрѣнія происхожденія словъ, корней или съ точки зрѣнія практики чисто исторической, когда здѣсь имѣется въ виду постепенный генезисъ опредѣленнаго начертанія. Фонетическій принципъ, конечно, едва ли можетъ быть выдержанъ вполнѣ, въ особенности въ отношеніи нѣкоторыхъ языковъ, ибо мы постоянно встрѣчаемся съ фактомъ несоотвѣтствія произношенія начертанію, въ связи съ разнообразными особенностями этого произношенія. Такъ, могутъ быть буквы, которые не произносятся, не читаются, какъ это встрѣчается въ разныхъ языкахъ, могутъ быть сокращенія въ произношеніи, особые оттѣнки въ извѣстныхъ звукахъ, когда они берутся въ опредѣленныхъ сочетаніяхъ. Такимъ образомъ, здѣсь имѣется въ виду опять нѣкоторая условность, которая здѣсь соединяется съ принципомъ этимологизма и историзма. Что касается этого историческаго принципа, то онъ является неизбѣжнымъ, поскольку онъ устанавливается и въ силу традицій, поскольку, далѣе, здѣсь облегчается самое усвоеніе начертанія, когда предполагается возведеніе опредѣленной особенности въ начертаніи какого нибудь слова къ вполнѣ очевидному этимологическому или историческому основанію. Само собою понятно, что этотъ процессъ усвоенія правильности письма требуетъ довольно много времени, въ особенности въ ранній періодъ жизни, когда предполагается усвоеніе этого процесса отчасти механическое, отчасти сознатель-

ное; во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія экономизаціи дѣтскихъ силъ и дѣтской энергіи, здѣсь важно было бы имѣть такую постановку, когда при меньшей затратѣ силъ и въ наиболѣе короткое время достигаются большіе результаты. Дѣло въ томъ, что самая орѳографія никогда не можетъ считаться цѣлью само по себѣ, но она естественно считается признакомъ элементарной грамотности. Съ другой стороны, сохраненіе единообразія въ начертаніи является здѣсь неизбѣжнымъ и въ интересахъ той же экономизаціи, потому что, если бы допустить полное разнообразіе, полную свободу въ начертаніи и въ письмѣ и въ особенности въ печати, то мы здѣсь встрѣтились бы съ очень значительнымъ затрудненіемъ, которое выразилось бы въ томъ, что для усвоенія смысла опредѣленной книги потребовалась бы слишкомъ большая затрата сознательной энергіи въ связи съ разнообразіями въ этомъ начертаніи. Такимъ образомъ, здѣсь единообразіе въ начертаніи оказывается неизбѣжнымъ, но, съ другой стороны, здѣсь также естественно стремленіе къ упрощенію правописанія, приближеніе этого процесса къ фонетическому принципу, и хотя полнаго осуществленія этого принципа не можетъ быть, но тѣмъ не менѣе мы видимъ попытки въ самыхъ разнообразныхъ странахъ Европы, къ упрощенію въ этой области, къ ослабленію историческаго элемента и къ выдвиганію фонетическаго принципа именно въ интересахъ экономизаціи дѣтскихъ силъ. Эти попытки упрощенія имѣютъ мѣсто и у насъ. Они возникли уже давно и особенно интенсивно выразились въ началѣ этого столѣтія или, вѣрнѣе въ первое десятилѣтіе этого вѣка. Затѣмъ, въ связи съ событіями общественнаго характера, мы ви-

димъ пониженіе интереса къ этому вопросу, но въ послѣднее время опять наблюдаемъ оживленіе этого интереса, и все это указываетъ, конечно, на важность выясненія этого вопроса и съ точки зрѣнія экспериментальной психологіи и установленія опредѣленнаго къ нему отношенія, которое можетъ быть использовано въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго рѣшенія орфографической проблемы. Я не могу, конечно, вводить васъ во всѣ подробности разсмотрѣнія этой проблемы - мнѣ важно только указать основные моменты въ рѣшеніи этой проблемы, отмѣтивъ различные факторы, которые могутъ привлекаться здѣсь, и, главное, связавъ это съ тѣми результатами, какіе мы имѣемъ въ настоящее время въ области экспериментальной психологіи, въ частности, въ области изслѣдованія памяти. Здѣсь, прежде всего, нужно сказать, что процессъ усвоенія правописанія является процессомъ очень сложнымъ и предполагающимъ участіе различныхъ факторовъ. Факторы эти всѣмъ извѣстны, причемъ здѣсь имѣется въ виду, несомнѣнно, анализъ разнообразнаго матеріала, какъ предмета усвоенія; я разумѣю воздѣйствіе этого матеріала на различные органы внѣшнихъ чувствъ, усвоеніе матеріала этого тѣмъ или другимъ способомъ, и въ связи съ этимъ мы видимъ здѣсь и соотвѣтствующіе пріемы усвоенія орфографіи. Эти пріемы связаны, прежде всего, съ зрительными и слуховыми впечатлѣніями, хотя здѣсь могутъ имѣть мѣсто и впечатлѣнія двигательныя или моторныя, въ связи съ тѣми явленіями движенія, которыя неизбѣжны въ процессѣ письма, отчасти и въ процессѣ воспріятія слуховыхъ впечатлѣній. Поэтому, если идетъ рѣчь о способѣ усвоенія орфографіи, мы можемъ говорить объ усвоеніи правилъ начертанія пу-

темъ слуховыхъ воспріятій прежде всего, когда передъ нами имѣются извѣстные звуки, вызывающіе соотвѣтственное изображеніе ихъ. Затѣмъ, мы можемъ здѣсь имѣть въ виду или только слушаніе этихъ звуковъ или и произношеніе ихъ. Далѣе, мы можемъ считаться съ зрительными воспріятіями, т.е. имѣть въ виду только разсмотрѣніе начертанія извѣстнаго слова, или же здѣсь можемъ говорить и о самомъ процессѣ письма, когда мы, разсматривая это начертаніе, сами произносимъ это слово, когда, слѣдовательно, здѣсь привлекается въ значительной степени и моторная дѣятельность. Затѣмъ, здѣсь можно говорить о болѣе сознательномъ усвоеніи правописанія, когда предполагается уже болѣе тщательный анализъ не только элементовъ письма, но и мыслей, которыя заключаются въ содержаніи опредѣленнаго матеріала, когда идетъ рѣчь о сознательномъ усвоеніи правописанія или въ области этимологіи или въ области синтаксиса, когда здѣсь мы имѣемъ въ виду возведеніе къ извѣстному корню производныхъ словъ или когда здѣсь идетъ рѣчь о расчлененіи матеріала по смыслу, какъ это отчасти имѣетъ мѣсто при усвоеніи знаковъ препинанія и т.д. Вотъ обычные пріемы, съ которыми мы встрѣчаемся. Эти пріемы могутъ существовать отдѣльно, могутъ различно комбинироваться, и соотвѣтственно этому подлежатъ своеобразной педагогической оцѣнкѣ. Эти пріемы конкретно выражаются въ такого рода упражненіяхъ, какъ диктантъ, когда предполагается здѣсь прежде всего затрагиваніе чувства слуха и когда, далѣе, воспріятіе, полученное такимъ образомъ, переводится въ зрительное воспріятіе, имѣя въ виду извѣстное начертаніе буквъ; съ другой стороны, здѣсь можно

указать такое упражненіе, какъ списываніе, которое предполагаетъ, прежде всего, участіе зрительныхъ впечатлѣній и затѣмъ двигательныхъ; наконецъ, мы можемъ имѣть въ виду списываніе или съ печатнаго матеріала, или съ писаннаго. Эти основные виды и способы усвоенія орфографіи и явились предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій въ современной экспериментальной психологіи. Эти изслѣдованія не могутъ считаться законченными, хотя нѣкоторыми психологами разсматриваются какъ уже пришедшія къ опредѣленнымъ результатамъ, которые должны быть положены въ основу извѣстныхъ практическихъ пріемовъ въ обученіи орфографіи. Здѣсь, какъ извѣстно, наибольшею популярностью пользуются изслѣдованія Лая, нѣмецкаго педагога, не столько спеціалиста по экспериментальной психологіи, сколько именно педагога-практика, хотя постоянно считающагося съ данными экспериментальной психологіи. Намъ извѣстны работы, произведенныя этимъ изслѣдователемъ, который старался опѣнить сравнительное значеніе различныхъ способовъ усвоенія орфографіи, именно такихъ способовъ, которые связаны съ зрительными и слуховыми воспріятіями и которые, далѣе, выражаются въ различнаго рода комбинированіи методовъ усвоенія процесса правописанія. Лай произвелъ значительное число опытовъ, въ цѣляхъ анализа различныхъ пріемовъ столь извѣстныхъ изъ практической педагогики, разумѣя здѣсь усвоеніе правописанія или слуховымъ путемъ, когда основнымъ дидактическимъ пріемомъ является диктантъ, или преимущественно путемъ зрительныхъ воспріятій, въ формѣ списыванія. Но Лай имѣлъ въ виду не только каждый изъ этихъ процессовъ въ такой общей, суммированной фор-

мѣ, но и въ формѣ болѣе дифференцированной, т.е. когда, напр., при слуховыхъ воспріятіяхъ онъ имѣлъ въ виду или исключительно слуховыя воспріятія, (т.е. письмо подъ диктовку, совершенно не произнося словъ, и съ этой цѣлью принималъ особыя мѣры предосторожности, напр., зажиманіе зубами языка и т.п.) или допускалъ тихое произнесеніе словъ про себя или, наконецъ, дозволялъ громкое произнесеніе. Значитъ предполагалось слуховое воспріятіе или безъ всякаго содѣйствія моторнаго аппарата, или съ содѣйствіемъ очень незначительнымъ, или съ содѣйствіемъ болѣе значительнымъ. Затѣмъ, далѣе, здѣсь имѣлись въ виду зрительныя воспріятія, - именно, разсматриваніе усвояемаго матеріала опять безъ всякаго произнесенія, или его разсматриваніе и произнесеніе, или разсматриваніе и списываніе. Здѣсь, слѣдовательно, постепенно привлекалось участіе различныхъ дополнительныхъ факторовъ. Наконецъ, имѣлось въ виду списываніе съ печатнаго матеріала, и наконецъ, списываніе съ написаннаго произведенія или съ прописи. Лай изслѣдовалъ всѣ эти способы усвоенія орфографіи, причемъ онъ производилъ изслѣдованія съ безсмысленнымъ матеріаломъ, съ безсмысленными словами, именно, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы устранить здѣсь участіе воли, роль чувства и всякаго рода ассоціацій. Изъ своихъ опытовъ Лай выводитъ такое заключеніе; что наибольшее число ошибокъ дѣлалось именно при слуховомъ воспріятіи, въ особенности, если здѣсь не было никакого произнесенія про себя или вслухъ и т.д.; затѣмъ, число ошибокъ постепенно уменьшалось въ зависимости отъ привхожденія сюда этого фактора - произнесенія про себя или вслухъ; дальнѣйшее

уменьшеніе замѣчалось въ связи съ разсмотрѣніемъ начертанія словъ, и съ произнесеніемъ списываемаго, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ число ошибокъ понижалось до минимума, если списываніе происходило съ написаннаго текста, а не съ книги, Отсюда дѣлается такой заключительный выводъ, что въ процессѣ обученія орфографіи главное значеніе принадлежитъ списыванію именно съ написаннаго текста, а не съ печатнаго. Но такого рода изслѣдованія или вѣрнѣе выводы изъ нихъ едва ли могутъ считаться окончательными, а, главнымъ образомъ, они не вскрываютъ всѣхъ особенностей того процесса, который наблюдается здѣсь и который важно оцѣнить теоретически и учитывать практически. Прежде всего нужно указать на то обстоятельство, что Лай имѣлъ дѣло съ матеріаломъ безсмысленнымъ, который выдвигался здѣсь въ виду того, что желательно было изолировать самую дѣятельность запоминанія отъ другихъ факторовъ; но въ то же время этотъ матеріалъ не соотвѣтствовалъ естественному процессу усвоенія, гдѣ на самомъ дѣлѣ предполагается матеріалъ съ осмысленнымъ содержаніемъ, вполнѣ доступнымъ для ребенка. И нѣкоторыя дальнѣйшія изслѣдованія, напр., изслѣдованія Лобзина, показали. въ этомъ смыслѣ различіе результатовъ въ зависимости отъ того, какой матеріалъ дается для усвоенія, т.е. если это матеріалъ безсмысленный, то списываніе является, дѣйствительно, болѣе плодотворнымъ по результатамъ, чѣмъ слышаніе или усвоеніе на почвѣ диктанта; если же опыты происходили съ матеріаломъ осмысленнымъ, то иногда получались результаты обратные, т.е. здѣсь и усвоеніе путемъ слуховыхъ воспріятій являлось очень

продуктивнымъ и иногда превосходило результаты списыванія. Значитъ, несомнѣнно, этому факту осмысленности или безсмысленности матеріала принадлежитъ большое значеніе, и можетъ быть, это различіе психологически объясняется тѣмъ, что въ процессѣ усвоенія осмысленнаго матеріала могутъ содѣйствовать болѣе утонченному усвоенію различнаго рода ассоціаціи, которыя гораздо труднѣе установить при усвоеніи безсмысленнаго матеріала. Затѣмъ, изъ этихъ опытовъ Лобзина и другихъ изслѣдователей вытекаетъ тотъ общій выводъ, что основное значеніе при оцѣнкѣ этихъ методовъ и при изученіи самаго процесса правописанія должно принадлежать факту анализа, который можетъ имѣть мѣсто и въ процессѣ зрительнаго усвоенія и въ процессѣ слухового воспріятія. Суть дѣла не въ томъ, слуховымъ или зрительнымъ путемъ воспринимаетъ ребенокъ, а именно въ томъ, какъ онъ производитъ этотъ анализъ и какъ ему легче его осуществить: путемъ зрѣнія или путемъ слуха. Здѣсь большое значеніе имѣютъ и прирожденныя способности и особенности зрительной и слуховой памяти, и, съ этой точки зрѣнія, у однихъ дѣтей этотъ анализъ можетъ быть произведенъ зрительнымъ путемъ, у другихъ - слуховымъ. Это бросаетъ извѣстный свѣтъ и на цѣнность такихъ основныхъ пріемовъ при обученіи орфографіи, какъ диктантъ или списываніе. Общій выводъ изъ этихъ изслѣдованій таковъ, что здѣсь трудно указать какіе нибудь безспорные выводы и считать эти работы окончательно говорящими или въ пользу диктанта или въ пользу списыванія. Здѣсь должны быть произведены дальнѣйшія изслѣдованія, которыя должны уяснить значеніе каждаго изъ

этихъ факторовъ - слухового и зрительнаго воспріятія, въ связи съ тѣмъ элементомъ анализа, которому, несомнѣнно, принадлежитъ главное значеніе въ процессѣ усвоенія орфографіи. Поэтому, если идетъ рѣчь о цѣнности диктанта, какъ мѣры, содѣйствующей усвоенію орфографіи, то здѣсь, безспорно, уже поколеблено универсальное значеніе этой мѣры, которое нерѣдко приписывается ей въ педагогической практикѣ. Эти изслѣдованія показали сложность и своеобразіе процесса усвоенія орфографіи и невозможность сводить къ какому нибудь одному фактору всѣ особенности этого процесса, часто значительно видоизмѣняющагося въ связи съ особенностями дѣтской психики и дѣтской организаціи. Поэтому, возлагать исключительныя надежды на это средство ни въ коемъ случаѣ нельзя, хотя это нисколько не уничтожаетъ значенія диктанта въ извѣстномъ объемѣ. Такъ можетъ имѣть значеніе диктантъ предупредительный, но главная роль всегда будетъ принадлежать тому анализирующему элементу, который имѣетъ мѣсто въ диктантѣ, въ особенности, если этотъ анализъ находится въ тѣсной связи съ прирожденными особенностями организаціи. Въ этомъ случаѣ можетъ оттѣняться значеніе соотвѣтственныхъ упражненій, хотя эти упражненія никогда не могутъ возводиться на степень универсальнаго средства. Съ другой стороны, что касается списыванія, то и этому процессу принадлежитъ большое значеніе и именно бо́льшее, чѣмъ какое приписывали ему ранѣе, хотя и онъ также не можетъ считаться универсальнымъ и единственнымъ средствомъ. Дѣло въ томъ, что успѣшность этого пріема связана съ особой формой памяти, именно, главнымъ образомъ, съ зрительн-

ною памятью, хотя эта память въ извѣстномъ объемѣ присуща всѣмъ дѣтямъ или всѣмъ людямъ. Съ другой стороны здѣсь большое значеніе принадлежитъ тому анализу, на который я указывалъ, когда въ процессѣ списыванія напрягается вниманіе, когда здѣсь имѣетъ мѣсто расчлененіе слова на отдѣльныя буквы и т.п. Если же этого нѣтъ, то, конечно, результаты могутъ быть не всегда цѣнны, и возможно списываніе съ цѣлымъ рядомъ ошибокъ, какъ это нерѣдко наблюдается въ педагогической практикѣ. Объясняется это тѣмъ, что здѣсь есть только схватываніе словъ, а нѣтъ прочтенія по буквамъ, нѣтъ предварительнаго анализа, который является столь цѣннымъ. При этомъ быстромъ схватываніи возможно неправильное воспріятіе, и такое воспріятіе можетъ быть запечатлѣно въ процессѣ списыванія. Поэтому здѣсь для успѣшности процесса также требуется присутствіе этой аналитической работы. Въ то же время здѣсь нужно имѣть въ виду и нѣкоторые отрицательные результаты этого процесса, которые могутъ быть связаны съ пониженіемъ вниманія, съ отсутствіемъ интереса, послѣдній можетъ не появиться здѣсь, если эта работа является совершенно механической. Въ этомъ смыслѣ извѣстныя формы слуховыхъ воспріятій, затрагивающія болѣе высшіе центры, напрягающія вниманіе, вызывающія напряженную аналитическую дѣятельность, могутъ имѣть положительное значеніе, чѣмъ утверждается и относительное значеніе диктанта. Такимъ образомъ, и отношеніе къ списыванію, какъ къ универсальному средству, должно быть довольно осторожно, и оцѣнка этого средства съ его положительной стороны, несомнѣнно, находится въ зависимости отъ того, насколько здѣсь затрагиваютъ-

ся другія процессы, насколько возбуждается эта аналитическая дѣятельность вниманія, насколько затрагивается интересъ, чувство, и въ зависимости отъ участія этихъ процессовъ, несомнѣнно, находится и успѣшность тѣхъ результатовъ, какіе здѣсь предполагаются. Все это также указываетъ на необходимость производить дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области, и строить какія нибудь окончательныя, безспорныя заключенія теперь является еще дѣломъ преждевременнымъ.

5. ВООБРАЖЕНІЕ. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ПРІЕМЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВООБРАЖЕНІЯ. ЗНАЧЕНІЕ ЭТОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ОБЩЕЙ СУММѢ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВООБРАЖЕНІЯ У ДѢТЕЙ. ОТНОШЕНІЕ КЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВООБРАЖЕНІЯ СО СТОРОНЫ ВОСПИТАТЕЛЯ И УЧИТЕЛЯ.

Я долженъ теперь обратиться къ анализу дѣятельности воображенія. Эта дѣятельность нерѣдко разсматривается, какъ дѣятельность вполнѣ самостоятельная въ отношеніи дѣятельности памяти, но при ближайшемъ анализѣ мы увидимъ, что здѣсь связь съ дѣятельностью памяти очень тѣсная и нѣкоторыя формы воображенія даже трудно отличить отъ простого воспроизведенія. Такъ, если мы будемъ анализировать простое воспроизведеніе въ видѣ воспоминанія, то и здѣсь, конечно, никогда не бываетъ совершенно точнаго фотографированія дѣйствительности, но неизбѣжно вмѣшивается примышленіе, иногда очень значительное. Что касается дѣятельности воображенія въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь это привхожденіе новыхъ элементовъ выражается не столько въ содер-

Жаніи самихъ элементовъ, сколько ихъ комбинаціяхъ. Эта комбинація является наиболѣе типичной чертой дѣятельности воображенія. Въ виду того, что между воображеніемъ въ собственномъ смыслѣ и воспроизведеніемъ такая тѣсная связь, нерѣдко и самое воспроизведеніе называются также воображеніемъ, но только воображеніемъ репродуктивнымъ, т.е. просто воспроизводящимъ. Затѣмъ, при сравненіи дѣятельности воображенія съ дѣятельностью памяти мы предполагаемъ присутствіе въ воображеніи бо́льшей активности, хотя этотъ элементъ активности съ одной стороны, присущъ воспроизведенію, а съ другой - онъ не всегда налицо при воображеніи, такъ какъ послѣднее проявляется и въ пассивной формѣ. Въ виду этого, отличительной чертой дѣятельности воображенія естественно считать именно своеобразныя комбинаціи тѣхъ элементовъ, которые даны въ самихъ воспріятіяхъ и которые, какъ элементы, могутъ легко быть воспроизведены раздѣльно. Но если здѣсь мы наблюдаемъ участіе комбинаторной дѣятельности, которая соединяетъ элементы, данные въ воспріятіи, то это является типичнымъ именно для воображенія. Это соединеніе элементовъ предполагаетъ связь или даже зависимость дѣятельности воображенія отъ самихъ воспріятій, и элементы, какъ матеріалъ этой построительной дѣятельности воображенія, предполагаются данными въ самихъ ощущеніяхъ, такъ что если ихъ тамъ не было, то невозможна была бы и дальнѣйшая творческая дѣятельность. Поэтому, какъ бы сложны и причудливы ни были продукты воображенія, эта связь его съ дѣйствительностью всегда удерживается. Такимъ образомъ, здѣсь опять мы видимъ тѣс-

листъ 10-й.

ную связь или, вѣрнѣе, даже прямо сродство дѣятельности воображенія съ дѣятельностью памяти. Затѣмъ, указывая на другія отличительныя особенности дѣятельности воображенія по сравненію съ ранѣе указанными нами формами душевной жизни, мы должны здѣсь отмѣтить, что воображеніе обычно разсматривается, какъ дѣятельность не только по преимуществу, но иногда и исключительно интеллектуальная. Это интеллектуалистическое толкованіе дѣятельности воображенія объясняется тѣмъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло всегда съ извѣстнаго рода воспріятіями, которыя связаны съ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ, такъ что прежде всего здѣсь предполагается элементъ познанія; но при дальнѣйшемъ анализѣ мы увидимъ, что такое интеллектуалистическое истолкованіе этой дѣятельности является одностороннимъ и что на самомъ дѣлѣ дѣятельность воображенія находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью эмоціональной и жизнью нашей воли. Активный элементъ, какъ извѣстно, выступаетъ здѣсь очень замѣтно; съ другой стороны, всегда безспорной является связь дѣятельности воображенія съ жизнью чувства. Что касается этой послѣдней связи, то она обнаруживается въ томъ, что на почвѣ чувства можетъ развиваться и усиливаться дѣятельность воображенія. Эта дѣятельность можетъ какъ бы питаться чувствомъ, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ эмоцій, напримѣръ, въ чувствѣ страха. Здѣсь предполагается прежде всего существованіе чисто эмоціональнаго, можетъ быть, даже и на физіологическомъ фундаментѣ основаннаго состоянія, и далѣе уже на почвѣ этой эмоціи возникаютъ различные виды страха, когда дѣятельность во-

ображенія какъ бы усиливается, обостряется въ связи съ этимъ яркимъ выраженіемъ эмоціональной основы. Значитъ, здѣсь, хотя дѣятельность воображенія выражается въ созданіи опредѣленныхъ образовъ, комбинацій чисто интеллектуальныхъ, однако же тѣсная зависимость этого интеллектуальнаго творчества отъ эмоціональной основы является безспорной. Далѣе, здѣсь можно указать на то, что творчество, если брать этотъ процессъ во всей его конкретности, является актомъ въ высшей степени сложнымъ съ точки зрѣнія тѣхъ эмоціональныхъ элементовъ, которые входятъ въ его составъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ процессъ творчества въ области искусства или науки нельзя представлять процессомъ исключительно интеллектуальнымъ, безстрастнымъ и холоднымъ, лишеннымъ всякаго эмоціональнаго колорита. Наоборотъ, можно констатировать присутствіе чувства въ значительной степени въ этомъ процессѣ творчества - художественнаго или научнаго, когда мы наблюдаемъ своеобразное состояніе вдохновенія, которое характеризуется особыми эмоціональными чертами, когда здѣсь, далѣе, мы можемъ встрѣчать наиболѣе яркія формы выраженія такого состоянія въ видѣ своеобразнаго экстаза, который наблюдается у художниковъ и ученыхъ въ моментъ наивысшаго напряженія психики въ особенности въ связи съ удачными результатами умственной вообще психической дѣятельности. Такимъ образомъ, здѣсь передъ нами вскрывается тѣсная связь дѣятельности воображенія, типа творческаго воображенія, съ дѣятельностью или жизнью чувства. Я уже не говорю о томъ, что мы можемъ констатировать и обратный фактъ, именно вліяніе образовъ, созданныхъ этою дѣятельностью

стью, на жизнь чувства, когда вслѣдъ за извѣстными образами можетъ возникать и извѣстная эмоція, такъ что здѣсь можетъ быть отмѣчена зависимость другого, обратнаго рода. Если теперь мы обратимся къ выясненію связи дѣятельности воображенія съ нашей активностью, то эта связь также является для насъ безспорной. Активный элементъ оказывается совершенно неизбѣжнымъ для болѣе высшихъ формъ дѣятельности воображенія, гдѣ предполагается именно сознательная активность; съ другой стороны, мы можемъ отмѣчать формы воображенія преимущественно пассивныя, какъ это можно наблюдать у дѣтей, а иногда и у людей взрослыхъ; къ этой же формѣ относится дѣятельность воображенія во время сновидѣній, когда не предполагается сознательной активности, но когда, однако же, безспорно есть жизнь воображенія, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ воспроизведеніемъ. Съ другой стороны, мы можемъ наблюдать такія формы воображенія, гдѣ элементъ активности выступаетъ на первое мѣсто: это и есть именно творческое воображеніе, когда здѣсь предполагается сознательный замыселъ извѣстнаго произведенія, планъ не только художественнаго или научнаго, но, можетъ быть, обычнаго, конкретнаго, житейскаго дѣла, когда во всякомъ случаѣ здѣсь работа воображенія начинается съ извѣстной поставленной мысли, идеи, иногда цѣлаго плана, и когда передъ нами протекаетъ уже длинный, очень сложный, процессъ этой работы. Здѣсь только надо замѣтить, что это разграниченіе дѣятельности воображенія на пассивную и активную формы имѣетъ очень условный и относительный характеръ, и на него нельзя смотрѣть такимъ образомъ, что буд-

то бы всегда и во всякое время мы можемъ провести рѣзкую грань между пассивнымъ и активнымъ воображеніемъ. Здѣсь отношеніе таково же, какъ и въ процессѣ обыкновеннаго воспроизведенія или въ актѣ воспоминанія. И тамъ мы можемъ начинать работу съ сознательнаго процесса, когда мы намѣренно стремимся припомнить что нибудь, когда стараемся установить цѣлый рядъ ассоціацій, которыя помогли бы намъ дойти до той идеи, которая является цѣлью нашихъ исканій. Съ другой стороны, этотъ процессъ активной работы можетъ смѣняться и безсознательною дѣятельностью воспоминанія, въ иныхъ случаяхъ даже скорѣе приводящей къ желательной цѣли. Здѣсь мы видимъ замѣну активной формы пассивной; но равнымъ образомъ, мы можемъ наблюдать и обратный процессъ - смѣны пассивной формы активной, когда въ наше вниманіе сначала могутъ привлекаться какіе-нибудь случайныя впечатлѣнія, и намъ сначала приходится только пассивно слѣдить за ними, а затѣмъ уже можно выбрать нѣкоторые изъ этихъ впечатлѣній и сосредоточить на нихъ намѣренное, спеціальное вниманіе. Нѣчто похожее можно наблюдать и здѣсь, въ дѣятельности воображенія. Такъ, если мы возьмемъ обычныя формы пассивнаго воображенія, конечно, не такого, какъ сновидѣнія, гдѣ предполагается въ сущности отсутствіе вниманія, а если мы возьмемъ, напр., состояніе мечтательности, особенно у взрослаго человѣка, то и здѣсь эта пассивная форма естественно можетъ переходить въ активную, когда въ этотъ процессъ появленія образовъ непроизвольныхъ, случайныхъ можетъ вмѣшиваться сознательная мысль, и можетъ продолжаться дальнѣйшая творческая работа уже съ привнесеніемъ какой либо намѣрен-

но поставленной конечной цѣли. Нѣчто аналогичное можно наблюдать и въ области активнаго воображенія. Такъ здѣсь мы видимъ вначалѣ сознательную стадію, которая предполагаетъ опредѣленную мысль или планъ. Но, если мы будемъ анализировать дальнѣйшій процессъ творчества, то мы увидимъ, что въ этомъ процессѣ, который является часто очень длительнымъ, прерывающимся цѣлымъ рядомъ другихъ дѣятельностей и процессовъ, эта активная сознательная работа, эта творческая дѣятельность воображенія можетъ смѣняться дѣятельностью уже скорѣе пассивной, гдѣ этотъ элементъ сознательности почти совершенно уходитъ изъ поля вниманія самого творящаго. Это можно сказать какъ о научномъ творчествѣ, такъ и о творчествѣ художественномъ. Собственныя свидѣтельства нѣкоторыхъ ученыхъ и нѣкоторыхъ художниковъ именно показываютъ, что здѣсь, дѣйствительно, не можетъ быть активнаго творчества на всемъ протяженіи, безъ всякихъ исключеній, что на самомъ дѣлѣ здѣсь эта смѣна активнаго и пассивнаго элементовъ является неизбѣжной. Такъ, напр., Дарвинъ разсказываетъ, что онъ обдумывалъ свою теорію въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, причемъ здѣсь предполагается ясно поставленная цѣль, хотя основная идея вырабатывалась постепенно и не сразу приняла тотъ законченный видъ, который она имѣетъ уже въ болѣе крупныхъ произведеніяхъ Дарвина. Въ данномъ случаѣ предполагалось собраніе очень разнообразнаго матеріала, который не могъ сразу установить всѣхъ основныхъ положеній теоріи Дарвина. Послѣдняя требовала продолжительной разработки огромнаго сырого матеріала, и не на всякой отдѣльной стадіи этотъ процессъ столь длительной работы носилъ

ярко выраженный активный характеръ. То же самое можно сказать и относительно художественнаго творчества, поскольку мы и здѣсь видимъ такіе же примѣры очень длительнаго процесса созданія литературныхъ или другихъ аналогичныхъ произведеній. Напримѣръ, Гончаровъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что процессъ созданія нѣкоторыхъ его произведеній также опредѣлялся десятками лѣтъ, и здѣсь еще труднѣе предположить, чтобы въ теченіе всего этого времени работа носила ясно-сознательный характеръ. Въ художественномъ творчествѣ эта роль безсознательнаго или полусознательнаго элемента оказывается въ особенности значительной, когда здѣсь идетъ рѣчь именно о созданіи извѣстныхъ образовъ, самихъ типовъ, сценъ и т.д. когда, съ этой точки зрѣнія, здѣсь этому вторичному процессу работы - подсознательному или полусознательному - принадлежитъ гораздо большая роль, чѣмъ въ творчествѣ чисто научномъ. Все это указываетъ на то, что намъ трудно разграничить въ дѣятельности воображенія двѣ эти стадіи,

---

т.е. трудно держаться такого взгляда, что на самомъ дѣлѣ въ извѣстный моментъ есть дѣятельность только одного сознательнаго, истинно-активнаго воображенія, а въ другое время работаетъ воображеніе только пассивное. Сдѣланныя мною замѣчанія уже во многихъ пунктахъ подчеркиваютъ тѣсную связь дѣятельности воображенія и дѣятельности памяти. Но эта связь обнаружится въ еще болѣе сильной формѣ, если мы попытаемся рѣшить вопросъ относительно того, что же представляетъ изъ себя дѣятельность воображенія, можно ли ее разсматривать, какъ дѣятельность совершенно цѣльную, заключающую въ себѣ такія черты, которыя

должны ее отличать отъ другихъ дѣятельностей. Съ этой точки зрѣнія, мы какъ будто можемъ говорить только объ общей работѣ воображенія, не производя въ ней такого расчлененія, которое мы допускали въ области памяти. Но такого рода толкованіе дѣятельности воображенія въ исключительно обобщающей формѣ было бы совершенно ненужной абстракціей, не соотвѣтствующей конкретной дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, если мы будемъ болѣе углубленно анализировать дѣятельность воображенія, то увидимъ въ этой дѣятельности такую же тѣсную связь съ болѣе элементарными процессами, съ процессомъ ощущеній и воспріятій, какъ и въ дѣятельности памяти. Поэтому, соотвѣтственно основнымъ органамъ воспріятія, можно говорить о дѣятельности зрительнаго воображенія, о воображеніи слуховомъ, осязательно-моторномъ и т.д. Этотъ фактъ различія дѣятельности воображенія въ ея воспроизводящей формѣ, а также и въ формѣ болѣе творческой уже давно отмѣчался въ психологіи. Первую попытку въ этомъ направленіи мы видимъ у извѣстнаго англійскаго антрополога Гальтона, который въ своемъ „Изслѣдованіи человѣческой способности" пытается подчеркнуть эту мысль о тѣсной связи воображенія съ дѣятельностью опредѣленныхъ органовъ чувствъ. Съ этой цѣлью, онъ производилъ цѣлый рядъ опросовъ между выдающимися представителями науки, искусства и т.д. Эти опросы показали, что связь эта въ высшей степени тѣсная, что нельзя говорить съ самаго начала о дѣятельности воображенія, какъ о дѣятельности комбинаторной въ общемъ смыслѣ слова безъ отношенія къ опредѣленнымъ видамъ представленій. Затѣмъ, послѣдующія изслѣдованія и взрослыхъ и дѣтей под-

твердили этотъ фактъ различія дѣятельности воображенія, существованіе именно опредѣленныхъ образовъ и комбинацій этихъ образовъ у извѣстныхъ людей въ зависимости отъ типовъ памяти или, вѣрнѣе, отъ типовъ воспріятія. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи различія между людьми могутъ быть значительны, какъ между взрослыми, такъ и между дѣтьми. И въ настоящее время мы видимъ попытки въ области экспериментальной психологіи прибѣгать къ такимъ изслѣдованіямъ, и съ точки зрѣнія общихъ задачъ психологіи, и съ точки зрѣнія педагогики, поскольку здѣсь важно выяснить особенности образовъ, преобладающихъ у опредѣленнаго ребенка. Несомнѣнно такого рода особенности иногда могутъ вскрываться безъ труда и самыми простыми средствами изслѣдованія, напр., при помощи различнаго рода описаній, въ связи съ письменными работами - описательнаго или повѣствовательнаго характера, поскольку здѣсь мы можемъ наблюдать прямо преобладаніе извѣстныхъ образовъ, въ особенности, если идетъ рѣчь объ описаніи явленій, гдѣ яркость и разнообразіе этихъ образовъ разумѣется сама собою, - напр., описаніе бури, пожара и т.д. Здѣсь мы естественно должны встрѣчаться съ цѣлымъ рядомъ образовъ, которые связаны съ воздѣйствіемъ на извѣстные органы внѣшнихъ чувствъ. Конечно, намъ очень трудно установить болѣе точные методы изслѣдованія въ этомъ направленіи; равнымъ образомъ, трудно связать всѣ особенности этихъ образовъ съ особенностями чисто психическими. Само собою разумѣется, можно говорить о томъ, что всѣ эти образы въ такой общей формѣ могутъ наблюдаться у всякаго нормальнаго человѣка, въ частности, у всякаго нормаль-

наго ребенка, поскольку у него правильно функціонируютъ органы воспріятія. Съ другой стороны, здѣсь все же можно наблюдать извѣстное различіе между функціонированіемъ этихъ органовъ и, въ связи съ этимъ, различіе самихъ образовъ, когда это различіе касается обилія этихъ образовъ, ихъ наибольшей яркости, силы, въ зависимости отъ особенностей воспріятій, а иногда въ зависимости отъ эмоціональнаго темперамента ребенка. Во всякомъ случаѣ, такого рода изслѣдованія, хотя бы элементарнаго типа, являются цѣнными съ педагогической точки зрѣнія, поскольку ими проливается извѣстный свѣтъ на особенности дѣятельности воображенія и поскольку эти особенности могутъ быть использованы въ педагогическихъ цѣляхъ. Само собою понятно, что съ точки зрѣнія педагогической здѣсь естественно стремленіе къ тому, чтобы достигалось наибольшее богатство и разнообразіе образовъ, чтобы получалась извѣстная уравновѣшенность этой дѣятельности воображенія. Конечно, это стремленіе едва ли всегда можетъ осуществиться, поскольку преобладаніе опредѣленнаго типа образовъ или опредѣленнаго типа воображенія связано съ особенностями воспріятій и поскольку извѣстный типъ воображенія можетъ усиливаться и ослабляться въ зависимости отъ чувства, какъ это чувство вмѣшивается уже въ самый процессъ творчества. Я уже не говорю о томъ, что если мы будемъ изслѣдовать наиболѣе яркія формы воображенія, именно творческаго воображенія, какъ они встрѣчаются у различнаго рода художниковъ, будетъ ли это живописецъ, музыкантъ, поэтъ и т.д., то во всѣхъ этихъ случаяхъ мы опять всегда можемъ усматривать эту тѣсную связь дѣятельности во-

ображенія съ дѣятельностью памяти и, еще ранѣе, съ дѣятельностью органовъ чувствъ внѣшнихъ. Это, конечно, совсѣмъ не значитъ, что вся дѣятельность воображенія связана съ этими важнѣйшими элементами воспріятія и съ тѣми ихъ комбинаціями, которыя опять имѣютъ свои корни въ самомъ процессѣ воспріятія. На самомъ дѣлѣ работа воображенія оказывается гораздо болѣе сложной, и комбинаторная дѣятельность, разумѣется, не ограничивается только простымъ соединеніемъ этихъ болѣе изначальныхъ или первичныхъ элементовъ. Намъ, конечно, очень трудно, съ этой точки зрѣнія, охарактеризовать всѣ основные пріемы, которые можно наблюдать въ процессѣ творческаго воображенія, такъ какъ мы можемъ указать пріемы только болѣе простые, элементарные, а не тѣ, въ которыхъ выражаются наиболѣе сложные и разнообразные виды творчества. Всѣмъ, конечно, извѣстны, эти болѣе элементарныя формы дѣятельности воображенія, которыя сводятся къ простому уменьшенію или увеличенію самыхъ объектовъ воспріятія, когда здѣсь предполагается уменьшеніе или увеличеніе этихъ образовъ, будетъ ли это человѣкъ, животное или неодушевленные предметы, когда такого рода уменьшеніе или увеличеніе является очень легкимъ для дѣятельности всякаго типа воображенія :- и у дѣтей и у взрослыхъ. Затѣмъ также довольно элементарная форма воображенія обнаруживается въ простомъ соединеніи элементовъ, когда предполагается сочетаніе свойствъ или качествъ, наблюдаемыхъ въ отдѣльности у извѣстныхъ людей или у извѣстныхъ живыхъ существъ и, когда, далѣе, на почвѣ сочетанія этихъ качествъ, получаются новые образы, которые не были даны въ непосредствен-

номъ воспріятіи. Именно такимъ путемъ создаются всѣ такъ называемыя мифологическія представленія, когда мы имѣемъ передъ собою такую группировку частей человѣческаго организма, которая не встрѣчается въ дѣйствительности, или когда передъ нами соединеніе различныхъ частей человѣческаго организма и организма другихъ живыхъ существъ. Гораздо сложнѣе, конечно, тѣ типы творчества, которые мы встрѣчаемъ въ творчествѣ художественномъ и научномъ, когда здѣсь предполагаются комбинаціи также различныхъ особенностей и чертъ, но когда такія комбинаціи значительно удаляются отъ элементовъ, данныхъ въ непосредственномъ воспріятіи. Я разумѣю здѣсь творчество въ видѣ литературныхъ типовъ, въ видѣ различнаго рода повѣствованій, описаній и т.д., когда здѣсь имѣется въ виду не простое воспроизведеніе и не элементарное соединеніе этихъ частей, но болѣе сложный процессъ. То же самое, какъ мы увидимъ, можно сказать и о различныхъ видахъ научнаго творчества, которое на первый разъ оказывается также очень простымъ и элементарнымъ, но при болѣе глубокомъ проникновеніи оказывается также довольно своеобразнымъ, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ процессомъ открытія, съ нахожденіемъ того, что не дано въ непосредственномъ воспріятіи и что оказывается безспорно новымъ, хотя на первый взглядъ эта новизна и не кажется столь поражающей. Здѣсь, конечно, трудно свести къ какой нибудь схемѣ все это разнообразіе комбинацій, которыя всегда опираются на извѣстныя реальныя основы и которыя однакожъ никогда не исчерпываются тѣми элементами, которые даны въ самомъ воспріятіи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній относительно основныхъ принциповъ дѣятельности воображенія я теперь долженъ перейти къ выясненію значенія этой дѣятельности въ общей суммѣ нашей психики. Что касается этого значенія, то оно, какъ извѣстно, очень велико, хотя здѣсь не всѣ стороны или формы этой дѣятельности имѣютъ положительное значеніе. Что эта дѣятельность является безспорно необходимой для жизни, въ этомъ едва ли есть нужда распространяться, поскольку здѣсь мы имѣемъ въ виду постоянное предвосхищеніе будущаго, совершенно неизбѣжное для всякаго существованія, для всѣхъ видовъ человѣческой жизни. Съ другой стороны, можно дѣлать относительное различіе между пассивной и активной формами воображенія, и мы нерѣдко встрѣчаемся съ критическимъ отношеніемъ къ дѣятельности воображенія потому, что здѣсь на первый планъ выдвигается дѣятельность пассивнаго воображенія. Въ связи съ этимъ и дѣятельность воображенія вообще иногда разсматривается какъ такая, которая мѣшаетъ холодной, безстрастной работѣ разсудка, и, такимъ образомъ, является нѣкоторымъ тормазомъ на пути къ интеллектуальному совершенствованію. Но такого рода взглядъ справедливъ только отчасти, поскольку мы имѣемъ передъ собою опредѣленныя формы пассивнаго воображенія, въ видѣ мечтательности, въ видѣ построенія воздушныхъ замковъ, когда здѣсь предполагается оторванность отъ конкретной дѣйствительности, и въ связи съ этимъ - развитіе пассивныхъ чертъ характера. Здѣсь мы можемъ наблюдать удаленіе, уклоненіе отъ жизни, отъ борьбы, отъ наивысшаго напряженія энергіи, что нерѣдко встрѣчается и у взрос-

ныхъ людей. Съ другой стороны, преобладаніе такой мечтательности у дѣтей, какъ извѣстно, можетъ сопровождаться также нѣкоторыми иногда очень нежелательными результатами. Но въ такомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою только одну форму воображенія или одинъ типъ пассивнаго воображенія, ибо какъ мы видѣли раньше, и пассивное воображеніе является въ высшей степени важнымъ, когда оно сопровождается дѣятельностью воображенія активнаго или творческаго. Этому же послѣднему, т.е. творческому воображенію, принадлежитъ огромное значеніе въ жизни человѣка или человѣчества, причемъ нужно имѣть въ виду жизнь не только исключительныхъ лицъ, которыя обладаютъ особенно богатымъ воображеніемъ, но и жизнь обыкновеннаго, средняго человѣка, потому что и для него дѣятельность воображенія является совершенно неизбѣжной. Объ этомъ едва ли нужно много говорить, такъ какъ всякое предвосхищеніе будущаго совершенно неизбѣжно въ условіяхъ этого обычнаго существованія, а оно-то всегда предполагаетъ работу этой дѣятельности. Такимъ образомъ, у всякаго человѣка, независимо отъ качественныхъ результатовъ дѣятельности, мы можемъ наблюдать работу этой функціи, иногда въ очень сильной степени. И эта работа можетъ встрѣчаться какъ у лицъ, которыя своею дѣятельностью оставляютъ глубокіе, положительные слѣды въ жизни людей, общества или государства, такъ, съ другой стороны, и у такихъ лицъ, которыя, можетъ быть, всѣ свои усилія направляютъ на дѣйствія, совершенно противоположныя соціальнымъ и моральнымъ стремленіямъ. Сила воображенія и у этихъ послѣднихъ лицъ можетъ быть очень значительной, какъ она конкретно выражается

въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ дѣйствій и ухищреній, обнаруживающихъ иногда исключительное творчество, по результатамъ, съ точки зрѣнія общественной, можетъ быть, совершенно отрицательное. Но все это указываетъ на то, что всякаго рода дѣятельность, работа и жизнь связаны именно съ этой неизбѣжной функціей. И само собою понятно, что наиболѣе яркое выраженіе этой дѣятельности мы встрѣчаемъ въ такихъ фактахъ творчества, которые считаются нами наиболѣе цѣнными, какъ напр., творчество художественное или творчество научное. Намъ нѣтъ нужды говорить о громадной роли дѣятельности воображенія въ сферѣ художественнаго творчества, поскольку здѣсь эта роль всюду обнаруживается въ разнообразнаго рода искусствахъ, будутъ ли это искуоства пластическія или тоническія и т.п. Конечно, мы никогда не должны упускать изъ виду тѣсной связи этого творчества съ реальной жизнью, съ конкретными отношеніями, но, съ другой стороны, во всѣхъ видахъ искусства передъ нами всегда выступаетъ обиліе творчества, даже и въ тѣхъ типахъ творческой дѣятельности, которые носятъ реалистическій, даже натуралистическій характеръ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ комбинацій, которыя не даны непосредственной дѣйствительностью, не являются копіей или отраженіемъ этой дѣйствительности, а оказываются продуктомъ индивидуальнаго творчества на почвѣ воздѣйствія этой дѣйствительности. Для насъ, конечно, здѣсь можетъ имѣть большое значеніе чисто-научное изслѣдованіе самаго процесса творчества съ точки зрѣнія указанія его элементовъ и характеристики тѣхъ основныхъ комбинацій, какія могутъ имѣть мѣсто въ процессѣ твор-

чества музыкальнаго или литературнаго или въ какой либо другой формѣ искусства. Но къ сожалѣнію, эта область творчества изучена очень недостаточно, и здѣсь трудно установить какую нибудь закономѣрность; трудно даже установить отношеніе между сознательными и безсознательными элементами, а тѣмъ болѣе указать то разнообразіе комбинацій, которое встрѣчается здѣсь и какое не можетъ быть въ настоящее время сведено къ какой нибудь ясной, точной схемѣ. Для насъ важно здѣсь затронуть другой вопросъ, который на первый разъ кажется какъ бы еще болѣе спеціальнымъ и который, несомнѣнно, имѣетъ очень большое значеніе также и съ педагогической точки зрѣнія: это именно вопросъ о научномъ творчествѣ, вопросъ о значеніи именно творческаго воображенія въ научной работѣ, поскольку этотъ процессъ можетъ проливать извѣстный свѣтъ на самое усвоеніе знаній. Къ сожалѣнію, и этотъ процессъ является изученнымъ не достаточно полно, и мы можемъ только отмѣтить нѣкоторыя важнѣйшія черты этого процесса и подчеркнуть тѣсную зависимость его отъ предшествующей чисто сознательной стадіи, стадіи планомѣрной умственной работы. Здѣсь, прежде всего, нужно сказать, что, конечно, въ самомъ процессѣ усвоенія знаній или, вѣрнѣе, построенія такой общей и всѣмъ доступной картины научнаго знанія, воображенію принадлежитъ огромное значеніе и именно - опредѣленнымъ типамъ воображенія, когда здѣсь предполагаются извѣстныя знанія изъ области математики, исторіи, географіи, естественныхъ наукъ и т.д., когда здѣсь передъ нами не непосредственныя воспріятія, а именно такая картина, которая получается, какъ нѣчто цѣльное

на почвѣ этихъ воспріятій, не исчерпывающихъ всѣхъ особенностей этой картины. Вѣдь если мы имѣемъ дѣло даже съ такой областью, какъ математика, которая, повидимому, предполагаетъ, прежде всего, такое чисто интеллектуальное холодное и безстрастное постиженіе, - то и здѣсь роль воображенія, несомнѣнно, значительна, въ особенности, когда рѣчь идетъ о такомъ отдѣлѣ математики, какъ геометрія, гдѣ предполагается усвоеніе пространственныхъ отношеній въ формѣ образовъ, когда съ ними тѣсно связана дальнѣйшая плодотворность работы, возможность болѣе сложныхъ комбинацій - и все это - на почвѣ зрительнаго воображенія. Я уже не говорю о томъ, что изученіе различныхъ видовъ явленій природы или различныхъ типовъ естественныхъ наукъ предполагаетъ, конечно, эту тѣсную связь, или эту напряженную работу воображенія, когда здѣсь, опять отправляясь отъ извѣстнаго непосредственнаго воспріятія, создаютъ нѣчто такое, что не дается въ этихъ воспріятіяхъ, что является расширеніемъ области непосредственныхъ переживаній и, въ концѣ концовъ, оказывается продуктомъ своеобразнаго творчества. Это тѣмъ болѣе можно сказать о такихъ областяхъ знанія, которыя касаются, напр., нѣкоторыхъ невиданныхъ нами странъ, когда приходится имѣть дѣло съ такими явленіями, которыя неизбѣжно только создаются или представляются, а не находятся въ области непосредственныхъ воспріятій. Нѣтъ нужды также говорить о томъ, что изученіе такихъ наукъ, какъ науки историческія, предполагаютъ эту исключительную работу воображенія, не только въ элементарной формѣ, въ смыслѣ созданія яркости извѣстныхъ образовъ, но и въ болѣе

углубленномъ видѣ, когда здѣсь предполагаются извѣстныя историческія построенія, касающіяся жизни народовъ, не только въ видѣ образовъ и картинъ, но и въ видѣ своеобразныхъ схемъ, которыя строятся на почвѣ отвлеченія отъ извѣстныхъ конкретныхъ явленій. Но и сами эти явленія, поскольку они составляютъ предметъ чисто историческаго изученія, оказываются въ то же время продуктомъ извѣстнаго творчества, потому что эти явленія никогда не могутъ быть предметомъ непосредственнаго созерцанія, а только могутъ быть возсозданы на почвѣ тѣхъ элементовъ, какіе даны въ непосредственномъ воспріятіи въ процессѣ изученія условій человѣческой жизни въ доступной намъ средѣ и въ современную намъ эпоху. Говоря все это, я имѣю здѣсь въ виду не только тѣ обычные виды научнаго познанія, которые являются неизбѣжными для всѣхъ, но и болѣе высокія формы научнаго творчества, которыя свидѣтельствуютъ объ исключительномъ напряженіи фантазіи и которыя подтверждаютъ эту тѣсную связь интеллекта, холодныхъ, безстрастныхъ изслѣдованій съ работой воображенія. Здѣсь мы встрѣчаемся именно съ тѣмъ исключительнымъ явленіемъ въ области человѣческаго духа, которое конкретно выражается въ видѣ различнаго рода открытій и изобрѣтеній, когда здѣсь, дѣйствительно, передъ человѣческимъ духомъ раскрывается нѣчто какъ бы совершенно новое, нѣчто такое, что доселѣ не существовало именно въ этой комбинаціи или въ этой формѣ. Это можно сказать и о нѣкоторыхъ открытіяхъ конкретнаго характера, которыя предполагаютъ или указываютъ на извѣстное явленіе, предметъ и т.д., когда это явленіе или предметъ оказывается комбинаціей раньше

существующихъ элементовъ, какъ это можно сказать о многихъ открытіяхъ. Съ другой стороны, здѣсь имѣются въ виду и открытія болѣе абстрактнаго характера, когда предполагается формулированіе извѣстныхъ принциповъ, установленіе такихъ законовъ, которые обнимаютъ собою явленія, ранѣе бывшія какъ бы разрозненными и считавшіяся совершенно самостоятельными, не подведенными подъ какой нибудь общій принципъ. Что же касается этого процесса научнаго открытія, то онъ нерѣдко разсматривается какъ процессъ своеобразнаго озаренія, какъ процессъ исключительно интуитивный или какъ результатъ безсознательной работы, совершенно несвязанной съ предшествующей напряженной умственной дѣятельностью. Но такого рода истолкованіе оказывается односторонним и совершенно ошибочнымъ, поскольку настоящія научныя открытія выражаются въ формулированіи гипотезъ, въ высшей степени цѣнныхъ, иногда опредѣляющихъ міросозерцаніе человѣчества на довольно продолжительное время. Изслѣдованіе всего этого процесса показываетъ, что здѣсь безспорно эта конечная стадія нерѣдко самими изслѣдователями разсматривается, какъ состояніе своеобразнаго озаренія, интуиціи, но что на самомъ дѣлѣ этой конечной стадіи предшествовала продолжительная умственная работа опредѣленнаго индивидуума, а иногда даже цѣлаго ряда поколѣній. Во всякомъ случаѣ, это можно сказать объ открытіяхъ, которыя связаны съ именами Ньютона, Гете или Дарвина, когда здѣсь предполагается формулированіе принциповъ какъ бы по совершенно случайнымъ поводамъ или мотивамъ. Относительно Ньютона разсказываютъ, напримѣръ, что окончательное формулированіе великаго

закона тяготѣнія у него связано съ наблюденіемъ такого факта, какъ паденіе яблока съ дерева. Но, конечно, такого рода объясненіе едва ли было бы достаточно, потому что, если даже признать справедливость этого факта, то онъ можетъ быть понятенъ только при условіи предварительной продолжительной работы Ньютона, когда его мысль въ теченіе многихъ лѣтъ была занята этимъ изученіемъ явленія тяжести, когда, слѣдовательно, этотъ конечный синтезъ явился только самой послѣдней, конечной стадіей, увѣнчавшей эту продолжительную напряженную работу. То же самое можно сказать и объ установленіи принципа гомологіи въ области біологіи, который связанъ съ именемъ Гете. Въ частности, здѣсь разумѣется мысль о томъ, что нѣкоторыя важныя части человѣческаго организма являются естественнымъ развитіемъ другихъ какъ бы менѣе значительныхъ и не всегда похожихъ частей. Такъ, напр. позвонки имѣютъ для себя естественное продолженіе въ черепѣ, такъ что черепъ поэтому представляетъ изъ себя не что иное, какъ только разросшійся позвонокъ. Если иногда указываютъ, что это открытіе произошло совершенно случайно и неожиданно, въ видѣ моментальнаго озаренія, то такого рода толкованіе опять является ненаучнымъ, потому что эта мысль могла возникнуть у извѣстнаго человѣка только послѣ того, какъ онъ въ теченіе долгаго времени сосредоточивался надъ этими вопросами, пытаясь найти извѣстную схему, которая обняла бы все разнообразіе анатомическаго строенія и помогла бы указать здѣсь извѣстный объединяющій принципъ. То же самое можно сказать и о Дарвинѣ или о формулированіи имъ принципа борьбы за существованіе. Въ этомъ случаѣ

опять указываютъ иногда на то, что этотъ принципъ былъ найденъ – какъ бы интуитивно, путемъ своеобразнаго озаренія. На самомъ же дѣлѣ здѣсь предполагается опять процессъ продолжительной предварительной работы, когда этотъ принципъ борьбы за существованіе, какъ разсказываетъ самъ Дарвинъ, впервые возникъ у него въ связи съ наблюденіемъ ожесточенной борьбы на биржѣ, съ явленіемъ ажіотажа. Значеніе этого принципа у него постепенно расширялось въ связи съ изученіемъ другихъ явленій въ жизни человѣка и въ особенности въ жизни животныхъ, пока, наконецъ, этотъ принципъ не былъ перенесенъ на жизнь растеній, гдѣ онъ и былъ затѣмъ твердо установленъ путемъ многолѣтнихъ тщательныхъ изслѣдованій. Здѣсь мы видимъ, слѣдовательно, отожествленіе такихъ явленій, которыя на первый разъ кажутся довольно различными и которые въ концѣ концовъ все же могутъ быть подведены подъ опредѣленный принципъ. Это широкое обобщеніе, которое является столь типичнымъ для творчества, можетъ произойти не путемъ моментальной интуиціи, мгновеннаго озаренія, а именно въ связи съ продолжительной предварительной работой и тщательнымъ изученіемъ. Все это, слѣдовательно, указываетъ на то, что въ научной области этотъ процессъ дѣятельности воображенія, творчества имѣетъ положительное значеніе тогда, когда онъ удерживаетъ эту тѣсную связь съ сознательной человѣческой дѣятельностью, съ исключительнымъ напряженіемъ человѣческаго ума, работающимъ по извѣстнымъ логическимъ законамъ. Какъ бы то ни было, всѣ эти замѣчанія указываютъ на то, что дѣятельности воображенія, особенно въ ея болѣе сложной формѣ, принадлежитъ огромное значеніе

въ жизни человѣка и человѣчества, и самый прогрессъ человѣчества и человѣческой дѣятельности тѣсно связанъ съ этой функціей.

Теперь я долженъ обратить ваше вниманіе на вопросъ о развитіи этой дѣятельности, на вопросъ о томъ, какъ эта дѣятельность постепенно раскрывается въ условіяхъ индивидуальнаго роста. Что касается этого процесса развитія, то мы можемъ замѣчать возникновеніе этой дѣятельности воображенія еще въ очень ранней стадіи, въ эпоху ранняго дѣтства, еще до появленія рѣчи у ребенка. Что воображеніе здѣсь имѣется, это безспорно, если представлять себѣ воображеніе въ формѣ чисто элементарной, репродуктивной дѣятельности, которая обнаруживается еще въ актѣ узнаванія. Съ другой стороны, мы можемъ видѣть нѣкоторое осложненіе этой репродукціи, когда предполагается воспроизведеніе и нѣкоторое примышленіе, иногда совершенно невольное, но имѣющее мѣсто у ребенка. Затѣмъ здѣсь же, въ этотъ ранній возрастъ мы можемъ наблюдать проявленіе этой дѣятельности, какъ пассивной функціи, въ сновидѣніяхъ, которыя можно предположить у дѣтей еще въ очень раннемъ возрастѣ. Эта функція проявляется отчасти въ связи съ чисто органическими процессами, отчасти - въ связи съ чисто реальными впечатлѣніями, которыя имѣетъ ребенокъ во время бодрствованія. Затѣмъ, дальнѣйшій ростъ дѣятельности воображенія осложняется и проявляется въ болѣе яркой формѣ въ связи съ процессомъ развитія рѣчи. Этотъ процессъ предполагаетъ, прежде всего, упражненіе репродуктивной дѣятельности, такъ какъ рѣчь развивается первоначально пассивнымъ образомъ, путемъ подражанія,

но здѣсь вмѣшивается, какъ извѣстно, и творческій элементъ, иногда непроизвольно, иногда произвольно въ видѣ сознательнаго искаженія рѣчи. Иногда это творчество выражается въ созданіи своеобразнаго языка у дѣтей, который удерживается, въ иныхъ случаяхъ, на довольно продолжительное время. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы видимъ уже значительное напряженіе этой дѣятельности, которая обнаруживается особенно сильно позднѣе, когда ребенокъ уже овладѣлъ самой способностью рѣчи. Здѣсь это творчество постоянно обнаруживается въ процессѣ передачи своихъ собственныхъ душевныхъ состояній, когда ребенокъ, давая извѣстное показаніе или свидѣтельствуя о собственныхъ переживаніяхъ, неизбѣжно является жертвой воображенія. Такъ, благодаря особенной яркости и интенсивности извѣстныхъ образовъ или благодаря ихъ тѣсной связи съ опредѣленными чувствами, эта дѣятельность воображенія вторгается въ самый процессъ воспроизведенія, искажаетъ это воспроизведеніе, и ребенку даже самому иногда трудно ясно опредѣлить, говоритъ ли онъ правду или лжетъ, вполнѣ ли вѣрно онъ воспроизводитъ то, что онъ хотѣлъ воспроизвести и что онъ дѣйствительно пережилъ, или же здѣсь невольно вторгается элементъ вымысла. Все это указываетъ на то, что дѣятельность воображенія въ эпоху 3-4-5 лѣтъ функціонируетъ очень интенсивно, что здѣсь нѣкоторые образы достигаютъ исключительной яркости. Безспорно, въ этотъ ранній возрастъ мы видимъ преобладаніе зрительнаго воображенія, и вообще зрительное воображеніе является наиболѣе распространеннымъ въ этомъ смыслѣ, если не имѣть въ виду исключительные случаи воображенія звукового или слухового. Можетъ

быть, этимъ отчасти объясняется своеобразное психологическое явленіе, которое иногда встрѣчается и у взрослыхъ, но гораздо чаще наблюдается у дѣтей. Я разумѣю синонсію или синестезію, явленіе окрашиванія звуковъ. Это явленіе можетъ быть связано съ фактомъ особенной интенсивности извѣстныхъ цвѣтовыхъ образовъ, которая такъ выражена у дѣтей въ опредѣленномъ возрастѣ и которая у отдѣльныхъ лицъ остается и въ теченіе всей жизни. Мы не имѣемъ возможности входить въ подробный анализъ этого факта и только отмѣчаемъ его какъ типичное для ранней эпохи явленіе. Я не буду подробно распространяться о томъ, что эта роль воображенія проявляется у дѣтей въ томъ же дошкольномъ возрастѣ въ связи съ олицетвореніемъ предметовъ, въ связи съ анимистическимъ истолкованіемъ явленій, которое такъ типично для этого возраста. Но, конечно, этимъ не ограничивается роль воображенія въ эту эпоху; она, далѣе, обнаруживается въ своеобразномъ творчествѣ дѣтей, которое выражается въ собственныхъ произведеніяхъ ребенка, въ стремленіи создавать или сочинять „исторіи", когда самъ ребенокъ различаетъ здѣсь вымыселъ отъ воображенія, когда, далѣе, здѣсь эта дѣятельность воображенія выражается въ явленіи исключительной любви дѣтей къ фантастическому, чудесному, причемъ это послѣднее считается или соотвѣтствующимъ конкретной дѣйствительности или ясно отличающимся отъ нея.

Что касается этой особенности дѣтскаго возраста, то она находитъ для себя объясненіе въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ психологическихъ причинъ интеллектуальнаго и эмоціональнаго характера. Я разумѣю здѣсь, прежде всего, то обстоятельство, что здѣсь в такого рода разсказахъ всегда есть элементъ новизны, отличный отъ того, который ребенокъ наблюдаетъ въ окружающей его дѣйствительности. Содержаніе этого фантастическаго повѣствованія, естественно, захватываетъ вниманіе ребенка и уноситъ въ такой міръ, который кажется ему болѣе привлекательнымъ, интереснымъ, чѣмъ та дѣйствительность, которая является предметомъ его постояннаго созерцанія. Затѣмъ эта притягательность усиливается тѣмъ, что работа воображенія ребенка здѣсь особенно интенсивна и ярка. Образы, которые создаются такимъ путемъ, получаютъ наибольшую выпуклость и яркость, въ особенности на почвѣ зрительнаго воображенія. Далѣе, въ извѣстной болѣе ранней стадіи самый этотъ вымыселъ въ большей части случаевъ считается вполнѣ реальной дѣйствительностью, и это обстоятельство, разумѣется, увеличиваетъ его притягательную силу. Здѣсь нужно замѣтить, что не всегда есть полное отожествленіе этого вымысла съ реальностью, потому что мы можемъ наблюдать иногда любовь къ фантастическому и при сознаніи яснаго различія между тѣмъ, что дѣйствительно происходитъ въ реальныхъ условіяхъ, въ окружающей обстановкѣ, и тѣмъ что содержится въ извѣстныхъ сказкахъ, легендахъ и т.п.

Наконецъ, здѣсь важно указать на то, что въ этихъ случаяхъ мы видимъ затрагиваніе самыхъ разнообразныхъ эмоцій дѣтскаго возраста, затрагиваніе иногда очень сильное и интенсивное въ связи съ яркостью событія, когда здѣсь возбуждаются такія чувства, какъ симпатія, любовь, негодованіе, или ненависть и т.д., когда здѣсь возбуждается и такое чувство, какъ страхъ, имѣющій извѣстную притягательную силу въ томъ случаѣ, когда нѣтъ реальной опасности, а когда есть переживанія, или воображеніе, состоянія другихъ лицъ, подвергающихся опасности,-все это дѣйствуетъ захватывающимъ образомъ на всю психику ребенка. Затѣмъ, въ эпоху ранняго же дѣтства мы можемъ наблюдать проявленіе дѣятельности воображенія въ различнаго рода играхъ дѣтей, носятъ ли эти игры одиночный характеръ, когда ребенокъ играетъ при помощи игрушекъ, являются ли онѣ соціальными, когда здѣсь предполагается уже взаимодѣйствіе между различными дѣтскими индивидуумами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, затрагивается не дѣятельность только воображенія, но преимущественно дѣятельность эмоціональная и самые различные инстинкты, связанные съ обнаруженіемъ и сознаніемъ собственной силы, собственной активности, и такого рода сознаніе опять является въ высшей степени пріятнымъ и, естественно, напрягаетъ силы ребенка до наивысшей степени. Но во всякомъ случаѣ, воображенію здѣсь принадлежитъ большая

роль, потому что всякія игры не являются простымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности; не сводятся только къ факту подражательности, но представляютъ изъ себя нѣчто болѣе сложное и, во всякомъ случаѣ, творческое, здѣсь мы всегда имѣемъ дѣло съ своеобразнымъ воспроизведеніемъ и даже толкованіемъ дѣйствительности, иногда совершенно оригинальной перестройкой. Что касается самой дѣятельности воображенія въ смыслѣ ея силы въ этотъ ранній періодъ дѣтства, то, конечно, сила этого воображенія, которую нерѣдко представляютъ, какъ исключительную, нельзя понимать въ смыслѣ полнаго превосходства воображенія ребенка надъ воображеніемъ взрослаго человѣка. Если понимать воображеніе въ смыслѣ многочисленности и разнообразія самихъ образовъ, которые можно наблюдать, съ одной стороны, въ душѣ ребенка, съ другой - въ душѣ взрослаго человѣка, то, конечно, у этого послѣдняго, т.е. у взрослаго, эти образы гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у ребенка, поэтому и нельзя говорить о преимущественномъ богатствѣ воображенія у дитяти. Равнымъ образомъ, нельзя говорить и о большемъ количествѣ (у ребенка) комбинацій, которыя получаются на почвѣ этихъ образовъ. Но, съ другой стороны, преимущественное отличіе дѣятельности воображенія ребенка отъ взрослаго въ этотъ ранній періодъ заключается въ томъ, что здѣсь мы можемъ видѣть наибольшую интенсивность самыхъ образовъ дитяти и большую яркость, рельефность, въ особенности, ког

да они связаны съ зрительными воспріятіями. И въ то же время здѣсь можно наблюдать такія своеобразныя комбинаціи которыя могутъ быть чужды уму взрослаго человѣка; потому что взрослый человѣкъ для такихъ комбинацій всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны реальной дѣйствительности, которая ему знакома гораздо больше, чѣмъ ребенку. Поэтому, ребенокъ часто можетъ не стѣсняться этими впечатлѣніями реальности: у него меньше знанія этихъ отношеній между явленіями природы, между людьми и т.д. Здѣсь, такимъ образомъ, возможны такія сочетанія, которыя являются совершенно чуждыми душѣ взрослаго человѣка. Здѣсь же , въ этотъ ранній, дошкольный періодъ жизни, мы можемъ наблюдать различные типы воображенія въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ эти типы встрѣчаются въ области дѣятельности памяти Я уже ранѣе указывалъ на то, что дѣятельность воображенія нельзя представлять себѣ, какъ дѣятельность неразложимую, цѣльную, совершенно не связанную съ процессомъ воспріятія. Наоборотъ, я отмѣчалъ, что образы, будутъ ли они просто воспроизведенными или будутъ представлять извѣстныя комбинаціи - эти образы тѣсно связаны съ извѣстными воспріятіями; поэтому и у дѣтей мы можемъ наблюдать различія въ этомъ направленіи, преобладаніе образовъ зрительныхъ, слуховыхъ или осязательно мускульныхъ и т.д. Такого рода различія иногда могутъ обнаруживаться очень рано при помощи различнаго рода пріемовъ, напри-

мѣр различнаго рода описаній, гдѣ есть матеріалъ, который получается на почвѣ зрительныхъ, слуховыхъ или осязательно-мускульныхъ воспріятій, и также простое ознакомленіе съ образами, которые выражены въ извѣстной работѣ, могутъ свидѣтельствовать о преобладаніи опредѣленнаго типа воображенія. Другія непосредственныя наблюденія также могутъ служить этой цѣли, обнаруживая, напр., преобладаніе осязательно-моторнаго типа. Въ этихъ случаяхъ извѣстное душевное воспріятіе непосредственно ведетъ за собою ту или другую реакцію ребенка, когда, напр., онъ, слушая что нибудь, приводитъ, какъ бы непроизвольно, въ дѣйствіе весь свой организмъ или, по крайней мѣрѣ, тѣ мускулы, которые являются орудіемъ движенія, когда онъ выполняетъ цѣлый рядъ жестовъ при воспріятіи зрительнымъ или слуховымъ путемъ, когда воспринимаемая имъ картина рисуется ему на почвѣ не только зрительныхъ или слуховыхъ, но и своеобразныхъ мускульныхъ ощущеній. Затѣмъ, если мы обратимся къ періоду школьной жизни, то здѣсь дѣятельность воображенія проявляется въ самыхъ различныхъ формахъ. Я уже не говорю о болѣе пассивной формѣ, которая наблюдается въ болѣе раннемъ возрастѣ, и выражается въ различныхъ формахъ мечтательности и т.д.--но здѣсь въ эпоху пребыванія въ школѣ, хотя бы низшей, мы наблюдаемъ различныя формы воображенія - и болѣе элементарныя и болѣе сложныя. Даже такой элементарный процессъ, какъ обученіе грамотѣ, который предполагаетъ, повидимому, исклю-

чительно интеллектуальное состояніе, сопровождаемое извѣстной формой активности,-и этотъ процессъ обнаруживаетъ конечно,извѣстное творчество.Это послѣднее выражается именно въ преодолѣніи тѣхъ разнообразныхъ трудностей,которыя наблюдаются здѣсь,когда имѣется въ виду постиженіе такихъ связей,комбинацій, отношеній между буквами и словами,которыя являются для ребенка новыми и,можетъ быть,несовсѣмъ понятными,когда здѣсь постепенно, на почвѣ процесса апперцепціи,устанавливается связь между наличнымъ содержаніемъ психики и вновь усвояемымъ матеріаломъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что здѣсь испытывается чувство удовлетворенности, наблюдаемое въ случаѣ преодолѣнія извѣстныхъ трудностей, въ случаѣ овладѣванія такимъ матеріаломъ,который съ перваго раза ,повидимому, превышалъ силы ребенка.Если, далѣе, мы обратимся къ послѣдней эпохѣ школьнаго обученія, то увидимъ, что дѣятельность воображенія проявляется здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, на почвѣ зрительныхъ, слуховыхъ или осязательно-моторныхъ воспріятій, когда здѣсь мы имѣемъ дѣло съ воспроизведеніемъ извѣстныхъ образовъ или ихъ комбинацій и съ болѣе сложными построеніями, совершенно неизбѣжными для усвоенія различнаго матеріала, предлагающагося въ процессѣ изученія опредѣленныхъ предметовъ. Всѣмъ,конечно,извѣстно, что такіе предметы преподаванія,какъ исторія въ ея элементарной формѣ,въ видѣ безъ искусствен-

наго повѣствованія въ самомъ процессѣ усвоенія матеріала предполагаетъ работу воображенія, иногда въ очень значитель ной степени. Это объясняется тѣмъ что, что всякое историческое явленіе уже требуетъ воспроизведенія прошлаго, что исторія, какъ нѣчто непосредственно данное, не наблюдается нами, и мы здѣсь имѣемъ дѣло всегда съ воспроизведеніемъ того, очевидцами чего мы сами не были. Значитъ, здѣсь передъ нами процессъ творчества, который осуществимъ только на почвѣ наличнаго содержанія психики человѣка, или, въ частности, психики ребенка, когда здѣсь всѣ историческіе образы усваиваются только въ связи съ тѣми реальными впечатлѣніями, которыя ребенокъ имѣетъ или отъ окружающихъ явленій природы, или отъ обстановки, или отъ разнообразныхъ лицъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ, и т.п. Тоже самое можно сказать и о цѣломъ рядѣ другихъ предметовъ, напримѣръ, географіи, поскольку здѣсь роль творческаго воображенія очень велика, такъ какъ здѣсь часто приходится имѣть дѣло съ такого рода явленіями, которыя не были и не могутъ быть предметомъ нашего воспріятія - въ связи съ ихъ отдаленностью отъ насъ, когда здѣсь является необходимымъ создать себѣ ясное представленіе объ этихъ разнообразныхъ явленіяхъ, странахъ, растеніяхъ, животныхъ и т.п., но которые не были предметомъ непосредственнаго содержанія. Даже такія науки, которыя обнаруживаютъ, повидимому, исключительно интеллектуалистическій характеръ, науки математическія - и онѣ имѣ-

ютъ часто дѣло съ этимъ воображеніемъ, воображеніемъ именно творческимъ, когда здѣсь является важнымъ не только представить извѣстный образъ, напримѣръ, геометрическій, но и создать иногда такую комбинацію, которая является необходимой въ интересахъ уясненія извѣстнаго положенія, извѣстнаго принципа, повидимому, въ своей основѣ совершенно теоретическаго, но на самомъ дѣлѣ понятнаго намъ только на почвѣ извѣстной схемы, въ данномъ случаѣ -зрительной. Если мы обратимся теперь къ дальнѣйшей стадіи развитія воображенія въ эпоху отрочества, юношества, то и здѣсь мы видимъ ростъ дѣятельности воображенія въ связи съ психическимъ развитіемъ вообще, когда, съ одной стороны, пробуждается цѣлый рядъ своеобразныхъ эмоцій, когда развивается интеллектъ и точно такъ же привлекается къ работѣ воображеніе, и когда здѣсь нерѣдко наблюдается наиболѣе высшая форма активности, которая встрѣчается въ дѣятельности творческаго воображенія. Эта эпоха отрочества и юношества характеризуется наивысшимъ расцвѣтомъ этой дѣятельности, функціонирующей уже въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ психическихъ дѣятельностей. Далѣе, что касается эпохи переходнаго возраста, эпохи предшествующей отчасти и сопутствующей процессу физическаго созрѣванія то здѣсь создается цѣлый рядъ своеобразныхъ комбинацій образовъ въ связи съ пробужденіемъ сексуальнаго чувства и позднѣе, въ эпоху юношества, особенно въ эпоху поздня-

го юношества мы видимъ творчество болѣе разнообразное, широкое, въ связи съ выработкой самыхъ разнообразныхъ идеаловъ, которые создаются въ эту эпоху и которые нерѣдко разсматриваются, какъ руководящіе принципы всей послѣдующей дѣятельности. Здѣсь намъ трудно, конечно, исчерпать все разнообразіе и сложность построеній, которыя наблюдаются въ это время. Безспорно, эти построенія имѣютъ болѣе сложную природу и не могутъ ограничиваться только созданіемъ или даже комбинаціями опредѣленныхъ образовъ-зрительныхъ, слуховыхъ или моторныхъ, но являются уже такими сочетаніями, которыя предполагаютъ уже участіе ума и которыя создаются иногда на почвѣ предварительной оцѣнки самыхъ разнообразныхъ конкретныхъ образцовъ, примѣровъ личной жизни и т.д. Такимъ образомъ уже въ результатѣ этого предварительнаго, иногда очень длительнаго анализа, могутъ создаваться такіе идеалы, которые являются наиболѣе прочными и устойчивыми принципами дѣятельности въ теченіе слѣдующаго періода жизни, иногда въ теченіе всего послѣдующаго существованія.

Этимъ я и заканчиваю краткую характеристику самаго процесса развитія. Мнѣ придется теперь перейти уже къ замѣчаніямъ чисто практическаго характера и указать на то въ чемъ можетъ выражаться вмѣшательство воспитателя въ процессъ развитія этой дѣятельности воображенія. О томъ, что эта дѣятельность имѣетъ огромное значеніе въ жизни

человѣка, нѣтъ нужды распространяться, какъ это выяснилось изъ моихъ предшествующихъ замѣчаній. Я здѣсь долженъ только рѣшить сначала вопросъ, возможно ли сознательное вмѣшательство въ развитіе дѣятельности воображенія и какъ, съ этой точки зрѣнія, смотрѣть на самую эту дѣятельность, т е, является ли эта дѣятельность только дѣятельностью положительной или въ ней есть и нѣчто отрицательное. Изъ того, что я уже сказалъ, отчасти выясняется, что эта дѣятельность имѣетъ огромное положительное значеніе, хотя въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ формахъ этой дѣятельности именно, въ пассивномъ воображеніи, мы можемъ находить такія черты, которыя дѣлаютъ эту дѣятельность мало продуктивной или иногда, даже прямо отрицательной. Но если эта дѣятельность поставляется въ тѣсную связь съ наиболѣе цѣнными проявленіями нашей психики, поскольку здѣсь имѣется въ виду наша интеллектуальная сознательная жизнь, наши высшія, наиболѣе сложныя и глубокія эмоціи и наша сознательная активность, поскольку устанавливается связь между всѣмъ этимъ, то, безспорно, эта дѣятельность имѣетъ большое положительное значеніе. Если попытаться отвѣтить на второй вопросъ, въ чемъ же можетъ выражаться вмѣшательство воспитателя и можетъ ли оно вообще въ чемъ-либо выражаться, то здѣсь нужно сказать, что это воздѣйствіе можетъ имѣть мѣсто, хотя это воздѣйствіе, быть можетъ, и не такъ значительно, какъ это можно предположить съ перваго раза. Уже изъ тѣхъ замѣчаній, которыя

мнѣ пришлось сдѣлать, видно, что дѣятельность воображенія является, конечно, дѣятельностью прирожденной, дѣятельностью, связанной съ процессами воспріятій- зрительныхъ, слуховыхъ, осязательно-моторныхъ и т.д., и что здѣсь, конечно, дальнѣйшая работа сознательной жизни выражается скорѣе въ комбинаціяхъ уже существующихъ образовъ, хотя основа для этихъ комбинацій, для появленія опредѣленныхъ образовъ, опредѣленныхъ сочетаній, можетъ быть, дана извѣстнымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, своеобразнымъ строеніемъ нервной системы и въ частности, нашего мозга. Безспорно, такого рода прирожденность существуетъ, ей принадлежитъ большое значеніе, и въ этомъ смыслѣ едва ли возможно полное перевоспитаніе дѣятельности воображенія, какъ и дѣятельности памяти, тѣсная связь которой съ ея біологической основою является вполнѣ очевидной. Но, съ другой стороны, здѣсь возможно воздѣйствіе косвенное, поскольку эта дѣятельность воображенія усиливается и иногда какъ бы питается различнаго рода эмоціональными проявленіями, хотя сами эмоціональныя проявленія также имѣютъ для себя извѣстную прирожденную основу. Однако здѣсь роль воспитанія очень велика, въ особенности- въ раннемъ возрастѣ. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что если дѣятельность воображенія связана съ самымъ процессомъ воспріятія или съ дѣятельностью нашего мозга, то хорошо извѣстно и другое обстоятельство, что

здѣсь принадлежитъ большое значеніе жизни чувства, когда здѣсь дѣятельность воображенія усиливается въ связи съ усиленіемъ опредѣленныхъ эмоцій, напримѣръ, чувства страха, иногда чувства симпатіи и т.д., когда здѣсь эти эмоціональныя переживанія питаютъ эту дѣятельность, усиливаютъ и укрѣпляютъ ее и даже заставляютъ работать въ опредѣленномъ направленіи. Слѣдовательно, здѣсь, возможно извѣстное воздѣйствіе, поскольку мы предполагаемъ въ данномъ случаѣ затрагиваніе именно различныхъ проявленій эмоціональной жизни, и въ связи съ этимъ соотвѣтственное вліяніе и на работу воображенія. Затѣмъ, здѣсь возможно, конечно, вліяніе, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и въ другомъ направленіи - въ смыслѣ созданія или, по крайней мѣрѣ, увеличенія количества извѣстныхъ образовъ, такихъ образовъ, которые связаны съ опредѣленнымъ процессомъ воспріятій, когда здѣсь доставленіе извѣстнаго матеріала, естественно, увеличиваетъ количество этихъ образовъ, а иногда, можетъ быть, и ихъ интенсивность, въ связи съ особенностями воспріятія. Здѣсь гораздо легче возникать тѣмъ комбинаціямъ, которыя могутъ считаться болѣе желательными съ педагогической точки зрѣнія. Я уже не говорю о болѣе высокой дѣятельности воображенія - о творчествѣ въ собственномъ смыслѣ, когда этотъ процессъ, съ одной стороны, является процессомъ непроизвольнымъ, естественно связаннымъ съ особенностями опредѣленной органи-

зацiи, и когда, въ то же время, сюда можетъ вторгаться и сознательный элементъ, который также здѣсь возникаетъ иногда непроизвольно, а иногда находится въ тѣсной зависимости отъ цѣлаго ряда постороннихъ вліяній. Все это, слѣдовательно, указываетъ на то, что здѣсь возможны различнаго рода воздѣйствія, и намъ придется остановиться на этихъ фактахъ воздѣйствія въ связи съ тѣми пріемами воспитанія воображенія, которые мы встрѣчаемъ въ обыкновенной педагогической практикѣ. Но здѣсь, прежде всего, нужно уяснить себѣ вопросъ, какую собственно форму воображенія мы имѣемъ передъ собою, когда передъ нами возникаютъ извѣстные педагогическіе пріемы: ту ли форму которую, дѣйствительно, надо укрѣплять, усиливать, или здѣсь возможна такая форма пассивнаго воображенія, которая по самому своему существу требуетъ къ себѣ отрицательнаго отношенія. Что касается отношенія воспитателя къ пассивной формѣ воображенія, которая выражается въ различныхъ формахъ мечтательности, столь типичной для ранняго возраста- иногда дошкольнаго, иногда уже въ эпоху ранней школьной жизни, то отношеніе къ этой формѣ естественно-отрицательное, въ виду того, что здѣсь мы встрѣчаемся с разслабляющимъ вліяніемъ этой дѣятельности на другія душевныя функціи - на умъ, на активность вообще, иногда на нѣкоторыя чувства, и съ этой точки зрѣнія, конечно, важно ослабленіе этой дѣятельности. Средствомъ для

этого, можетъ быть, такое воздѣйствіе, которое имѣетъ въ виду опредѣленнія причины этого явленія. Если эти причины объясняются иногда психо-физической организаціей, темпераментомъ, то, конечно, здѣсь естественно и воздѣйствіе болѣе физическое, именно, укрѣпляющее характеръ, или даже темпераментъ; съ другой стороны, здѣсь возможно ознакомленіе ребенка съ различными формами реальныхъ жизненныхъ отношеній, которыя естественно нѣсколько ослабляютъ эту работу пассивнаго воображенія и вводятъ въ самую жизнь, во все богатство и разнообразіе конкретныхъ отношеній. И во всякомъ случаѣ, здѣсь усиленіе этой формы воображенія зависитъ отъ пассивности вообще, а настоящая активность, настоящее соприкосновеніе съ жизнью, со всякаго рода творческой работой, естественно ослабляетъ этотъ недостатокъ активности, и, наоборотъ, увеличиваетъ болѣе положительное и активное воображеніе. Если теперь мы будемъ устанавливать педагогическое отношеніе къ другимъ видамъ этой дѣятельности, какъ она проявляется въ ту же раннюю эпоху, то здѣсь не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, каково должно быть отношеніе къ своеобразному чувству и настроенію дѣтей, выражающемуся иногда въ исключительной любви къ разсказамъ фантастическимъ, легендарнымъ, далекимъ отъ настоящей дѣйствительности. Здѣсь часто возникаетъ вопросъ объ оцѣнкѣ этого матеріала съ педагогической точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно,

существуетъ два взгляда: съ одной стороны, мы видимъ вполнѣ положительное отношеніе къ этому матеріалу, какъ воспитательному средству, поскольку здѣсь подчеркивается его большое значеніе, конкретно засвидѣтельствованное нѣкоторыми выдающимися писателями, поэтами и т.д., напр. Пушкинымъ, Аксаковымъ. Въ этомъ случаѣ указываютъ на цѣлый рядъ положительныхъ чертъ, которыя могутъ обнаружиться именно въ связи съ воздѣйствіемъ этого рода матеріала. Указываютъ здѣсь на то, что такимъ образомъ въ наивысшей степени повышается интересъ ребенка къ тому матеріалу, который онъ усваиваетъ, когда, дѣйствительно, этотъ матеріалъ является новымъ, исключительнымъ и привлекаетъ къ себѣ всю силу вниманія и напряженія. Затѣмъ, здѣсь отмѣчаютъ возможность ознакомленія , именно при помощи такого матеріала съ самыми различными явленіями изъ жизни природы, изъ жизни и отношеній людей, когда здѣсь, въ связи съ этой повышенностью интереса, съ напряженностью вниманія можетъ получиться болѣе сильное и полное воспріятіе, чѣмъ какое достигается на почвѣ нѣсколько притупленнаго вниманія при ознакомленіи съ привычной обстановкой и окружающей средой. Наконецъ, оттѣняютъ еще и то обстоятельство, что такимъ путемъ могутъ создаваться извѣстныя, можетъ быть, цѣнныя съ точки зрѣнія воспитанія, моральныя качества, поскольку въ этого рода разсказахъ затрагиваются чувства гораздо сильнѣе, чѣмъ реальными воспріяті-

ями, когда здѣсь могутъ возбуждаться чувства любви, симпатіи, нѣжности, или же невольно возникаетъ чувство негодованія, презрѣнія къ пороку и т.д. Но съ другой стороны, мы видимъ и противоположное отношеніе, которое старается ослабить значеніе этого матеріала въ указанномъ направленіи и стремится показать, что всѣ эти результаты могутъ быть достигнуты и другимъ путемъ, при отсутствіи тѣхъ отрицательныхъ послѣдствій, которыя могутъ обнаруживаться въ связи съ утилизаціей этого матеріала въ педагогическихъ цѣляхъ. Именно, отмѣчается то, что здѣсь получается искаженное представленіе о дѣйствительности - и о самой природѣ, и о людяхъ и ихъ отношеніяхъ, что здѣсь невольно ребенокъ уносится въ область фантазіи, которая такъ далека отъ реальной жизни и, благодаря этому, ребенку, можетъ быть, очень трудно будетъ впослѣдствіи привыкать къ этой дѣйствительности, цѣнить ее, какъ это нужно было бы, поскольку здѣсь всегда можетъ вторгаться представленіе относительно болѣе сложныхъ и привлекательныхъ формъ жизненныхъ отношеній. Затѣмъ, далѣе указываютъ еще и на то, что эмоціональныя переживанія нерѣдко возбуждаются здѣсь въ такой сильной формѣ, въ которой это нежелательно въ связи съ особенностями развитія дѣтскаго возраста, когда здѣсь, напримѣръ, до наивысшей степени напрягается чувство страха на почвѣ фантастическихъ разсказовъ; равнымъ образомъ, и другія чувства мо-

гутъ достигать здѣсь такого напряженія, которое можетъ вредно отозваться на неокрѣпшей еще организаціи ребенка. Наконецъ, здѣсь подчеркивается и то обстоятельство, что если мы конкретно будемъ считаться съ содержаніемъ самыхъ разнообразныхъ разсказовъ фантастическаго характера, то мы здѣсь и въ моральномъ отношеніи можемъ встрѣтить много матеріала антипедагогическаго; когда, напримѣръ, въ разсказахъ первобытныхъ людей или народовъ малокультурныхъ встрѣчаются такого рода повѣствованія, гдѣ восхваляется обманъ, хитрость, сомнительнаго свойства молодечество и т. п., здѣсь не можетъ быть настоящаго нравственнаго воспитанія, потому что въ этомъ случаѣ цѣнятся качества, важныя, можетъ быть, съ точки зрѣнія примитивнаго существованія человѣка и человѣчества и утратившія значеніе уже для болѣе высокихъ стадій культурной жизни. Съ этой точки зрѣнія, на этотъ матеріалъ нерѣдко смотрятъ, какъ на отрицательный, какъ на такой, который совершенно долженъ быть устраненъ изъ области педагогической практики. Если бы мы теперь въ заключеніе сдѣлали попытку оцѣнить эти взгляды, то общій выводъ изъ нихъ такой, что если этотъ матеріалъ и можетъ быть утилизованъ, то, безспорно, съ большой осторожностью, поскольку здѣсь долженъ быть сдѣланъ извѣстный выборъ того, что соотвѣтствовало бы степени умственнаго и, главнымъ образомъ, моральнаго развитія ребенка, когда здѣсь это воздѣйствіе преслѣдовало бы эту цѣль интеллектуальнаго и моральнаго

воспитанія и устраняло бы цѣлый рядъ отрицательныхъ результатовъ, на которые спеціально указываютъ противники этого матеріала, какъ воспитательнаго средства. Само собою понятно, что здѣсь должны быть устранены повѣствованія, которыя возбуждаютъ такія чувства, какъ чувство страха, и которыя могутъ дѣйствовать отрицательно въ смыслѣ моральнаго воспитанія. Если же взять этотъ вопросъ въ общей формѣ, т.е. я разумѣю значеніе фантастическаго элемента вообще, то здѣсь едва ли можетъ быть только отрицательное отношеніе, въ особенности когда ребенокъ достигаетъ такой стадіи, когда онъ начинаетъ уже различать вымыселъ отъ дѣйствительности. Этотъ вымыселъ все же и въ дальнѣйшемъ многими своими чертами можетъ привлекать ребенка, доставлять извѣстное наслажденіе, пріятное состояніе, возбуждать это пріятное чувство различными своеобразными комбинаціями-риска борьбы и т.д., когда здѣсь, дѣйствительно, напрягается вниманіе и вызываются различныя душевныя состоянія въ такой формѣ, которая не можетъ отзываться вредными послѣдствіями. Въ этомъ отношеніи даже чувство страха доставляетъ въ иныхъ случаяхъ пріятное состояніе замиранія отъ этого чувства, когда здѣсь нѣтъ сознанія настоящей реальной опасности, непосредственно угрожающей, но когда однако же воспроизведеніе чужихъ переживаній этой эмоціи можетъ дѣйствительно захватывать ребенка, и, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ не будетъ отражаться вредными

результатми, на которые указывают противники этого матеріала. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нужно считаться и съ возрастомъ ребенка, съ общимъ его развитіемъ и еще въ гораздо большей степени—съ его темпераментомъ. Здѣсь въ отношеніи дѣтей могутъ быть сдѣланы значительныя различія, когда съ одной стороны, здѣсь въ силу яркости воображенія и особенной интенсивности этой дѣятельности и недостаточности умственнаго развитія, возможно такое явленіе, что всякій вымыселъ считается за дѣйствительность, и, въ связи съ этимъ, рисуются такія яркія картины, которыя, дѣйствительно, могутъ оказывать, можетъ быть, отрицательное вліяніе на психику и на самую организацію, но въ то же время здѣсь возможно и захватываніе такое же сильное, и многообразное, но безъ того потрясенія, которое здѣсь уже отсутствуетъ въ виду указаннаго различія вымысла и дѣйствительности. Такимъ образомъ, этотъ матеріалъ можетъ представлять значительный интересъ, поскольку этотъ интересъ наблюдается и конкретно и поскольку, съ другой стороны, мы можемъ здѣсь парализовать, а часто и прямо не наблюдать, тѣхъ отрицательныхъ результатовъ, на которые такъ часто указываютъ. Такимъ образомъ, здѣсь возможна такая посредствующая точка зрѣнія, которая даетъ соотвѣтственную оцѣнку этому матеріалу, причемъ естественно, что любовь къ этому матеріалу можетъ постепенно видоизмѣняться въ связи съ возрастомъ, или можетъ и совершенно пропасть, въ свя-

зи уже съ болѣе поздними симпатіями, обусловленными гораздо болѣе глубокими склонностями ко всему разнообразію реальныхъ, жизненныхъ отношеній. Затѣмъ мнѣ нужно было бы сказать объ отношеніи воображенія въ той формѣ дѣятельности, которая извѣстна подъ именемъ игры, но я не имѣю возможности сейчасъ подробно останавливаться на этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что самая проблема дѣтской игры связана не только съ воображеніемъ, но и съ цѣлымъ рядомъ другихъ переживаній эмоціональнаго и интеллектуальнаго характера. Я только укажу на то, что игра является дѣятельностью, общею и человѣку и животнымъ, и что здѣсь, дѣйствительно, мы можемъ указать такіе объединяющіе элементы, которые указываютъ, что игра есть дѣятельность скорѣе самопроизвольная, какъ бы инстинктивная, и во всякомъ случаѣ связанная съ цѣлымъ рядомъ инстинктовъ, и въ этомъ случаѣ дѣятельность небезполезная для индивидуума, а, главнымъ образомъ, для рода. Само собою понятно, что здѣсь нельзя только изъ этого принципа самопроизвольности, изъ его связи съ самосохраненіемъ животныхъ вывести всѣ особенности игръ, въ частности дѣтскихъ. Если и принять то положеніе, которое защищается нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями, и въ частности, Гроссомъ, что игра тѣсно связана съ принципомъ борьбы за существованіе, что съ этой точки зрѣнія тѣ дѣйствія, которыя въ игрѣ совершаетъ животное или ребенокъ, должны быть полезными въ послѣдующей стадіи жизни, когда здѣсь, въ про-

цесса игры, какъ бы совершается подготовка для этой активной работы, — если и согласиться съ этимъ положеніемъ, то въ играхъ дѣтей, все - же мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ особенностей, типичныхъ для опредѣленнаго возраста или для опредѣленнаго дѣтскаго индивидуума. Во всякомъ случаѣ, если эта основа игры лежитъ въ самопроизвольной дѣятельности, то затѣмъ огромное значеніе здѣсь выпадаетъ на долю подражанія, далѣе активнаго творчества, въ связи съ различными формами ознакомленія съ жизнью, какъ это ознакомленіе происходитъ у дѣтей самаго ранняго періода, когда они невольно наблюдаютъ жизнь взрослыхъ и своеобразно воспроизводятъ ее въ играхъ. Я не буду останавливаться также на особенностяхъ тѣхъ игръ, которыя носятъ соціальный характеръ, когда здѣсь имѣется въ виду игра между нѣсколькими дѣтьми и когда здѣсь предполагается развитіе самыхъ разнообразныхъ качествъ - эгоистическихъ, а отчасти и симпатическихъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо отмѣтить то обстоятельство, что въ этомъ процессѣ игры, въ самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ, чувству сознанія собственной силы, собственной активности принадлежитъ огромное значеніе. Именно это чувство является пріятнымъ и, можетъ быть, въ этой пріятности и лежитъ основа той притягательности, какую мы наблюдаемъ въ разныхъ играхъ, въ особенности въ играхъ, которыя носятъ соціальный характеръ, т.е. происходятъ между нѣсколькими дѣтьми. Здѣсь мы можемъ встрѣчаться съ

зачатками симпатическаго чувства, здѣсь же мы видимъ и неизбѣжное ограниченіе дѣтскаго эгоизма, когда, въ связи съ различными играми, требуется соблюденіе извѣстныхъ правилъ, подчиненіе извѣстнымъ принципамъ, и, съ этой точки зрѣнія, значеніе игръ для развитія симпатическихъ качествъ - безспорно. Я также не имѣю возможности входить въ подробное разсужденіе вопроса объ отношеніи воспитателя къ самому процессу игры, такъ какъ этотъ вопросъ въ общей формѣ рѣшается естественно такъ, что задача воспитателя заключается въ предоставленіи возможной свободы для проявленія дѣтской активности. Съ другой стороны, здѣсь возможно, конечно, и извѣстное вмѣшательство, въ смыслѣ какъ бы приспособленія къ дѣтскому настроенію, къ особенностямъ дѣтскихъ чувствъ и влеченій, насколько это доступно для опредѣленнаго педагога, и, наконецъ, здѣсь возможно вмѣшательство въ смыслѣ ограниченія и устраненія такихъ игръ, которыя могутъ возбуждать узко эгоистическія чувства, которыя могутъ укрѣплять азартъ, питать иногда чувство озлобленія, могутъ довести до крайней степени чувство соперничества и т.д. Всѣ эти игры требуютъ къ себѣ скорѣе ограничительнаго отношенія. Но какъ бы то ни было, этотъ процессъ игры протекаетъ обычно естественнымъ путемъ, и разъ въ основѣ его лежитъ соотвѣтственная самопроизвольность, то здѣсь роль воспитателя и не должна быть особенно велика или особенно активна. Если мы возьмемъ послѣдующія стадіи въ развитіи

ребенка, какъ оно сопровождается обнаруженіемъ и усиленіемъ дѣятельности творческаго воображенія, то здѣсь весь процессъ школьной жизни предполагаетъ это проявленіе творчества въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, въ связи съ изученіемъ опредѣленныхъ предметовъ, когда здѣсь обнаруживаются особенности воображенія не въ смыслѣ опредѣленныхъ типовъ - зрительнаго, слухового или моторнаго, но въ смыслѣ преобладанія извѣстныхъ комбинацій, типичныхъ для извѣстнаго возраста или для извѣстнаго индивидуума. - Въ данномъ случаѣ роль воспитателя, слѣдовательно, невелика или, вѣрнѣе, мало активна, такъ какъ его задача можетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ доставленіи подходящаго матеріала, на почвѣ котораго можетъ упражняться дѣятельность воображенія. Я уже говорилъ о томъ, что эта дѣятельность находится въ тѣсной связи съ количествомъ и разнообразіемъ матеріала, обусловливающаго разнообразіе самыхъ комбинацій, и поэтому, доставленіе этого матеріала, въ видѣ ли непосредственныхъ воспріятій, въ видѣ ли копій и изображеніи объектовъ этихъ воспріятій- является въ высшей степени цѣннымъ въ смыслѣ педагогическомъ или, вѣрнѣе, въ смыслѣ дидактическомъ. Все это является общепризнаннымъ, и на этомъ нѣтъ нужды подробно останавливаться. Здѣсь, можетъ быть, заслуживаетъ большаго вниманія позднѣйшая ступень развитія дитяти, эпоха переходная, юношескій возрастъ, когда создаются разнообразные идеалы,

столь цѣнные съ точки зрѣнія опредѣленія самаго смысла, отъ части и формы той или другой дѣятельности, которую человѣкъ долженъ выбирать или осуществлять уже въ періодъ своей сознательной жизни. Что касается этого процесса, то онъ происходитъ опять вполнѣ естественно, въ связи съ развитіемъ самыхъ разнообразныхъ душевныхъ силъ - интеллектуальныхъ и эмоціальныхъ, въ связи съ расцвѣтомъ творчества, которое такъ ярко обнаруживается въ этотъ періодъ юношескаго существованія. Опять и здѣсь роль воспитателя не можетъ быть особенно велика, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ послѣдней, высшей стадіей воспитанія, которое представляется скорѣе самовоспитаніемъ или довоспитаніемъ. Въ связи съ анализомъ разнообразныхъ дѣтскихъ идеаловъ, конечно, важно обращать вниманіе на особенности этихъ идеаловъ, и въ этомъ смыслѣ мы уже видимъ въ современной педагогической практикѣ цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя ставятъ своей задачею опредѣленіе дѣтскихъ идеаловъ и въ болѣе ранній періодъ, и въ періодъ болѣе позднѣйшкольной жизни. Такого рода изслѣдованія могутъ представлять значительный практическій интересъ, такъ какъ они проливаютъ свѣтъ на тѣ чувства и вкусы, которые складываются у дѣтей, а равнымъ образомъ указываютъ тѣ разнообразныя вліянія, въ связи съ которыми создаются эти симпатіи. Такого рода наблюденія и очень простые эксперименты могутъ быть въ высшей степени поучительными и дать довольно цѣн-

ный матеріалъ для воспитателя. Но, конечно, весь процессъ творчества этихъ идеаловъ, ихъ оцѣнку вскрыть, можетъ быть, очень трудно, хотя здѣсь можно указать общіе принципы, которыми вообще руководится человѣкъ въ процессѣ созданія идеаловъ, здѣсь, прежде всего, имѣется цѣлый рядъ конкретныхъ воздѣйствій, къ которымъ относится ребенокъ или отрицательно или положительно, такъ что всякій идеалъ создается на почвѣ отверженія тѣхъ чертъ, которыя разсматриваются какъ нежелательныя, и принятіи тѣхъ, которыя кажутся положительными. Въ этомъ процессѣ созданія идеала, конечно, наиболѣе реальное значеніе имѣетъ отрицательная сторона, поскольку въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ явленіями для всѣхъ вполнѣ обычными, наглядными, безспорными въ своей реальности, хотя бы совершенно въ моральномъ смыслѣ непривлекательными. Что же касается положительныхъ идеаловъ, то здѣсь творчество обнаруживается, повидимому, въ гораздо большей степени. Разъ трудно найти такой образецъ, которому можно было бы подражать во всѣхъ отношеніяхъ, который былъ бы въ этомъ смыслѣ неуязвимымъ, то здѣсь естественно всегда сознаніе нѣкоторой неудовлетворенности и стремленіе къ заполненію этихъ несовсѣмъ удовлетворяющихъ чертъ другими, болѣе положительными. Особенностями этихъ свойствъ или этихъ чертъ творческаго процесса и объясняется то всѣмъ извѣстное явленіе, что всегда и вездѣ отрицательныхъ типовъ гораздо больше и въ жизни и въ литературѣ и т.д., и что

изображеніе этихъ типовъ отличается гораздо большею реальностью и конкретностью. Что же касается типовъ положительныхъ, то здѣсь мы всегда бываемъ гораздо менѣе удовлетворены. Здѣсь передъ нами меньше этой жизненности, больше схематичности, безцвѣтности, меньше колоритности, и поэтому гораздо труднѣе, конечно, создать такой идеалъ или образецъ, который бы заключалъ въ себѣ эти положительные элементы въ болѣе яркой и рельефной формѣ, такъ что они могли бы считаться наиболѣе сильными стимулами въ процессѣ осуществленія или приближенія къ этому идеалу. Съ этимъ обстоятельствомъ, конечно, всегда приходится считаться, и важно его имѣть въ виду, быть можетъ, потому, что въ связи съ его игнорированіемъ нерѣдко мы видимъ различнаго рода разочарованія, когда здѣсь предполагается слѣдованіе опредѣленнымъ конкретнымъ образцамъ, впослѣдствіи неудовлетворяющимъ, когда, съ другой стороны, та идеальная схема, которую строитъ сознательный юноша, оказывается трудно осуществимой и приводящей поэтому къ нѣкоторому упадку духа. Здѣсь важно помнить, что полное удовлетвореніе едва ли можетъ быть и совершенное осуществленіе такихъ идеаловъ едва ли когда можетъ имѣть мѣсто. Съ этой точки зрѣнія, необходимо устанавливать извѣстное взаимодѣйствіе между реальными чертами и тѣми, которыя рисуются для насъ, можетъ быть, нѣсколько блѣдно и схематично и которыя, однако, и въ такой комбинаціи могутъ имѣть из-

вѣстное идеальное значеніе, какъ наиболѣе совершенное сочетаніе такихъ свойствъ, какія мы считаемъ болѣе привлекательными для насъ. Во всякомъ случаѣ, въ заключеніе этого анализа важно замѣтить, что съ точки зрѣнія воспитанія необходимо развивать эту дѣятельность воображенія въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и именно въ связи съ привлеченіемъ къ ней наиболѣе сложныхъ и глубокихъ проявленій нашей психики. Въ этомъ отношеніи одна наглядность, живость и рельефность не можетъ считаться рѣшающимъ моментомъ. Въ иныхъ случаяхъ привлеченіе опредѣленныхъ типовъ воображенія, напримѣръ, зрительнаго-съ его яркостью наглядностью, могутъ даже подавлять другія формы этой дѣятельности и другіе виды вообще психическихъ переживаній. И съ точки зрѣнія воспитанія, важно привести эту дѣятельность въ тѣсную связь съ нашимъ интеллектомъ и нашими эмоціями. Въ этомъ отношеніи, съ педагогической точки зрѣнія наиболѣе цѣнной является та дѣятельность воображенія, которая предполагаетъ возможность переноситься съ наибольшей легкостію въ состоянія или переживанія другого человѣка и эти переживанія воспроизводить съ наибольшей точностью и полнотой. Такимъ образомъ, въ связи съ этимъ фактомъ, возможно проявленіе самыхъ разнообразныхъ формъ симпатическихъ чувствованій, когда эти чувствованія предполагаютъ необходимость ясно представить себѣ состояніе любого человѣка, такъ какъ на почвѣ этого представле-

нія возможны аналогичныя, собственныя переживанія, какъ распространеніе этихъ переживаній на другого, чужого человѣка. Здѣсь, слѣдовательно, и богатство собственныхъ переживаній и ихъ разнообразіе, переживаній не только пріятныхъ, но иногда и тяжелыхъ, является въ высшей степени плодотворной почвой для развитія своеобразнаго эмоціальнаго воображенія, той формы воображенія, которая является столь важной для этого проникновенія въ жизнь другого человѣка, для пониманія и оцѣнки этой жизни и для того, чтобы имѣть возможность самому пріобщиться къ этимъ переживаніямъ или въ смыслѣ раздѣленія ихъ, или иногда въ смыслѣ ихъ ослабленія, или даже устраненія. Слѣдовательно, здѣсь этотъ процессъ представляется въ высшей степени сложнымъ, и его осложненіе идетъ по мѣрѣ общаго духовнаго роста, роста интеллекта и углубленности эмоціональной жизни. Но на этой высшей стадіи мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ представлять дѣятельность воображенія только какъ дѣятельность интеллектуальную и здѣсь постоянно обнаруживается тѣсное взаимодѣйствіе между различными сферами нашей психики.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫСШАГО ТИПА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ - МЫШЛЕНІЯ. ПОНЯТІЯ И ИХЪ ОБРАЗОВАНІЕ. ПРОЦЕССЪ РАЗВИТІЯ ПОНЯТІЙ У ДѢТЕЙ. ОТНОШЕНІЕ КЪ ЭТОМУ ПРОЦЕССУ СО СТОРОНЫ ВОСПИТАТЕЛЯ.

Теперь я долженъ обратиться къ изложенію послѣдней части моего курса, которая должна была бы содержать анализъ высшихъ формъ интеллектуальной жизни - именно мышленія. Какъ извѣстно, въ этой формѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ представленіями или образами, какъ въ дѣятельности памяти или воображенія, но съ понятіями и не только въ ихъ изолированномъ состояніи, но и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ сужденія и разсужденія. Въ силу недостатка времени, я не могу остановиться на анализѣ этихъ процессовъ съ такой подробностью, которая желательна была бы по существу. Но я думаю, что этотъ недостатокъ можетъ быть отчасти восполненъ тѣмъ, что извѣстныя свѣдѣнія относительно существа этой дѣятельности имѣются у васъ на почвѣ знакомства съ соотвѣтствующими отдѣлами психологіи и логики. Затѣмъ, изслѣдованіе этой области въ педагогическихъ цѣляхъ, конечно, имѣетъ меньше значенія, чѣмъ изученіе дѣятельности чувства и воли. Такъ, если идетъ рѣчь объ объемѣ нашей интеллектуальной дѣятельности, то этотъ объемъ является уже прирожденнымъ, и въ этомъ смыслѣ на долю воспитанія отводится, можетъ быть, не особенно большая роль, поскольку здѣсь предполагаются своеобразныя различія между людьми въ отношеніи умственныхъ способностей, когда эти способности, несомнѣнно, связаны съ извѣстными

прирожденными задатками, и развитію ихъ какъ бы положены извѣстные предѣлы, хотя эти послѣдніе очень трудно установить при современномъ состояніи нашихъ психологическихъ и педагогическихъ знаній. Но, далѣе, если мы будемъ обращать вниманіе не на объемъ этой интеллектуальной дѣятельности, а на ея качество, на то, какъ здѣсь развиты и раскрыты наиболѣе высшія интеллектуальныя способности, именно, дѣятельность логическаго мышленія, то, конечно, здѣсь процессу воспитанія можетъ принадлежать большое значеніе, хотя развитіе этой дѣятельности въ извѣстной степени совершается вполнѣ естественно, какъ своеобразный процессъ приспособленія, и роль воспитанія или, въ частности, обученія и должна заключаться, главнымъ образомъ, въ доставленіи подходящаго матеріала и въ томъ, чтобы здѣсь не нарушался этотъ естественный ходъ умственнаго развитія. Конечно, здѣсь мы можемъ встрѣтиться съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которые касаются уже цѣнности самаго воспитательнаго или образовательнаго матеріала, поскольку послѣдній разсматривается, какъ наиболѣе цѣнное средство для болѣе совершеннаго и полнаго развитія извѣстныхъ интеллектуальныхъ способностей. Но со всѣми этими вопросами имѣетъ дѣло тотъ отдѣлъ педагогики, который извѣстенъ подъ именемъ дидактики и который ставитъ своею задачею анализъ самаго процесса усвоенія или пріобрѣтенія знаній, процесса развитія, культуры ума. Здѣсь мы можемъ найти много интереснаго и съ педагогической точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія общаго развитія, когда здѣсь мы можемъ встрѣтить различные методы преподаванія или обученія, цѣнные именно въ цѣляхъ наи-

болѣе успѣшнаго и глубокаго усвоенія знаній. Далѣе, здѣсь можно получить извѣстный матеріалъ полезный съ точки зрѣнія усвоенія уже опредѣленнаго предмета, опредѣленныхъ знаній, матеріалъ, который конкретно выражается въ различныхъ видахъ методическаго преподаванія и изученія. Но остановиться со всею подробностью на всѣхъ этихъ вопросахъ естественно невозможно не только по недостатку времени, но и потому, что эти вопросы касаются спеціальной области педагогики, которой я не могу захватить въ своемъ сравнительно краткомъ изложеніи. Правда, нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ я долженъ бы коснуться, хотя я теперь едва ли успѣю это сдѣлать, - это именно вопросъ о цѣнности наиболѣе яркаго по своей противоположности матеріала для цѣлей обученія (разумѣю матеріалъ гуманитарныхъ наукъ, а также различные виды естественно-научныхъ знаній). Наконецъ, нужно замѣтить, что хотя весь этотъ прогрессъ въ области дидактики и методики и имѣетъ извѣстное положительное значеніе, но онъ не долженъ быть переоцѣниваемъ въ своей роли, именно въ виду нѣсколько односторонняго отношенія къ этой области педагогики, когда здѣсь предполагается, что самая сущность развитія, именно, умственнаго развитія, заключается въ методѣ усвоенія знаній, и съ этой точки зрѣнія всякаго рода облегченія этого метода, устраненіе всякихъ затрудненій, стремленіе обратить весь процессъ пріобрѣтенія знаній въ процессъ пріятныхъ переживаній, - такого рода стремленіе нерѣдко выдвигается на видное мѣсто въ нѣкоторыхъ современныхъ дидактическихъ воззрѣніяхъ. Но такой взглядъ является, безспорно, односторонним, потому

что если методу изученія извѣстнаго предмета принадлежитъ больше значеніе, то, однако же, это значеніе не является въ этомъ смыслѣ всеобъемлющимъ. Съ другой стороны, прогрессъ, который мы наблюдаемъ въ этомъ отношеніи, не такъ значителенъ, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Такъ, напр., если мы обратимъ вниманіе на самый методъ усвоенія элементарныхъ знаній - обученіе чтенію, письму и т.д., то, конечно, если мы будемъ сравнивать этотъ процессъ, какъ мы его видимъ теперь, съ тѣмъ, что имѣло мѣсто нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ тому назадъ, напр., въ античномъ мірѣ, то мы увидимъ нѣкоторыя различія, но, можетъ быть, не настолько глубокія, какъ это можно подумать съ перваго раза. Самая существенная заслуга всякаго рода усовершенствованій въ этомъ направленіи заключается въ томъ, чтобы эти элементарные процессы знанія дѣлались наиболѣе экономичными, такъ чтобы болѣе высокія проявленія умственной энергіи могли затрачиваться на болѣе продуктивную работу, и чтобы не употреблялась такая масса времени на овладѣваніе такими элементами, которые могутъ быть постигнуты въ болѣе короткій срокъ и которые являются только элементами, а не существомъ извѣстной науки. Съ этой точки зрѣнія, конечно, прогрессъ элементарнаго обученія, хотя бы обученія чтенію, какъ мы его можемъ сравнивать на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, является очень важнымъ, все равно, какъ можно считать важнымъ прогрессъ, который сейчасъ еще не стоитъ передъ нами въ такой яркой формѣ - прогрессъ, который можно указать въ отношеніи усвоенія орфографіи, если бы можно было овладѣваніе этимъ процессомъ съэкономи-

зировать до наивысшаго минимума и не затрачивать столько времени и столько силъ, сколько отдается этому теперь. Но, несмотря на всѣ положительныя заслуги дидактики, нужно имѣть въ виду, что все же принципъ извѣстнаго усилія, напряженія, который долженъ встрѣчаться наравнѣ или параллельно чувству удовольствія, совершенно неизбѣженъ здѣсь, и поэтому никогда нельзя самый процессъ пріобрѣтенія разнообразныхъ знаній обратить только въ процессъ полученія однихъ удовольствій, пріятныхъ переживаній, съ устраненіемъ всѣхъ этихъ элементовъ напряженія, преодолѣнія извѣстныхъ затрудненій. Этого рода напряженіе, всякаго рода трудности, если они оказываются посильными для психики и вообще для организаціи ребенка, являются совершенно неустранимыми изъ процесса воспитанія и обученія именно въ силу своего стимулирующаго воздѣйствія, когда они даютъ возможность достигнуть болѣе значительнаго напряженія и проявленія умственныхъ силъ, когда одержаніе такихъ дидактическихъ побѣдъ является въ высшей степени важнымъ стимуломъ для дальнѣйшей, болѣе сложной и продуктивной умственной работы. Все это указываетъ отчасти на важность этого прогресса въ методологической области, отчасти оттѣняетъ, конечно, только относительную роль этого прогресса по сравненію съ значеніемъ другихъ сферъ душевной жизни, охарактеризованныхъ нами – эмоціональной и волевой.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній я считаю возможнымъ перейти къ анализу самихъ формъ высшей умственной дѣятельности.

Здѣсь мы обыкновенно встрѣчаемся съ извѣстными всѣмъ терминами, употребляющимися для обозначенія высшихъ интеллектуаль-

ныхъ процессовъ, таковы: понятіе, сужденіе, умозаключеніе. Смыслъ ихъ хорошо вамъ знакомъ изъ другихъ дисциплинъ, и намъ нѣтъ нужды подробно останавливаться на выясненіи сущности и природы этихъ процессовъ. Моя задача должна заключаться, главнымъ образомъ, въ указаніи того, въ чемъ можетъ выражаться педагогическое вмѣшательство, именно, можетъ ли здѣсь быть какая нибудь активность со стороны воспитателя, или же эти процессы происходятъ совершенно самостоятельно, и здѣсь необходимо только предоставленіе полной свободы и доставленіе соотвѣтствующаго матеріала для упражненія этой естественно возникающей и развивающейся интеллектуальной функціи. Основной функціей здѣсь считается дѣятельность образованія понятій, когда подъ понятіемъ здѣсь имѣются въ виду болѣе высшіе продукты умственной дѣятельности, чѣмъ извѣстныя намъ представленія. Мнѣ нѣтъ нужды указывать вамъ на различіе между понятіями и представленіями и даже на самое опредѣленіе понятія, какъ совокупности существенныхъ признаковъ, свойственныхъ цѣлому классу предметовъ. Все это вамъ хорошо извѣстно; извѣстно также, что отличительной чертой такого рода умственнаго состоянія являются именно опредѣленные символы въ видѣ словъ, когда здѣсь не только имѣется въ виду извѣстный мысленный образъ, но когда здѣсь предполагается закрѣпленіе такого образа непремѣнно опредѣленнымъ названіемъ. Этотъ элементъ рѣчи является, какъ извѣстно, типичнымъ для мышленія вообще, и въ частности для той стадіи, которая называется образованіемъ понятій. Собственно понятіе, съ точки зрѣнія своего происхожденія, оказывается уже какъ будто

продуктомъ болѣе производнымъ, чѣмъ сужденіе, хотя съ логической стороны сужденіе обозначается какъ связь между понятіями, и поэтому здѣсь сужденіе должно разсматриваться, какъ вторичная дѣятельность. Но нужно имѣть въ виду, что съ точки зрѣнія психологической, сужденія, конечно, могутъ быть и раньше понятій, когда мы можемъ видѣть извѣстную связь не между ясными и отчетливыми понятіями, а между представленіями, когда между этими представленіями, иногда граничащими съ понятіями, устанавливаются извѣстныя отношенія, когда имъ приписываются или у нихъ отрицаются извѣстныя свойства, когда, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ опредѣленнымъ типомъ сужденій положительныхъ и отрицательныхъ. Но если представить себѣ сужденіе въ болѣе строгомъ логическомъ смыслѣ слова, то тогда, конечно, сужденія, соединяющія собою уже обработанныя и совершенныя понятія, оказываются продуктомъ болѣе позднѣйшимъ. Что касается отличія самаго понятія отъ представленій, то это отличіе вамъ хорошо извѣстно, такъ какъ въ представленіяхъ мы имѣемъ дѣло съ образами, будутъ ли это образы зрительные, слуховые или осязательно-моторные, или же образы въ которыхъ есть элементы этихъ разнообразныхъ воспріятій. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы всегда представляемъ совокупность извѣстныхъ свойствъ, типичныхъ для опредѣленныхъ предметовъ, индивидуумовъ, явленій, свойства которыхъ могутъ быть соединены въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ, когда еще не можетъ быть расчлененія на свойства или качества болѣе существенныя и менѣе существенныя. Этотъ послѣдній процессъ своеобразной дифференціаціи, различенія свойствъ возника-

етъ уже позднѣе и предполагаетъ развитіе логическаго мышленія, которое мы въ элементарной формѣ наблюдаемъ очень рано, но въ болѣе сложномъ и совершенномъ проявленіи встрѣчаемъ, конечно, позднѣе. Здѣсь самый процессъ образованія понятій возможенъ, какъ извѣстно, на почвѣ предшествующихъ представленій, когда эти представленія подвергаются предварительному анализу въ процессѣ сравненія, т.е., когда между этими представленіями устанавливается или сходство или различіе, когда, слѣдовательно, здѣсь анализируются разнообразныя свойства и признаки этихъ предметовъ, явленій, и указываются опредѣленныя отношенія между этими свойствами и признаками. Что касается этого анализа, то онъ, конечно, можетъ имѣть мѣсто иногда и въ раннемъ возрастѣ, но обыкновенно является достояніемъ уже болѣе поздней ступени, такъ какъ для этой ранней стадіи естественно скорѣе отожествленіе явленій, нахожденіе опредѣленныхъ общихъ свойствъ, чѣмъ различеніе, такъ какъ различеніе предполагаетъ большее расчлененіе въ процессѣ мышленія и наблюдается позднѣе, если имѣть въ виду различеніе болѣе сложное. Что же касается болѣе элементарныхъ формъ этого различенія, когда, дѣйствительно, какъ бы инстинктивно чувствуется различіе между самыми воспріятіями и тѣми внѣшними явленіями или предметами, которыми обусловлены эти воспріятія, то, разумѣется, такія элементарныя формы различенія наступаютъ позднѣе. Но здѣсь, конечно, однимъ различеніемъ или отожествленіемъ не ограничивается этотъ процессъ образованія понятій: онъ гораздо сложнѣе, и мы вслѣдъ за этимъ различеніемъ и отожествленіемъ ви-

димъ, далѣе, извѣстныя обобщенія, объединеніе признаковъ сходныхъ и, съ другой стороны, устраненіе признаковъ несходныхъ, которые являются въ данномъ случаѣ различіями второстепенными. Слѣдовательно, передъ нами здѣсь извѣстная оцѣнка этихъ свойствъ, какъ свойствъ болѣе важныхъ и менѣе важныхъ, существенныхъ и несущественныхъ. Совокупность этихъ болѣе существенныхъ свойствъ, которыя являются, какъ вы хорошо знаете, типичными для нѣлаго класса или разряда явленій, совокупность такихъ свойствъ запечатлѣвается, далѣе, внѣшнимъ словеснымъ символомъ, опредѣленнымъ названіемъ. Существованіе именно названій или этотъ словесный признакъ является типичнымъ для понятія. Представленія, образы, повидимому, могутъ существовать и тогда, когда еще нѣтъ рѣчи, нѣтъ никакихъ символовъ, замѣняющихъ словесное обозначеніе, такъ какъ тамъ мы всегда можемъ наглядно, въ соотвѣтствіи съ извѣстными особенностями воспріятій, представить себѣ тотъ или другой образъ, то или другое явленіе. Этимъ, слѣдовательно, и выясняется отличіе понятій отъ представленій, поскольку въ понятіи есть мысль только о существенныхъ свойствахъ, поскольку, далѣе, здѣсь нѣтъ той непосредственной наглядности и очевидности, которая является типичной для конкретныхъ представленій. Въ представленіяхъ предметы рисуются со всей совокупностью свойствъ, и, въ этомъ случаѣ, въ извѣстный моментъ могутъ имѣть большее значеніе, могутъ быть болѣе притягательными такія свойства, которыя оказываются совершенно второстепенными съ точки зрѣнія понятія, съ точки зрѣнія существенности или несущественности опредѣленныхъ

качествъ. Затѣмъ, здѣсь, въ понятіи, разъ мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ своеобразнымъ процессомъ обобщенія, мы никогда не имѣемъ дѣла съ какими нибудь наличными образами, и не можемъ никогда сказать, чтобы понятіе вполнѣ соотвѣтствовало чему-нибудь въ дѣйствительности, чтобы за понятіемъ скрывался какой-нибудь единичный конкретный образъ, какіе скрываются за извѣстными представленіями. Въ этомъ и существенное отличіе понятія отъ представленій, такъ какъ понятіе является именно продуктомъ извѣстнаго интеллектуальнаго творчества, оно никогда не можетъ быть взято прямо извнѣ, скопировано, но всегда представляетъ собою творческій продуктъ, обобщающій совокупность извѣстныхъ свойствъ, которыя проявляются въ той или другой комбинаціи, въ различныхъ конкретныхъ явленіяхъ и предметахъ. Наконецъ, здѣсь нужно замѣтить, что въ образованіи понятій огромное значеніе имѣетъ именно эта послѣдняя стадія названія, обозначеніе этихъ психическихъ комплексовъ опредѣленнымъ названіемъ. Громадная роль названія обнаруживается здѣсь въ томъ, что безъ названія не можетъ быть самаго понятія, такъ какъ невозможно было бы наглядно представить ту совокупность признаковъ, которая входитъ въ самое опредѣленіе понятій и эта совокупность признаковъ не можетъ конкретно наблюдаться въ такихъ комбинаціяхъ, какія желательно отмѣтить въ понятіяхъ. Эту сумму, совокупность признаковъ нельзя прикрѣпить къ какому нибудь единичному реальному воспріятію. Поэтому, введеніе словеснаго символа оказывается въ высшей степени важнымъ для упроченія самаго понятія въ нашемъ сознаніи, когда, благодаря

этому символу, достаточно бываетъ словеснаго воспроизведенія, чтобы вслѣдъ за этимъ передъ нами встало понятіе во всей сложности и во всемъ разнообразіи составляющихъ его признаковъ, и намъ нѣтъ нужды возстанавливать въ своей памяти всѣ эти конкретные предметы, на почвѣ разсмотрѣнія которыхъ было образовано извѣстное понятіе. Здѣсь именно обнаруживается экономизирующая роль понятій или экономизирующая роль самой этой интеллектуальной дѣятельности. Если бы у насъ не было этой способности дѣлать такія словесныя замѣны, прибѣгать къ такой вербальной символизаціи, то тогда, конечно, намъ, для того, чтобы ясно представить всѣ особенности понятія, необходимо было бы возстанавливать въ своей памяти все разнообразіе, всю пестроту конкретныхъ представленій, изъ которыхъ образованы понятія. Но при данныхъ условіяхъ, при данномъ строѣ нашей психики въ этомъ нѣтъ необходимости, потому что дѣятельность нашей рѣчи закрѣпляетъ эти свойства или признаки и даетъ намъ возможность съ гораздо меньшей затратой интеллектуальной энергіи держать въ нашемъ сознаніи всѣ эти признаки въ такомъ суммированномъ видѣ и оперировать съ одними этими названіями, всегда ясно представляя себѣ, что именно находится за ними, какое содержаніе заключаютъ они въ себѣ. Этимъ безспорно и объясняется возможность такого исключительнаго, какъ бы безостановочнаго прогресса въ умственной дѣятельности, та возможность, которую мы наблюдаемъ у человѣка и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго. У послѣдняго намъ трудно предположить существованіе этой логической дѣятельности въ той формѣ, какъ это мы видимъ у че-

ловѣка, въ животномъ мы не можемъ предположить того болѣе глубокаго анализа свойствъ предметовъ, на почвѣ котораго уже создаются понятія въ логическомъ смыслѣ слова. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ своеобразіемъ умственной дѣятельности, которое является въ высшей степени цѣннымъ съ точки зрѣнія дальнѣйшей экономіи дѣтской психики, главнымъ образомъ, въ отношеніи интеллектуальной жизни.

Что касается возникновенія и формированія понятій у дѣтей, то этотъ процессъ происходитъ, какъ мы знаемъ, довольно медленно въ связи съ сложностью самой дѣятельности, которая наблюдается въ данномъ случаѣ. Въ раннемъ возрастѣ мы не можемъ, конечно, наблюдать этихъ продуктовъ умственной дѣятельности, въ особенности до возникновенія рѣчи, такъ какъ здѣсь нѣтъ той символизаціи, которая необходима для закрѣпленія всей совокупности этихъ признаковъ. Но препятствіе къ образованію понятій заключается не только въ этомъ, но еще и въ особенности интеллектуальной дѣятельности ребенка вообще, когда здѣсь мы встрѣчаемся съ недостаточно углубленнымъ анализомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, когда дѣтскому уму болѣе свойствененъ процессъ отожествленія, нахожденія свойствъ сходныхъ, общихъ, когда съ этой точки зрѣнія многіе предметы кажутся ребенку очень похожими, когда многіе люди являются для него очень похожими на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ постоянно видитъ. Значитъ, здѣсь этотъ процессъ отожествленія какъ будто является болѣе легкимъ, такъ какъ не предполагаетъ того углубленія, которое необходимо для анализа и различенія. Дѣйствительно, различеніе въ соб-

- въ зависимости отъ научныхъ знаній въ области органической и неорганической природы. Это же приложимо и къ понятію науки, искусства и т.д., ибо установленіе правильныхъ взаимоотношеній между этими областями является очень труднымъ; здѣсь сначала намѣчаются только одни предѣльные признаки, затѣмъ влагаются другіе, поэтому получаются и постепенныя колебанія въ опредѣленіи самихъ явленій и процессовъ, которые закрѣпляются этими названіями. Съ этой точки зрѣнія, трудно установить какой нибудь предѣлъ въ развитіи понятій. Все это указываетъ на то, какое большое значеніе принадлежитъ изслѣдованію этого процесса образованія понятій, и какъ важно, чтобы этотъ процессъ проходилъ естественно, обнаруживая самостоятельное творчество, которое ни въ какомъ случаѣ не должно замѣняться подражательнымъ и пассивнымъ усвоеніемъ. На почвѣ смѣшенія этихъ разнообразныхъ понятій, внесенія въ эти понятія различнаго смысла или даже различныхъ оттѣнковъ въ смыслѣ возникаетъ цѣлый рядъ споровъ и разногласій, которые мы встрѣчаемъ и въ жизни, и въ наукѣ. Несомнѣнно, если бы въ этомъ случаѣ проанализировать самую сущность этихъ понятій, съ самаго начала установить всѣ оттѣнки въ ихъ употребленіи, то, конечно, значительно сократились бы эти разногласія и получились бы болѣе пріемлимые для спорящихъ выводы. Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ этомъ процессѣ образованія понятій уже въ эпоху школьной жизни принадлежитъ огромная роль различнаго рода предметамъ, которые содѣйствуютъ болѣе углубленному проник-

встрѣчать постепенный прогрессъ въ развитіи этихъ понятій, такъ какъ здѣсь, по мѣрѣ умственнаго роста ребенка, получаются болѣе полныя и вѣрныя представленія о самихъ конкретныхъ явленіяхъ. Поэтому здѣсь можно наблюдать значительную эволюцію понятій и въ процессѣ индивидуальнаго роста, и въ процессѣ родового развитія, когда въ самомъ человѣчествѣ эти понятія могутъ значительно видоизмѣняться въ зависимости отъ состоянія знаній. Такъ, напр., если мы возьмемъ такія понятія, какъ понятіе матеріи, понятіе жизни, понятіе животнаго, растенія, понятія искусства, науки и т.д., то увидимъ, что на самомъ дѣлѣ въ эти понятія можетъ вкладываться довольно различное содержаніе и въ зависимости отъ развитія въ процессѣ индивидуальнаго роста, и въ зависимости отъ развитія всего человѣческаго рода, когда, напр., понятіе матеріи или жизни понимается довольно различно иногда на протяженіи даже небольшого періода лѣтъ. Напримѣръ, у ребенка названіемъ жизни, живого можетъ обозначаться одно въ періодъ дошкольнаго существованія, и другое - позднѣе, въ зависимости отъ знакомства съ біологическими процессами. Сначала съ понятіемъ живого естественно связывается представленіе о произвольныхъ движеніяхъ и чѣмъ дальше, тѣмъ понятіе жизни, живого у ребенка расширяется, включая въ себя представленіе и о другихъ видахъ живыхъ существъ, неподвижныхъ или даже растеніяхъ, и самая сущность этого понятія переносится въ область болѣе глубокихъ и сложныхъ біологическихъ процессовъ, которые постигаются уже гораздо позднѣе. То же самое можно сказать и о понятіи матеріи.

момъ дѣлѣ, этому процессу воспріятія извѣстныхъ конкретныхъ явленій и предметовъ принадлежитъ большое значеніе въ дальнѣйшемъ ростѣ понятій, въ самыхъ свойствахъ понятій - положительныхъ или отрицательныхъ, потому что если здѣсь въ самый моментъ воспріятія не могли быть замѣчены наиболѣе существенныя свойства, если вниманіе было отвлечено въ сторону такихъ свойствъ, которыя оказываются цѣнными для эмоціональныхъ переживаній, то эти особенности воспріятія могутъ перейти и въ дальнѣйшіе продукты - въ представленіе, и наконецъ, и въ самое понятіе, когда это понятіе достигнетъ уже степени логическаго образованія и будетъ закрѣплено извѣстнымъ названіемъ. Слѣдовательно, этотъ предшествующій процессъ въ развитіи понятій, въ развитіи этой дѣятельности, оказывается въ высшей степени важнымъ въ интересахъ самихъ высшихъ продуктовъ логической работы. Поэтому, здѣсь важно обращать вниманіе на эту элементарную стадію и еще болѣе, конечно, на послѣдующія стадіи, когда мы встрѣчаемся съ различными формами уже сложившихся понятій, для которыхъ и необходимъ указанный мною анализъ. Здѣсь нужно отмѣтить то обстоятельство, что самыя эти понятія, какъ мы ихъ встрѣчаемъ у ребенка и даже у взрослаго человѣка, подвергаются значительной эволюціи, въ зависимости отъ общаго умственнаго роста, когда здѣсь мы можемъ наблюдать понятія болѣе элементарныя, условныя, спорныя, въ связи съ несовершенствомъ тѣхъ знаній, которыя имѣются у ребенка, и когда, далѣе, можно

ся у ребенка. Эти представленія у ребенка могутъ, конечно, значительно различаться отъ тѣхъ представленій, которыя создаются у взрослаго человѣка, и поэтому, наблюдая обиліе и разнообразіе понятій у ребенка, мы никакъ не должны заключать отсюда, что, дѣйствительно, у него встрѣчается высокая стадія умственнаго развитія, предполагающая логическое творчество. На самомъ дѣлѣ здѣсь можетъ быть процессъ очень пассивный, подражательный, который не можетъ имѣть такой значительной цѣнности съ точки зрѣнія полнаго, глубокаго умственнаго развитія: Поэтому здѣсь этотъ анализъ дѣтскихъ понятій, контроль ихъ является совершенно необходимымъ въ цѣляхъ развитія болѣе совершенныхъ понятій, которыя желательны и съ педагогической точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія вообще дальнѣйшаго духовнаго роста. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ мы нерѣдко можемъ встрѣчаться съ такими свойствами понятій, какъ неясность, неточность, неполнота, вообще съ такими несовершенствами въ этой области, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данномъ случаѣ въ процессѣ образованія этихъ понятій не имѣлъ мѣста тотъ сложный логическій актъ, въ результатѣ котораго получаются настоящія, наиболѣе совершенныя въ логическомъ смыслѣ понятія или концепціи. Здѣсь является необходимымъ то углубленіе въ самый процессъ образованія понятій, которое спускается и къ болѣе элементарнымъ явленіямъ – воспріятіямъ, представленіямъ и т.д. Что касается самаго воспріятія, то, повидимому, этотъ процессъ не имѣетъ здѣсь существеннаго значенія, но такъ можно думать только съ перваго раза. На са-

сложность и медленность процесса образованія понятій, такъ какъ понятіе въ логическомъ смыслѣ слова предполагаетъ извѣстную углубленность въ анализъ признаковъ предметовъ или явленій, а между тѣмъ такое углубленіе является очень труднымъ для ребенка въ виду самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Здѣсь важно имѣть въ виду, что для ребенка могутъ быть наиболѣе важными, интересными и болѣе цѣнными тѣ стороны предметовъ или явленій, которыя съ точки зрѣнія логической могутъ оказаться второстепенными, ненужными. Ребенка могутъ интересовать извѣстные предметы или явленія въ зависимости отъ воздѣйствія на его чувства, въ связи съ интересомъ, который въ немъ явился, и поэтому здѣсь очень нелегко ему сосредоточиться на такихъ свойствахъ, которыя, съ точки зрѣнія логическаго анализа, являются наиболѣе важными, но съ точки зрѣнія непосредственнаго интереса могутъ меньше всего затрагивать ребенка. Поэтому, конечно, для извѣстнаго сосредоточенія, углубленія необходимо отвлеченіе отъ всѣхъ разнообразныхъ внѣшнихъ, раздражающихъ впечатлѣній и обстоятельствъ, и важно сосредоточить вниманіе именно на томъ, что является цѣннымъ съ логической точки зрѣнія. Все это оказывается доступнымъ на болѣе поздней ступени развитія въ эпоху школьнаго возраста, хотя, разумѣется, мы можемъ встрѣчаться съ понятіями у ребенка и гораздо раньше. И въ эпоху дошкольнаго возраста, и въ эпоху, когда слагается рѣчь ребенка, могутъ существовать понятія, но эти понятія образуются не на почвѣ самостоятельнаго творчества, а на почвѣ, главнымъ образомъ заимствованія и усвоенія, прежде всего, словъ и названій, когда за этими названіями скрываются извѣстныя представленія, имѣвшія-

единичные образы, и когда мы говоримъ объ общихъ представленіяхъ ребенка, взрослаго человѣка или животнаго, то предполагается, что здѣсь мы всегда конкретно представляемъ какой нибудь единичный образъ, хотя стремимся связать съ нимъ самыя существенныя свойства. Но, съ другой стороны, у насъ нѣтъ основанія для полнаго отрицанія такого рода продуктовъ, хотя едва ли можно ихъ вполнѣ уподобить составной фотографіи, такъ какъ въ такого рода комбинаторномъ представленіи невозможно выступленіе опредѣленныхъ свойствъ и образовъ, невозможно выступленіе извѣстныхъ особенностей и именно тѣхъ особенностей, которыя могутъ считаться наиболѣе существенными для ребенка или для животныхъ, когда на почвѣ именно комбинацій этихъ особенностей сразу же можно легко отличить извѣстное животное отъ человѣка, извѣстный разрядъ явленій отъ группы другихъ явленій и т.п. Во всякомъ случаѣ, что такого рода обобщеніе не можетъ имѣть мѣста, для этого у насъ нѣтъ какихъ нибудь вполнѣ твердыхъ фактовъ, но въ то же время едва ли можно сказать, что такого рода обобщеніе всегда соотвѣтствуетъ какому нибудь ясному опредѣленному образу, и, быть можетъ, это есть нѣчто схематичное, не рисующееся такъ ясно и отчетливо, какъ это можно сказать объ опредѣленномъ конкретномъ образѣ - единичномъ или индивидуальномъ. Но во всякомъ случаѣ, существованіе такой посредствующей стадіи вполнѣ возможно, тѣмъ болѣе, что необычайно трудно представить намъ безъ этой стадіи этотъ процессъ обобщенія и сразу установить очень рѣзкій переходъ между индивидуальнымъ представленіемъ и тѣмъ продуктомъ умственной дѣятельности, который мы имѣемъ уже въ понятіи. Все это указываетъ на

вотныя могутъ имѣть въ своемъ сознаніи образы, которые объединяютъ извѣстные классы явленій или предметовъ. Такъ, напр., въ этомъ случаѣ мы можемъ предположить существованіе образа человѣка, не отдѣльнаго индивидуальнаго человѣка, какъ бы человѣка вообще, когда такимъ путемъ человѣкъ отличается не только отъ неодушевленнаго предмета, но и отъ другихъ видовъ живыхъ существъ, отъ другихъ высшихъ животныхъ. Въ этомъ смыслѣ можно констатировать способность легкаго оріентированія у животнаго, когда оно, положимъ, безъ труда различаетъ человѣка отъ нечеловѣка. То же самое можно предположить и у дѣтей въ ранній періодъ ихъ существованія, когда это различіе, повидимому, наблюдается, какъ безспорный фактъ, и когда, съ другой стороны, нельзя предположить у ребенка существованія настоящихъ логическихъ понятій, которыя содержали бы въ себѣ представленіе о существенныхъ свойствахъ человѣка со стороны физической и духовной его организаціи. Эти родовые или генерическіе образы Романэсъ обозначаетъ именно терминомъ рецептъ. Извѣстный англійскій изслѣдователь - Гальтонъ, считаетъ также возможнымъ предположить, что такіе образы есть, и онъ сравниваетъ ихъ со сложными или составными фотографіями, когда здѣсь получается на одной пластинкѣ изображеніе послѣдовательнаго ряда снимковъ съ извѣстныхъ лицъ, и въ результатѣ выходитъ общій образъ, общая физіономія и т.д. Что касается этой точки зрѣнія, то, конечно, мы не можемъ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, высказать какое нибудь окончательное сужденіе въ виду того, что непосредственный анализъ, повидимому, показываетъ, что такого рода образовъ у насъ нѣтъ, а что, скорѣе, существуютъ

рядѣ трудовъ пытался доказыть полную приложимость принципа эволюціи ко всѣмъ стадіямъ развитія, не исключая и человѣка. И съ этой точки зрѣнія онъ старался показать, что нѣтъ какихъ либо рѣзкихъ переходовъ между психикою и, въ частности, интеллектомъ человѣка и психикою и интеллектомъ высшихъ животныхъ. На почвѣ анализа этой дѣятельности и установленія переходной ступени Романэсъ нашелъ возможнымъ ввести особый терминъ въ науку - „рецепът", когда этимъ терминомъ обозначается то, что другими авторами разсматривается какъ общее представленіе. Съ точки зрѣнія Романэса нужно допустить, что именно этому термину „рецептъ"дѣйствительно соотвѣтствуетъ извѣстное психическое состояніе, которое нельзя обозначить, какъ состояніе представленія или единичнаго представленія, но которое въ то же время не можетъ быть обозначено, какъ дѣятельность чисто логическая, какъ созданіе понятія въ логическомъ смыслѣ. Именно Романэсъ думаетъ, что у ребенка, какъ и у высшихъ животныхъ, мы можемъ допустить существованіе такой посредствующей ступени въ развитіи мышленія, когда здѣсь нѣтъ еще понятія въ настоящемъ смыслѣ слова, но есть нѣчто большее, чѣмъ единичное представленіе, есть именно какъ бы общее представленіе, т.е. такого рода образы, которые объединятъ свойства различныхъ предметовъ, различныхъ явленій, но это объединеніе не носитъ того строго логическаго характера, какое мы встрѣчаемъ въ понятіи, и для такого объединенія нѣтъ нужды въ такомъ углубленномъ анализѣ, какъ это является необходимымъ для понятій или концепцій. Романэсъ и его сторонники думали, что возможно предположить, что ребенокъ еще до появленія рѣчи, а равно и жи-

ственномъ смыслѣ, расчлененіе предметовъ на извѣстныя свойства и признаки уже наблюдается позднѣе, если конечно, имѣть въ виду разнообразіе и совокупность этихъ признаковъ, а не первоначальное, элементарное различіе извѣстныхъ свойствъ. Но какъ бы то ни было, у ребенка въ раннемъ возрастѣ мы наблюдаемъ существованіе единичныхъ образовъ, которые постепенно получаютъ какъ бы болѣе общій характеръ, когда здѣсь подмѣчаются инстинктивно такія свойства, которыя сближаютъ опредѣленные индивидуальные предметы или явленія съ цѣлымъ рядомъ сходныхъ предметовъ и явленій. И вотъ, прежде, чѣмъ достигнуть высшей стадіи интеллектуальной жизни, той стадіи, которая закрѣпляется опредѣленнымъ названіемъ, терминомъ, который предполагаетъ существованіе понятія въ логическомъ смыслѣ слова, мы можемъ предполагать здѣсь посредствующую стадію между единичнымъ или конкретнымъ представленіемъ и между понятіемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Этотъ процессъ роста, образованія понятій изъ представленій не можетъ считаться окончательно выясненнымъ. Обращаясь къ современной психологіи и, въ частности, къ современной дѣтской психологіи, мы во всякомъ случаѣ встрѣчаемся съ нѣкоторыми предположеніями, заслуживающими вниманія и интереса. Въ частности, здѣсь нужно указать на ту мысль, согласно которой между единичными представленіями и понятіями (въ логическомъ смыслѣ слова) существуетъ и посредствующая стадія, которую можно назвать стадіей рецепта или рецепторной. Что касается самаго названія „рецепта", то оно введено въ психологическую науку извѣстнымъ ученикомъ Дарвина – Романэсомъ, который въ цѣломъ

новенію въ сущность этой дѣятельности, когда здѣсь мы встрѣчаемся съ извѣстными типами понятій, ихъ соединеніемъ, раздѣленіемъ, классификаціей и т.д., когда, съ этой точки зрѣнія, естественно углубленіе этого анализа въ формѣ, доступной даже и для еще не особенно значительныхъ силъ ребенка. Здѣсь рѣчь идетъ объ изученіи различныхъ наукъ, въ особенности наукъ естественныхъ, а также и наукъ математическихъ, которыя оперируютъ преимущественно съ точными опредѣленіями, когда за извѣстными названіями скрывается строго опредѣленный смыслъ, какъ это въ особенности можно сказать о математикѣ. Въ виду всего этого, этимъ дисциплинамъ принадлежитъ большое развивающее значеніе въ данномъ направленіи, въ смыслѣ выработки наиболѣе совершенныхъ, полныхъ и точныхъ понятій. Наоборотъ, могутъ быть отрасли знаній, которыя являются въ этомъ смыслѣ мало разработанными, гдѣ мы встрѣчаемся съ большой неопредѣленностью, расплывчатостью, неясностью основныхъ терминовъ, конечно, такого рода изученіе можетъ отражаться своеобразно и иногда отрицательно на самой дѣятельности образованія понятій. Съ этимъ, конечно, важно считаться и предлагать только тотъ матеріалъ, который является болѣе цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія, никогда не упуская изъ виду всего сложнаго процесса возникновенія и роста упомянутыхъ умственныхъ продуктовъ.

КРАТКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ПРОЦЕССАХЪ СУЖДЕНІЯ И РАЗСУЖДЕНІЯ. РАЗВИТІЕ СУЖДЕНІЙ У ДѢТЕЙ И РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЯ ВЪ ЭТОМЪ ПРОЦЕССѢ. ОСОБЕННОСТИ ВЪ ПРОЦЕССѢ РАЗВИТІЯ РАЗСУЖДЕНІЙ У ДѢТЕЙ И ОТНОШЕНІЕ КЪ ЭТОМУ ПРОЦЕССУ СО СТОРОНЫ ВОСПИТАТЕЛЯ.

Сужденіе предполагаетъ установленіе извѣстныхъ отношеній между понятіями. Установленіе этихъ отношеній основывается на томъ же процессѣ, съ которымъ мы встрѣчались при образованіи понятій. Я разумѣю процессъ сравненія, въ его двухъ основныхъ стадіяхъ развитія и отожествленія. Сужденіе представляетъ собою приписываніе или отрицаніе опредѣленнаго свойства у извѣстнаго предмета. Но для того, чтобы могъ осуществиться этотъ актъ, необходимъ анализъ признаковъ извѣстнаго предмета, выдѣленіе изъ всей суммы этихъ признаковъ одного или нѣсколькихъ и, наконецъ, установленіе, на почвѣ этихъ признаковъ, извѣстнаго отношенія къ другимъ предметамъ, сходнымъ съ даннымъ предметомъ въ опредѣленныхъ свойствахъ. Такъ, если мы утверждаемъ, что золото является однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ металловъ, то этимъ самымъ указываемъ на выдѣленіе признака тяжести изъ другихъ свойствъ этого металла и въ то же время устанавливаемъ его отношеніе къ другимъ тяжелымъ предметамъ. Эти замѣчанія о процессѣ образованія сужденій показываютъ, что сужденіе можетъ возникнуть уже послѣ того, какъ образовались опредѣленныя

понятія. Такое положеніе справедливо именно въ томъ случаѣ, если мы будемъ понимать терминъ "сужденіе" въ строго-логическомъ смыслѣ. Но этому термину можетъ быть придано болѣе широкое, психологическое толкованіе, и въ такомъ случаѣ мы можемъ констатировать существованіе сужденій раньше возникновенія понятій. Такимъ образомъ, можно видѣть проявленіе дѣятельности сужденій у дѣтей еще въ очень раннемъ возрастѣ, когда мы встрѣчаемся съ разнообразными желаніями дѣтей, носящими ярко эмоціональную окраску и предполагающими извѣстное утвержденіе или отрицаніе. Но, конечно, собственно логическія сужденія появляются у дѣтей гораздо позже, когда уже создается необходимая для образованія сужденій аналитическая дѣятельность. Если теперь мы попытались бы опредѣлить источники дѣтскихъ сужденій, то увидѣли бы, что эти источники многочисленны и разнообразны. Такъ, здѣсь 1.) можетъ быть простое констатированіе факта въ связи съ непосредственнымъ воспріятіемъ. Далѣе, возможно и болѣе 2.) внимательное наблюденіе, предполагающее сравнительно сосредоточенное вниманіе. Затѣмъ, можно наблюдать суж- 3.) денія на почвѣ относительнаго размышленія, въ видѣ уже выводовъ, хотя бы элементарныхъ. Но, быть можетъ, глав- 4.) нымъ и самымъ обильнымъ источникомъ дѣтскихъ сужденій является подражаніе, пассивное усвоеніе. Если бы мы попытались проанализировать все разнообразіе дѣт-

скихъ сужденій, особенно въ эпоху дошкольнаго возраста, то увидѣли бы, что этому фактору пассивнаго усвоенія принадлежитъ огромное значеніе въ этомъ процессѣ возникновенія дѣтскихъ сужденій. Часто дѣти не проявляютъ никакой самостоятельной мысли въ процессѣ установленія связи между понятіями, а просто пассивно воспроизводятъ ту связь, которую мы находимъ у взрослыхъ, причемъ здѣсь часто нѣтъ постояннаго и полнаго проникновенія въ существо соединяемыхъ элементовъ, а скорѣе встрѣчается толкованіе сочетаемыхъ понятій довольно одностороннее соотвѣтственно несовершенству общаго умственнаго развитія дитяти. Все это указываетъ на необходимость внимательнаго анализа и контроля дѣтскихъ сужденій, когда такого рода отношеніе можетъ скрыть многія отрицательныя стороны этихъ продуктовъ умственной дѣятельности у дѣтей. Разумѣется, дальнѣйшая задача воспитателя должна заключаться въ исправленіи этихъ сужденій въ смыслѣ приданія имъ такихъ чертъ, какъ ясность и отчетливость. Эти свойства могутъ быть осуществлены въ отношеніи сужденій въ зависимости отъ ясности и отчетливости самихъ соединяемыхъ понятій, и на почвѣ игнорированія этого обстоятельства передъ нами могутъ очень часто встрѣчаться случаи неправильныхъ сужденій. Такъ, не только отъ ребенка, но и отъ взрослаго иногда возможно услышать такое сужденіе, что китъ - рыба, или даже, что летучая мышь - птица. Проис-

хожденіе такихъ сужденій съ наглядною очевидностью обнаруживаетъ передъ нами поспѣшность анализа соединяемыхъ понятій, когда здѣсь обращается вниманіе только на болѣе яркіе внѣшніе признаки извѣстныхъ живыхъ существъ и не подвергаются углубленному анализу внутреннія, но наиболѣе существенныя свойства встрѣчающихся здѣсь понятій (рыба, птица, млекопитающее). Наконецъ, едва ли нужно доказывать, что наибольшею цѣнностью характеризуются сужденія, явившіяся не въ результатѣ пассивнаго усвоенія , а возникшія на почвѣ самостоятельной работы мысли, какъ продуктъ естественнаго и свободнаго роста дѣтскаго интеллекта. Въ связи съ этимъ желательно , чтобы въ этомъ процессѣ выработки наиболѣе цѣнныхъ сужденій предоставлялось какъ можно больше свободы и самостоятельности дѣтскому интеллекту и не подавлялась столь типичная для дѣтскаго возраста естественная пытливость. Съ этой точки зрѣнія, всякія "внушенія" знанія, которыя имѣютъ въ виду скорѣе пассивное воспріятіе, чѣмъ самостоятельное дохожденіе до истины, едва ли могутъ имѣть особенно большое значеніе въ цѣляхъ наиболѣе полнаго и всесторонняго развитія интеллекта.

Мнѣ нѣтъ нужды подробно останавливаться на выясненіи природы умозаключеній, -я предполагаю, что все это хорошо извѣстно вамъ изъ курсовъ логики и общей психологіи. Конечно, вы знаете основные типы умозаключеній -

- дедукцію и индукцію и вспомогательный пріемъ послѣдней - аналогію. Для раннихъ умозаключеній дѣтей, типиченъ именно этотъ послѣдній способъ - аналогія, гдѣ идетъ рѣчь о заключеніи къ полному сходству между предметами или явленіями на основаніи сходства сравнительно незначительнаго числа признаковъ, безъ достаточнаго углубленія въ анализъ этихъ признаковъ. На почвѣ этого процесса и слѣдующаго за нимъ болѣе сложнаго индуктивнаго умозаключенія и получается у ребенка, еще въ очень раннемъ возрастѣ, цѣлый рядъ обобщеній, являющихся основнымъ матеріаломъ для послѣдующихъ умственныхъ операцій. Индуктивныя умозаключенія дѣтей ранняго возраста, въ которыхъ выражаются обобщенія относительно природы познаваемыхъ явленій, носятъ своеобразный характеръ: они проникнуты столь типичнымъ для этого возраста антропоморфизмомъ. Основаніемъ для этой особенности дѣтскаго мышленія является своеобразіе психическихъ переживаній самого ребенка, когда онъ, непосредственно и инстинктивно воспринимая собственныя душевныя состоянія, видитъ въ самомъ себѣ источникъ всѣхъ своихъ проявленій, разсматриваетъ все исходящее отъ него, какъ собственное самостоятельное разсужденіе. Та же точка зрѣнія переносится и на всѣ окружающія явленія, когда послѣднія разсматриваются, какъ продукты какой то силы, аналогичной че-

ловѣческому духу, человѣческой активности. Здѣсь источникъ того антропоморфизма, который встрѣчается въ раннемъ дѣтствѣ, а также и основаніе того антропоцентризма, который удерживается и до болѣе поздняго возраста. Поэтому ребенку дошкольнаго возраста очень трудно усвоить научное представленіе о причинной связи, какъ необходимомъ отношеніи между явленіями, повидимому, такъ противоположномъ капризной смѣнѣ душевныхъ явленій, какъ эта капризность открывается недисциплинированному наблюденію. Для ребенка разнообразныя проявленія и въ сферѣ неорганической природы представляются также продуктами сознательно дѣйствующей воли, которая имѣетъ въ виду интересы опредѣленныхъ лицъ, и поэтому, по мнѣнію ребенка, относительно каждаго предмета или явленія можно сказать, кѣмъ оно произведено и для какой цѣли. Сравнительно рано проявляется у ребенка и дедуктивный способъ умозаключенія, поскольку его случайныя и неполныя наблюденія рано возводятся имъ на степень общихъ положеній и затѣмъ распространяются и на цѣлый рядъ частныхъ случаевъ. Едва ли нужно доказывать, что здѣсь мы часто встрѣчаемся и съ несовершенствомъ большей посылки, и съ спорностью средняго термина, столь важнаго для цѣнности вывода и. однако въ эту эпоху развитія устанавливаемаго часто очень поспѣшно и опрометчиво. По мѣрѣ общаго развитія постепенно совершенствуются всѣ эти формы логической дѣятельности, когда, такимъ образомъ

вырабатывается и болѣе соотвѣтствующее дѣйствительности понятіе причинной связи, важное для индуктивныхъ умозаключеній, и устанавливаются болѣе прочныя общія положенія, безъ которыхъ немыслима дедуктивная работа нашего разсудка.

Такимъ образомъ, всѣ эти виды умозаключеній развиваются естественно, на почвѣ общаго духовнаго роста, и задача воспитателя, прежде всего, заключается въ доставленіи подходящихъ матеріаловъ, по которымъ могли бы упражняться глубоко-заложенныя во всякомъ ребенкѣ задатки для болѣе высшихъ и сложныхъ проявленій умственной дѣятельности. Знакомство съ самыми разнообразными явленіями окружающей природы, съ различными видами жизненныхъ отношеній, въ формѣ, доступной пониманію дитяти извѣстнаго возраста, естественно, содѣйствуетъ развитію различныхъ видовъ логическаго мышленія, соотвѣтственно особенностямъ наблюдаемаго матеріала. Болѣе глубокое проникновеніе въ существо этого матеріала, несомнѣнно, можетъ содѣйствовать болѣе правильному пониманію причинныхъ связей между явленіями природы и постепенно освободить развивающійся интеллектъ отъ тѣхъ антропоморфическихъ тенденцій, которыя такъ тѣсно связаны съ эпохою ранняго дѣтства. Изученіе опредѣленныхъ отраслей знанія, которыя предлагаются въ извѣстной формѣ, еще въ эпоху ранняго школьнаго возраста, можетъ содѣйствовать всестороннему развитію логи-

ческихъ функцій. Такъ, математика, въ силу дедуктивнаго характера своихъ построеній, гдѣ изъ извѣстнаго общаго положенія, выводится цѣлый рядъ частныхъ заключеній, естественно больше всего можетъ содѣйствовать развитію дедуктивнаго типа мышленія. Наоборотъ, естественныя науки могутъ лучше всего культивировать индуктивный способъ умозаключенія, ибо здѣсь мы постоянно встрѣчаемъ постепенное восхожденіе къ общимъ принципамъ, на почвѣ изученія частныхъ фактовъ. Правда, въ современномъ естествознаніи мы уже встрѣчаемъ и дедуктивныя построенія, отправляющіяся отъ нѣкоторыхъ общихъ принциповъ (напримѣръ, принципъ сохраненія силы или матеріи), однако, становясь на историческую точку зрѣнія, мы всегда можемъ констатировать здѣсь преобладаніе индуктивнаго метода, все- равно какъ этотъ методъ является основнымъ и въ процессѣ усвоенія элементарныхъ знаній въ области науки о природѣ. На почвѣ приложенія этого метода именно въ сферѣ естествознанія гораздо легче постигнуть самую природу причиннаго отношенія, поскольку въ этой области связь между причиной и дѣйствіемъ вскрывается съ гораздо большею очевидностію, чѣмъ, напримѣръ, въ сферѣ явленій, которыя служатъ предметомъ спеціально историческаго изученія. Явленія послѣдняго рода, въ силу крайней сложности и разнообразія, оказываются очень трудно расчленимыми въ цѣляхъ болѣе точнаго установленія причинныхъ отношеній, и поэтому

мы здѣсь и не можемъ формулировать той строгой закономѣрности, которая открывается передъ нами въ области естествознанія. Этимъ, конечно, нисколько не умаляется значеніе историческаго образованія, цѣнность котораго очень велика по самымъ разнообразнымъ соображеніямъ. Но все это не можетъ быть предметомъ нашего обсужденія въ настоящій моментъ. Своими краткими замѣчаніями мы только хотѣли оттѣнить сравнительное значеніе разнообразныхъ предметовъ общеобразовательнаго цикла для цѣлей всесторонняго развитія логической дѣятельности. Въ своей основѣ эта дѣятельность является, конечно, прирожденной и то, что мы называемъ силою ума, глубиною мысли, едва ли можетъ быть достигнуто только одной интенсивной культурой, но огромное значеніе этого сознательнаго упражненія для наиболѣе широкаго и полнаго раскрытія этихъ природныхъ задатковъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

219 197 22

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Понятіе о волевой дѣятельности. Элементарныя формы волевой дѣятельности: рефлексъ, импульсивныя движенія и инстинктивное подражаніе и его роль въ воспитаніи. Привычка и ея сущность с педагогической точки зрѣнія

Стр 3.

Понятіе о характерѣ. Основные элементы въ образованіи характера. Воспитаніе характера. Стр. 44

6б. Анализъ процесса воспроизведенія. Различные типы ассоціацій. Память въ ея различныхъ проявленіяхъ. Ростъ и развитіе памяти. Педагогическіе выводы изъ анализа дѣятельности памяти . Стр. 69.

7б. Воображеніе. Основные типы и пріемы дѣятельности воображенія. Значеніе этой дѣятельности въ общей суммѣ душевной жизни. Дѣятельность воображенія у дѣтей. Отношеніе къ дѣятельности воображенія со стороны воспитателя и учителя. Стр. 144.

8б. Краткая характеристика высшаго типа въ интеллектуальной жизни - мышленія. Понятія ихъ образованіе. Процессъ развитія понятій у дѣтей. Отношеніе къ этому процессу со стороны воспитателя. Стр. 197.

Краткія замѣчанія о процессахъ сужденія и разсужденія. Развитіе сужденій у дѣтей и роль воспитателя въ этомъ процессѣ. Особенности въ процессѣ развитія разсужденій у дѣтей и отношеніе къ этому процессу со стороны воспитателя. Стр. 219.

Опечатка

стр.	строка	напечатано	слѣд. читать
44.	3 сверху	Пониманіе	Воспитаніе

1.04
68
36